Проф. Н. Н. Пальмов.

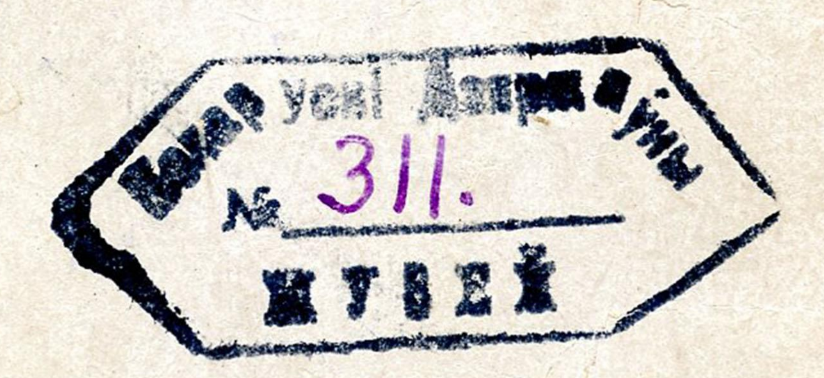
ЭТЮДЫ

по истории приволжских калмыков.

ЧАСТЬ II.



XVIII век.



Издание Калмыцкого Областного Исполнительного Комитета.
АСТРАХАНЬ.
1927.

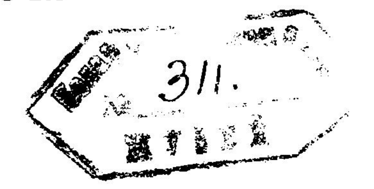
Проф. Н. Н. Пальмов.

ЭТЮДЫ

по истории приволжских калмыков

Часть вторая.

XVIII век.



ИЗДАНИЕ
Калмыцкого Областного Исполнительного Комитета.

Астрахань.
1927.

Астрахань тип. Калмоблиздата
Облилит № 32. Тираж 500 экз.



Начато набором 10 июля 1927 года, окончено печатаньем 26 августа 1927 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОТ АВТОРА.

Вторая часть «Этюдов», по задаче и ее выполнению, в основном не отличается от первой части тех же «Этюдов», выпущенной в 1926 году. Что было сказано тогда относительно характера, направления и условий работы, то же самое пришлось бы повторить и теперь, с тем только добавлением, что материалы, предлагаемые во второй части «Этюдов», раскрывают дальнейший исторический процесс, завершившийся в 1771 году уходом большей части калмыков с низовий Волги в Джунгарию под власть Китая. Читатель составит себе еще более ясный ответ на вопрос, почему ушли калмыки, когда познакомится с их социально-экономическим положением в XVIII веке; трактация об этом войдет в третью часть «Этюдов».

Автор считает своим долгом выразить искреннюю благодарность Президиуму Калмыцкого Областного Исполнительного Комитета и его председателю Э. К. Кекееву за доставленную возможность появиться в свет настоящему труду и поблагодарить Академию Наук СССР, которая, по представлению академика Ф. И. Успенского, разрешила присылку из Академической Библиотеки редких изданий, не имеющихся в Астрахани.

Центрархиву РСФСР автор обязан списком с документа, важного в истории русско-калмыцкого судебного права,—Судебных пунктов Беклемишева, от 23 апреля 1736 года, сверенным с подлинником профессором С. К. Богоявленским.

Указатель к книге составлен А. В. Левитской.

Автор.

4.VII.27.

Астрахань.

I

Восстание 1738 года.

Рука калмыцкого хана Дондук-Омбо, как правителя, была тяжела. Добившись ханства—своей заветной мечты—в результате чрезвычайных усилий и после напряженной борьбы, Дондук-Омбо крайне был озабочен упрочением за собой власти, мыслившейся им в форме абсолютизма. В глазах хана опасными врагами идеи ханского единовластия, проводившейся с настойчивостью, являлись улусные владельцы, и, в рассчете уничтожить их самостоятельность, парализовать влияние на улусы и превратить в послушных исполнителей ханской воли, Дондук-Омбо применяет к ним систему настоящего террора. Но не только к владельцам он был суров и беспощадно жесток; ту же суровость и жестокость он проявлял в отношении всех подвластных калмыков. Двоюродный брат Дондук-Омбо и преемник его по управлению калмыками Дондук-Даши дает такую характеристику хана в письме к канцлеру М. И. Воронцову в 1759 году: «Не взирая ни на владельцев, ни на знатных, ни на подлых, ни на духовных, ни на всякий мужеский пол и женский, (он) иных умерщвлял, других арестовал, а иных и вовсе искоренял, а потом писал об них, что якобы они какую-либо противность учинили» русскому правительству[1]. В своей жене-кровожадной и не менее его властолюбивой кабардинке Джан Дондук-Омбо находил достойного себе друга, советника и вдохновителя по части применения мер суровых репрессий.

Но калмыки—народ свободолюбивый, и если принять во внимание эту черту в их национальном характере, то можно было бы заранее сказать, что жесткие приемы управления, принятые Дондук-Омбо и не виданные калмыками раньше, не могли пройти хану безнаказанно и должны были вызвать с калмыцкой стороны протест в той или другой форме. Так это и случилось. 2 января 1737 года владелец Бату в секретной

[1] Астраханский Калмыцкий Архив, (сокращенно-АКА), д. 1758 года, № 268, л. 111 об. См. 1 ч. „Этюдов", стр. 240.

камере у астраханского в.-губернатора Л. Соймонова говорил: „Лубжины и прочих владельцев улусные люди все злобятся на Дондук-Омбо, ...что, по повелению Дондук-Омбо, сын ево, Галдан-Нормо, умертвил племянника ево, Батуева, Досангова сына Чидана, и все улусные люди смотрят ссоры между Дондук-Омбо и Лубжею, и когда они поссорятся, то может показаться явное на Дондук-Омбо ото всех владельцев нападение". Кроме того, Дондук-Омбо захватил улусы у некоторых владельцев и, в том числе, у Бату и его братьев. По мнению Бату, если Дондук-Омбо во время не догадается возвратить улусы по принадлежности, то „и Лекбей, и Четерь, и прочие владельцы от него отстанут и тако ево обессилят"; в дальнейшем,-рассуждает Бату,- владельцы, „совокупясь с Лубжой, будут на него нападать" [2]. Как видно, во главе партии недовольных Дондук-Омбо стоял Лубжа, сын известного владельца Дорджи-Назарова. В 1734 году вместе с отцом он пришел к Дондук-Омбо на Кубань[3], куда тот бежал в 1731 году [4]. Прежние единомышленники Дондук-Омбо, как Лубжа, Четерь и другие сильные владельцы, теперь стали к нему в оппозицию. Но в мае 1737 года Лубжа умер [5], а чрез год с небольшим, неожиданно для Дондук-Омбо, силы оппозиции сконцентрировались возле упомянутого выше Галдан-Нормо, которому, очевидно, убийство Чидана не ставилось в личную вину. Лишение Галдан-Нормо прав первородства в пользу Рандула, происходившего от Джан, вероятно, расценивалось оппозицией в смысле гарантии, что обида, причиненная отцом, будет содействовать смелости и успеху выступления его против Дондук Омбо.

Первое краткое известие о восстании Галдан-Нормо [6] калмыцкий хан посылает в Астрахань к бригадиру А. Т. Юнгеру 14 августа 1738 года и просит о командировании на помощь „в скором времени хорошего войска", которое должно было сосредоточиться возле Ахтубинского селитряного городка [7]. Более подробное известие об обстоятельствах восстания Дондук-Омбо дает в письме к полковнику О. П. Пилю от 20 ав-

[2] АКА, д. 1737 года, № 83, л. 8 и об.

[3] АКА, д. 1722 года, № 11, л. 117 об.

[4] См. мой „Очерк истории Калмыцкого народа за время пребывания его в пределах России. Астрахань. 1922", стр. 41—42.

[5] АКА, д. 1737 года, № 89, л. 196.

[6] В документах он именуется и Г.-Нормо, и Г.-Норбо; удерживаем первое наименование.

[7] АКА, д. 1738 года, № 98, л. 75.

густа. Пиль исправлял тогда в Астрахани должность губернатора. „Сына своего Галдан-Норму послал на касак при войске командиром“,—пишет хан“,—„и сего 8 августа уведомился,что он забунтовал. Того ради“,—рассказывает хан,—„отправил к нему трех знатных человек: Галдана, Габунг-Шарапа (и) Гюнгю с таким об'явлением: О уходе твоем в Баротала[8] и о бунте я известен; и ежели признаваешь меня за отца, а многих торгоутов [9] себе за отчизну, то оное твое намерение весьма противно, и намерение б свое отменил“. Послав такое „об'явление“ сыну, Дондук-Омбо приказывает посланцам об'явить и Норбо-Череню с Дамрином, действовавшим за-одно с Галдан-Нормо, „чтоб (они) оное намерение (тоже) отменили“ и все вместе принесли повинную хану, которому стало известно о присоединении к Галдан-Нормо двух тысяч калмыков из „великого войска“, посланного против киргиз-кайсаков. Выслушав посланцов Дондук-Омбо, Галдан-Нормо послал их „к великому войску“ передать приглашение владельцам Никбу, Лабан-Дондуку, Бодонгу и знатным зайсангам, „чтоб приехали к нему для совету“. Однако, Галдан-Нормо не дождался приглашенных лиц,—он, „выброся вареное мясо из котлов, на побег пошол“. „Великое войско“ пустилось за ним в погоню. Галдан-Нормо остановился и приготовился к сражению. При нем было 2 тысячи калмыков, которых он выстроил для боя, „а багаж вперед себя отпустил“. „Великое войско“ разделилось на две части: „половина войска сделали земляную осаду и в той осаде засели“, а другая половина приготовилась сражаться на лошадях. Но до сражения дело не дошло. Между калмыками начались переговоры. Младший брат хана Абшак и зять хана Сербеть[10] отделились от Галдан-Нормо, а владельцам Никбу, Лабан-Дондуку, Бодонгу и знатным зайсангам из „великого войска“ Галдан-Нормо „об'явил, что обо всем с Дондук-Омбою сам разведется, и ехать обещал“, о чем велел посланцам довести до сведения хана. Изложенные „ведомости“ Дондук-Омбо получил 19 августа, а 20 августа до хана дошло известие, что Галдан-Нормо нарушил данное им обещание-явиться к хану с повинной,—он с тысячью калмыков идет к кайсакам, и с ним же идут

[8] На полях пояснение: „Жилище далай-ламы“.

[9] На полях: „Калмыцкие улусы“.

[10] Сербеть (иначе Сербуть) сначала был женат на дочери Дондук-Омбо от Джан; потом, крестившись в Казани в 1742 году, он чрез некоторое время женился на внучке ханши Дарма-Балы, Елене Ивановне, прежней Тютере, дочери Галдан Данжина, им убитого в 1741 году. См. ниже, в статье III.

к кайсакам Лабан-Дондук и Никбу. Дондук-Омбо просит Пиля воспретить беглецам пропуск чрез Яик и послать на переправы к яицким казакам соответствующие указы, „понеже оный (Галдан-Нормо) обще ото всех нас отложился“. Что касается „великого войска“, то оно,—добавляет хан,-„сюда идет“, т. е.—на нагорный берег Волги. Татарин Юсуп, доставивший Пилю 22 августа письмо хана, докладывал на словах, что так как и сам хан решил перейти на правый берег Волги, то он обращается с просьбою к полковнику об указах по городам и рыболовным ватагам относительно беспрепятственного пользования лодками при переправе, „дабы паче чаяния от такого случая в переправе остановки не воспоследовало“[11].

21 августа Дондук-Омбо получил известие о присоединении к Галдан-Нормо владельцев Бая и Лекбея, чем в значительной степени увеличивались силы Галдан-Нормо, и что путь восставших калмыков лежит в киргиз-кайсацкую сторону. Сам хан поспешно кочевал к Черному Яру. Сообщая обо всем этом Пилю, Дондук-Омбо того же 21 августа пишет полковнику: «приезжайте в Ахтубинской селитряной городок, а войско вверх по Волге со многими пушками отправьте»[12].

23 августа к Пилю пришло письмо хана с благодарностью за командирование 120 человек солдат и 100 человек татар в Ахтубинский городок, но этот отряд хан считает все же недостаточным, так как ему нужно иметь «великое войско» и штук десять пушек,—иначе «нам никакого вспоможения не будет» от присланного отряда[13]. 24 августа Дондук-Омбо посылает новую просьбу Пилю о лодках для переправы чрез Волгу, за которые обещает заплатить провозные деньги[14]. Пиль сам выехал в Ахтубинский городок, где 25 августа получил опять напоминание хана о лодках, а также приглашение приехать „для совету“ в урочище Окорме, где находился хан[15]. В особом письме Дондук-Омбо извещал полковника, что, по имеющимся известиям, к Галдан-Нормо присоединилась уже половина калмыцких войск. С Галдан Нормо—владельцы Бай и Лекбей. Они идут против киргиз-кайсаков, но, если даже будут иметь успех в первых столкновениях с ними, «однакож, как

---

[11] АКА, д. 1738 года, № 98, лл. 151—156.
[12] Там же л. 156 и об.
[13] Там же л. 157.
[14] Там же л. 157 об.
[15] Там же л. 142.

уведомятся прочие, то, собравшись снизу и сверху, в заморозы не учинили б на нас злого нападения»[16]. Повидимому, хан не сообразил еще, какую цель преследуют восставшие против него владельцы: хотят ли они только проложить себе дорогу на Д. Восток чрез киргиз-кайсацкие степи, или поднять киргизов и вместе с ними итти обратно на Волгу, чтобы разбить хана. На случай нападения, Дондук-Омбо приготовлял встречу неприятелям на Ахтубе. Но он тревожился мыслью о недостаточности военных сил, которые мог предоставить ему из Астрахани полковник Пиль, а от царицынского коменданта П. Ф. Кольцова хан имел неутешительный ответ, что войска царицынского гарнизона все заняты охраной царицынской линии в виду опасности от кубанцев, подошедших к речке Манычу[17].

25 августа Пиль рекомендует Дондук-Омбо „как наискорее" Галдан-Нормо и присоединившихся к нему владельцев „к примирению склонить" и тем кончить дело. Просимых ханом пушек сейчас на лицо нет, но, по приказанию полковника, их не замедлят прислать из Астрахани, о чем послан ордер[18]. Из Астрахани, оказывается, могли выслать только две полковные пушки. 27 августа Пиль виделся с Дондук-Омбо в урочище Окорме в 60 верстах от Ахтубинского селитряного городка вверх по р. Ахтубе. „Застал я ево, хана, от сына своего весьма опасна",— докладывал Пиль в кабинет министров 13 сентября. При хане находилось до двух тысяч калмыцкого войска. „И как я к нему, хану, с своим войском приехал",— сообщает кабинету Пиль,—„то оной хан весьма стал быть надежен и с войком своим приближился ко мне". В разговоре с полковником Дондук-Омбо высказал опасение, как бы Галдан-Нормо не увлек за собою еще больше калмыков, и как бы чрез это „себя перед ним, ханом, не усилил" настолько, что справиться с ним хану будет невозможно. Пиль успокоил Дондук-Омбо; он указал на то, что Галдан-Нормо не решится перейти Волгу и даже будет лишен возможности сноситься с калмыками правого берега, так как всюду на переправах имеются заставы и раз'езды, получившие распоряжение, „чтоб с нагорной стороны на луговую из калмык, а паче с луговой на нагорную имеющееся при сыне ево (хана) войско без позволе-

[16] Там же, л. 142 об.
[17] АКА, д. 1738 года, № 95, л. 1071.
[18] АКА, д. 1738 года, № 98, л. 158.

ния ево, хана, не пропускать. И кого приставленные к тем заставам от него, хана, изловить прикажут, а усмотрено будет, что поймать их можно, тех бы, изловя, присылали в Астрахань, или в которой город ближее" будет[19]. Относительно калмыков, продолжавших оставаться на левом берегу Волги, хан условился с полковником, что тот напишет владельцам особое приглашение поторопиться переходом на правый берег и припугнет их опасностью приближения киргиз-кайсаков. 28 августа Пиль обращается к владельцам с предложением перебраться с левого берега Волги на нагорный, где уже находится хан, так как,—указывал полковник,—„подлинное известие имеем, что касаки уведомились о переходе вашем с нагорной на луговую сторону, а паче о намерении калмыков итти на их кочевье, то напротиву оного, для наивящего в конец разорения калмыцких улусов, они, касаки, собрали превеликое войско, и идут сюда, и где могут в сих числах получить калмыцкие улусы, всех забрать к себе"[20]. Так как после свидания и разговора с Пилем хан убедился в своей личной безопасности и нашел дальнейшее пребывание полковника в Ахтубинском городке излишним, то Пиль возратился в Астрахань, договорившись предварительно с ханом, что, по возвращении Галдан-Нормо, хан пригласит полковника присутствовать при акте примирения Дондук-Омбо с сыном.

Сведения о том, какое впечатление произвел Галдан-Нормо на киргиз-кайсаков своим продвижением в их степь, Пиль получил 28 августа из допроса калмыка Нимру, принадлежавшего к улусу владельца Галдан-Данжина. Лет с 12 Нимру находился у киргиз-кайсаков в плену и бежал оттуда 20 августа. Он слышал, что при приближении Галдан-Нормо киргизы-джагалбаи покочевали на соединение с Абулхаиром, ханом Малой киргиз-кайсацкой орды. А с Абулхаиром русские власти ведут переговоры и склоняют его к миру, от которого хан „и не отрекся, и присягу учинил. И ныне он, Абулхаир",—прибавлял Нимру,—находится „при тех же российских командирах"[21]. Убегая от киргиз-кайсаков, Нимру видел по ту и по другую сторону Яика „след великого войска", а потом удостоверился, что то был след Галдан-Нормо и его единомышленников. Таким образом, если,

[19] Там же, л. 174 и об.
[20] Там же, л. 145.
[21] Там же, л. 162 и об.

по просьбе Дондук-Омбо, Пиль действительно отдал приказ яицким казакам удержать Галдан-Нормо на переправах чрез Яик, этот приказ не был приведен в исполнение, почему калмыкам удалось переправиться на другой берег реки. Дальше они не пошли, вероятно, в виду полученных сведений о настроении Абулхаира в пользу русских и рискованности, вследствие этого, дальнейшего движения вглубь киргиз-кайсацких степей Волей-неволей калмыкам приходилось возвращаться обратно. Но Галдан-Нормо не считал свое дело потерянным,—находясь на Яике, он разрабатывал план нападения на Дондук-Омбо и захвата власти. Лекбей и Бай поддерживали его воинственное настроение; они,—как узнал после Дондук-Омбо,—„представляли ему (Галдан-Нормо), яко бы он, хан, ныне болен, и в таком случае для улусов учинить бы нападение, и себе те ево ханские улусы получил бы, а они ему в том будут вспомогатели“[22].

Происшествие в калмыцкой степи не оказалось полною неожиданностью для правительства. Царицынский комендант П. Ф. Кольцов уже писал в Петербург, что между Дондук-Омбо и Галдан-Нормо затевается ссора, почему от 5 сентября 1738 года к донскому атаману Даниле Ефремову была отправлена правительственная грамота о немедленном командировании в калмыцкую степь сына названного атамана, войскового старшины Степана Ефремова с тем, чтобы для примирения хана с Галдан-Нормо он „способы употребил“, в противном же случае, при безуспешности этих „способов“, на Данилу Ефремова возлагалась обязанность содействовать охранению Дондук-Омбо донскими казаками, при участии войск с царицынской линии под командой Кольцова и волжских казаков. При этом Дондук-Омбо должен был отойти ближе к Дону. Когда ссора развернулась в открытое выступление Галдан-Нормо против хана, 21 августа астраханский полковник Пиль поспешил препроводить в кабинет Анны Ивановны доклад о случившемся событии и приложил к этому докладу копию письма Дондук-Омбо, которым тот извещал астраханских властей о восстании Галдан-Нормо. Того же 21 августа и сам Дондук-Омбо чрез посредство Кольцова отправил к Анне Ивановне „лист“ и письмо к в.-канцлеру А. И. Остерману о стрясшейся с ханом беде.

[22] Там же, л. 210.

Дондук-Омбо писал Анне Ивановне: „послал я сына моего, Галдан-Норму над войски, отправленными на касак, главным командиром, а ныне уведомился я, что оный сын мой, Галдан-Нормо, согласясь с некоторыми моими зайсанги, намерен мне учинить злодейство. И знатно, что и противные мои родственники в том же с ними согласии, и я имею опасение, чтоб они над моею персоною какого зла не учинили“. Не надеясь устранить надвинувшуюся опасность собственными силами, хан обращается к Анне Ивановне с просьбою: „Ныне сотворить со мною милость и противников моих смирить, а приятелей порадовать“. В числе своих противников хан называет владельцев Бая и Лекбея[23]. Приблизительно такого же содержания было письмо Дондук-Омбо и к Остерману[24]. Ответом на „лист“ служили правительственные грамоты от 13 сентября к Дондук-Омбо, к Галдан-Нормо и к калмыцким владельцам, а также—указы на Дон к Даниле Ефремову, в Царицын—к Кольцову и в Астрахань—к Пилю. Остерман ответил хану письмом. „С немалым нашим неудовольствием видеть принуждены о зломыслии против тебя сына твоего Галдан-Нормы, и что с ним в том согласии и владельцы Бай и Лекбей“,—писалось в грамоте к Дондук-Омбо В целях личной безопасности, хан должен был перейти с улусами в царицынскую линию, или приблизиться к Дону, где будут охранять его регулярные войска и казаки. Донскому войсковому старшине Степану Ефремову и царицынскому полковнику Кольцову приказано „добродетельным образом приводить“ Галдан-Нормо, Бая и Лекбея „к повиновению“ хану, а сам хан „в том успокоении“ может поступать „со общего согласия с вышеупомянутыми полковником Кольцовым и старшиною Степаном Ефремовым“,—говорилось в конце грамоты[25]. Остерман, высказывая соболезнование Дондук-Омбо по поводу приключившейся с ним неприятности и отыскивая причину выступления Галдан-Нормо, с тем вместе слегка упрекает хана за то, что он не последовал совету в.-канцлера — подождать с походом против киргиз-кайсаков. „Я, яко искренний ваш друг, видя о таком зломыслии против вас того сына вашего..., сердечно соболезную. И при том, яко другу моему, об‘являю, что сие произошло из того, что вы не во-время на касак поход

[23] Там же, л. 237.
[24] Там же, л. 238.
[25] Там же, л. 239.

предвосприяли, а ежели б вы прежний мой совет приняли и до времени от того удержались, то б сын ваш к тому случая иметь не мог". К нападению на кайсаков время не ушло бы. Остерман рекомендует Дондук-Омбо „без всякого замедления" прикочевать с улусами на время к царицынской линии, или к донским казачьим городкам, где хан найдет себе надежную защиту. В другом каком-нибудь месте крайне трудно было бы оказать ему помощь: „вы, мой друг, сами известны",—говорит в.-канцлер,—„что, за наступающим зимним временем, российских войск в поле вывесть, а особливо пограничные места без прикрытия от общих наших неприятелей—крымцов и кубанцов оставить не возможно. Я уповаю, что вы, мой друг",—продолжает Остерман,—„по своему благоразумию, не оставите способа употребить, чтоб реченного сына вашего, Галдан-Норму, и других добрым порядком в прежнее к вам послушание привесть". А в заключение Остерман сообщает хану: „о нынешнем сына твоего и владельцев Бая и Лекбея к вам недоброжелательстве и к посланцу твоему, к далай ламе отправленному, Джимбе-Джамсе чрез нарочного курьера известие отправлено и дано знать, чтоб он, будучи в тамошних местах, поступки посланцов их примечал"[26]. Как видно, выступление Галдан-Нормо рассматривалось правительством, скорее как попытка этого владельца уйти на Д. Восток киргиз-кайсацкими степями, чем как намерение напасть на Дондук-Омбо, который всегда мог найти защиту у русских и справиться с мятежным сыном. В прошлом калмыков уже имелся пример: рассорившийся с ханом Аюкой сын его Санжип в 1701 году откочевал с 15 тысячами кибиток в Джунгарию. Подобный же поход мог предпринять Галдан-Нормо с единодушными ему владельцами Баем и Лекбеем. В целях разгадать действительное их намерение, правительство могло воспользоваться одним, доступным ему в данный момент способом разведки: оно посылает курьера с соответствующими инструкциями к Джамбо-Джамсо, главному лицу в посольстве, отправленном Дондук-Омбо к далай-ламе в 1737 году и еще не успевшем добраться до китайской границы,[27] чтобы при посредстве Джамбо-Джамсо определить настроение послан-

---

[26] Там же, лл. 240—241.

[27] См. в 1-й части „Этюдов" стр. 238 и дал.—„Отправка калмыцкого посольства в Тибет в 1737 году".

цов Галдан-Нормо, Бая и Лекбея, а отсюда сделать выводы и относительно самих владельцев.

В грамоте к Галдан-Нормо, после из'явления ему неудовольствия за непослушание отцу и «зломыслие» против него, проводится мысль, что правительство смотрит на выступление Галдан-Нормо, как на печальный результат воздействия на владельца недоброжелательных людей, задумавших нарушить спокойствие калмыцкого народа, от чего «может в калмыцком народе произойти новое смятение», ответственность за которое падет уже на него, Галдан-Нормо. Поэтому, владельцу приказывается: «от того богопротивного... намерения отстать и таких злых возмутителей не токмо не слушать, но и от себя отогнать, и отцу своему, хану Дондук-Омбе отдавать по прежнему сыновнее послушание» [28].

Грамота к владельцам призывает их «пристойным образом отводить» Галдан-Нормо, «от его богопротивного начинания», угрожающего спокойствию калмыков. «А ежели»,—говорилось в грамоте,—„паче чаяния, он от того не отстанет, и будет отцу своему злодействовать, то вам—владельцам, и их духовным, и зайсангам, и всему калмыцкому народу при таком случае от Дондук-Омбы, яко от нас... учрежденного хана, не отставать», в надежде на милости правительства [29]. Указами к Ефремову, Кольцову и Юнгеру, «наикрепчайше» подтверждались прежние распоряжения правительства об увещевании Галдан-Нормо и охранении Дондук-Омбо в минуту опасности [30].

Известия из Астрахани о продвижении Галдан-Нормо к Яику, кажется, убеждали правительство в догадке, что владелец прокладывает себе дорогу на Д. Восток. Но от 29 сентября Кольцов доносил в Петербург, что Галдан-Нормо хочет итти на Кубань, чтобы соединиться с кубанскими татарами и вступить в турецкое подданство. Откочевка с Волги довольно значительного числа калмыков была нежелательна, поэтому коллегия ин. дел [31], в соответствии с возможностью ухода Галдан-Нормо на Д. Восток, 14 октября 1738 года предписала В. Н. Татищеву, управлявшему оренбургской комис-

---

[28] АКА, д 1738 года, № 08, л. 242.
[28] Там же, лл. 243—244.
[30] Там же, лл. 245—246 и 235.
[31] В дальнейшем сокращенно—кид.

сией, «учинить поиск» над Галдан-Нормо, а так как ожидался приход его к Яицкому городку, то искусный офицер с казаками должен был «ночным временем тайно» подойти сюда и поймать владельца. За поимку его живым назначалась награда в 500 рублей, за убитого обещано было заплатить «в полы». В случае, если бы удалось захватить Галдан-Нормо живым, то, по поимке, надо будет доставить его„ куда способнее": или в Яицкий городок, или к Татищеву в Самару, и здесь держать владельца „под крепким караулом", но „во удовольствии в корму", впредь до особых распоряжений о нем. Правительство однако не исключало возможности ухода Галдан Нормо и на Кубань. Это могло произойти при поражении владельца Дондук-Омбо. В этом случае владельцу оставалось бы искать спасения на Кубани и пробиваться к ней с остатками войска. Точно также мог он уйти к кубанским татарам и при благоприятном исходе сражения с Дондук-Омбо, вследствие опасения понести наказание от русского правительства за дерзкое выступление против хана—ставленника правительства. Но больше смысла было тогда ему итти снова на Яик и чрез киргиз-кайсацкие степи стремиться к достижению конечной цели похода, с большей надеждою на успех его, так как он двинулся бы не с какими—нибудь двумя тысячами калмыков, но с целой ордой, отбитой у хана. Такого рода соображения проводятся в указах Пилю и Татищеву от 25 октября [32]. Происходившая в ту пору война России с Турцией, под протекторатом которой находились Кубань и Крым, побуждала правительство позаботиться о скорейшем и наиболее целесообразном разрешении досадного калмыцкого инцидента. В калмыцком народе—пограничном Кубани требовалось немедленное восстановление „тишины" и „согласия", как это раз'ясняла кид Татищеву в указе 14 октября [33]

25 сентября Кольцов рапортовал в кид, что владельца Лекбея удалось задержать на переправе чрез Волгу, и он посажен „под крепкий караул" в Черном Яру, но Галдан-Нормо и Бай соединились у р. Ахтубы и готовятся к нападению на хана. 25 октября кид предписывает Пилю „пока Волга льдом не покроется, вышепомянутых владельцов Галдан-Норму и Бая с

[32] АКА, д. 1734 года, № 70, лл. 278—279.
[33] Там же, л. 278 об.

их войски с луговой на нагорную сторону удобвозможным образом не пропускать, и для того на учрежденные форпосты людей прибавить. А буде оные силою будут переправляться, то всеми мерами стараться оных Галдан-Норму и Бая при той переправе поймать живых, или убить, обещая за то награждение по силе нашего указа... от 14 октября" [34]. В случае переправы калмыков на правый берег Волги, Пиль должен был „в самой скорости" собрать казаков, татар, крещенных калмыков, астраханских „купецких людей и прочих разночинцев, сколько возможно на лучших лошадях", и, под командой опытного командира с офицерами, отправить этот импровизированный отряд сухим путем в улус Бая. Там отряду надо было захватить жену Бая с детьми и знатных зайсангов, а после доставить в Астрахань, где, при „доброй квартире", „всяком довольствии в корму и в платьи", а также общем „призрении" их „ожидал токмо крепкий караул, чтоб уйти не могли". Захваченные лица должны были служить своего рода заложниками, и в том случае, если бы Бай не заявил готовности примириться с ханом, ему надо было об'явить, что „с женою его и с детьми будет поступлено по его заслугам". Однако, правительством предусматривалась и возможность победы Галдан Нормо и Бая над Дондук-Омбо. В этом случае Пиль и Кольцов должны были вступить в „пересылку" с Галдан-Нормо и Баем; „ и оных всячески ласкать, чтобы оные за Яик, а паче на Кубань с отчаяния отойти не могли, и для того представлять им, чтоб они о той причине, по которой они что над ханом учинят, прислали сюда, ко двору нашему, с доношением посланцов, что принято будет в наше великодушное и милостивое рассуждение, и могут они получить нашу милость, и быть по прежнему в нашей протекции, и когда они кого сюда пошлют, и вам оных отправить сюда со удовольствием" [35].

Оставить хана на произвол судьбы и не оказать ему обещанной помощи было неудобно для правительства. Дондук-Омбо просил „для опасного случая" командировать к Царицыну две тысячи конницы. Исполнить эту просьбу хана не представлялось возможности: свободных войск на месте не было, „за

[34] Этим указом, как и указом на имя Татищева от того же 14 октября, Пилю давалось знать о премии за захват Галдан-Нормо, если бы это случилось и на волжской переправе; там же, л. 277 об.

[35] Там же, л. л. 283—284

нынешним с турки и с татары военным случаем"; но, чтобы хотя несколько успокоить хана, кид запрашивает Татищева, не может ли он отпустить из Самары стоявший там астраханский гарнизонный драгунский полк и одну половину его направить в г. Дмитриевск, а другую—в Царицын. При невозможности командировать драгунский полк, кид поручает Татищеву собрать и отправить в указанные пункты несколько сотен нерегулярной конницы, „ибо нечаятельно здесь, чтоб сия их калмыцкая ссора вскоре прекращена быть могла, и для того в тамошних местах необходимо войск умножить надобно"[36]. Как и Пиль, Татищев тоже снабжается указаниями о способе воздействия на Галдан-Нормо и Бая, если бы им удалось нанести поражение Дондук-Омбо, и если бы они после этого пошли к Яику. „Вам",—писалось Татищеву в указе,—„ в таком случае в Яицкой казачий городок—отправить от себя доброго офицера и приказать ему иметь с теми владельцы пересылку, и оных всячески ласкать, чтоб оные за Яик куда далее с отчаяния отойти не могли. И для того представлять им, чтоб они о той причине, по которой они что над ханом учинили, прислали сюда ко двору нашему с доношением посланцов" и т. д. Мысль о возможности снискать владельцам милость и покровительство Анны Ивановны выражается теми же словами, что и в вышеприведенном месте из указа к Пилю[37].

В указе кид к Кольцову от того же 25 октября повторяется прежнее правительственное распоряжение—склонить хана как можно скорее перейти к царицынской линии и к Дону, чем он не только обеспечит личную свою безопасность, но и задержит уход Галдан-Нормо на Кубань. „И таким образом удобнее будет ему, хану, над ними, Галдан-Нормою и Баем, и действительный поиск учинить, к чему его, хана, под рукою и побуждать надлежит, и при том стараться, чтобы их, Галдан-Норму и Бая, не упустить, но живых поймать, или уже и убить, дабы тем случаем их смятение прекратить. „Что касается Лекбея, то из Черного Яра следует перевезти его водяным путем" „под твердым конвоем" в Царицын и здесь содержать „под крепким караулом", не отказывая „во всяком довольстве" по части пищи и одежды, на что, как и на другие его нужды, разрешалось тратить средства из казны.[38])

36) Там же, л. 285

37) Там же, л. 286.

38) Там же, л. л. 287—288.

Письмо Остермана от 25 октября тоже посвящено убеждению хана в необходимости поторопиться переходом на безопасные кочевья возле Царицына и Дона, а также предпринять „поиск“ над Галдан-Нормо и Баем, если они вздумают пробираться на Кубань. „Я уповаю“,—пишет в.-канцлер,—„что вы, мой друг, сие ее и. в-ства всем-шее повеление для лучшей вашей же и всего калмыцкого народа пользы со охотою исполните, ибо ныне имеются в получении ведомости, яко крымцы и кубанцы в одно время намерены приход учинить на донские казачьи городки и на ваши калмыцкие улусы, и за тем как с Дону, так и с царицынской линии знатной части войск во отдаленное место отлучить невозможно. Но надлежит вам для той от кубанцов предосторожности некоторые команды и посты в степях учредить и приказать им иметь частые раз‘езды, и ежели где неприятель с кубанской стороны явится, то с донскими казаками общею силою над ними поиск учинить[39].

Наконец, указом на имя Степана Ефремова от 25 октября и названному донскому войсковому старшине вменяется в обязанность «всячески склонять» калмыцкого хана, «чтоб он все калмыцкие улусы... всемерно отправил к царицынской линии и к Дону, где оные не токмо от противных калмык, но и от нападения кубанских татар охранять будет способнее, нежели на обширных степях. Да и калмыцкие войски, будучи при нем, хане, без улусов и налегке, удобнее могут ему, хану противу непослушников помогать, такожде и во время приходу кубанских татар скорее могут соединиться с донскими казаки и общими силами над теми кубанцы поиск учинить». Сверх того, Ефремов должен стараться доказать Дондук-Омбо необходимость и пользу нарочитых застав и раз‘ездов в степи, в целях предупредить внезапный налет кубанских татар, а также—„по часту хана спрашивать и собою разведывать о их калмыцких нынешних обращениях, и не имеет ли которой улус намерения к побегу на Кубань. И буде что таковое уведаешь“, —внушает Ефремову указ кид,—„о том тебе ...во всякой скорости и чрез нарочно посланных давать знать кизлярскому коменданту подполковнику Бунину“[40]. Последний, в силу данного ему особого указа, «по получении известия о

[39] Там же, л. 292 и об.
[40] Там же, л. 289 и об.

побеге которого-либо калмыцкого улуса на Кубань, собрав все кизлярские войски и гребенских казаков, в том побеге тем калмыкам" должен был оказать препятствие и чинить над ними поиск, „яко над неприятели"[41].

Почти все эти распоряжения петербургской власти оказались запоздалыми. Пока они пришли по назначению, выступление Галдан-Нормо было уже ликвидировано.

Дондук-Омбо принимал свои меры к ликвидации восстания. После свидания с Пилем 27 августа, хан еще раз отправляет посланцов к Галдан-Нормо и убеждает сына прекратить ссору. 19 сентября посланцы вернулись от Галдан-Нормо и доложили хану, что его сын, находившийся за Яиком в расстоянии восьми дней пути от Волги, в разговоре с посланцами выразил готовность помириться с ханом при одном лишь условии: если хан отдаст ему один из улусов, на которые он претендует—Барон, или Зюнь. Галдан-Нормо поручил посланцам довести это условие до сведения хана и обещал ждать ответа у Яика, при чем заявил, что к Волге он не пойдет и в личные переговоры с ханом пока не намерен вступать. Посланцы в бытность свою у Галдан-Нормо заметили, что его калмыки испытывают лишения: лошади у них „весьма исхудали", и „харч" у войска издержался. Калмыки не в состоянии будут долго переносить лишения: „большая половина того войска сюда придет",—уверенно говорили хану посланцы,— „а хотя де Галдан-Нормо у Яика и останется, токмо надеются быть (ему) в малолюдстве"[42]. Такие сведения Пиль получил 23 сентября по письму Дондук-Омбо от 19 сентября. Придавая значение соображениям посланцов о возможности прихода к Волге калмыков с яика и предполагая, что они явятся на переправы с владельцами Баем, Лекбеем, Бамбаром, Эмчином и зайсангами в числе восемнадцати, Дондук-Омбо обращался к Пилю с словесной просьбой, переданной полковнику ханским посланцом, привезшим письмо,—„если возможно", поймать на переправах вышеназванных владельцев и зайсангов, которым составлен был список. „А ежели поймать будет невозможно, чтоб в переправе им не мешать, и дать волю итти на нагорную сторону, а потом уже хан сам будет над ними про-

[41] Там же, л. 284 об.
[42] АКА, д. 1738 года, № 98, л. 200.

иск чинить"—говорил посланец хана полковнику и прибавлял относительно владельца Бая, что если он будет переправляться на р. Бузане, то „ в том ему запретить, а велеть переправляться через Волгу". Назвавши сторонников Галдан-Нормо, посланец указал с тем вместе, кто из владельцев остался верен хану,—это были Бодонг, Бату и Лабан-Дондук: они „во оную ссору не вступали, и вспоможение Галдан-Норме не чинили ж". Кроме того, при хане в данное время находились владельцы, родственники Бая: Абуша и Ользету, а также Сербеть, родственник Лекбея[43].

В другом письме, полученном Пилем того же 23 сентября, Дондук-Омбо просил у полковника разрешения на проезд в калмыцкие улусы черкасского Эль-мурзы, заявившего готовность помочь хану своим небольшим войском [44]. 25 сентября Пиль ответил Дондук-Омбо советом: „сына своего, Галдан-Норму, и прочих владельцев, и зайсангов извольте прежде приласкать и по прежнему в милость принять, (а) со временем можете, по своему желанию, с ними учинить (что угодно), ибо весьма способно будет их изловить, как они в руках ваших при улусех будут". Что касается просьбы хана—переловить владельцев на переправах, то эта просьба не исполнима вследствие недостатка военных сил, охраняющих переправы. Рисковать в данном случае не приходится, потому что если при попытке изловить это не удастся, или если сторожевые солдаты и казаки захватят одного—другого владельца, прочие же успеют уйти, „то из того произойти может вящее беспокойство и в калмыцком народе замешание. И будут те оставшиеся как от вас, так и от нас—с обоих сторон—остерегаться, и других калмык тем страхом к себе приманивать". Поэтому, лучше будет „промысл над ними иметь" только тогда, когда они соберутся около хана. Бая Пиль обещает не перепускать чрез Бузан и заставить итти в улусы чрез Волгу. А Галдан-Нормо и Лекбей, за отсутствием у них большого числа калмыков,—рассуждает полковник,—долго не продержатся: они „всемерно, как я думаю, сами к вам в покоризну приедут", говорит Пиль. Караулы везде поставлены, необходимые распоряжения еще раз подтверждены,—поэтому, нечего хану особенно опасаться за себя. Хан просит пропустить к нему Эль-

[43] Там же, л. 200 об
[44] Там же, л. 201.

мурзу, но в его помощи нет надобности, тем более, что на него возложена охрана Кизляра на случай нападения кубанских татар на эту крепость [45]. Около 25 сентября Лекбей был пойман на переправе чрез Волгу у Черного Яра; врагами хана оставались Галдан-Нормо и Бай.

2 октября Пиль получил от Дондук-Омбо известие, что Бай с своим улусом, миновав Красный Яр, идет вверх по Волге с намерением, повидимому, переправиться на правый берег реки. Но для хана являлось загадкой, почему Бай оставил на местах „убогих" калмыков, добывающих пропитание себе рыбной ловлей, и не повел их за собой. Как будто собираясь в далекий поход, Бай запасся большим количеством соли. Сам владелец говорит, что он и перебрался бы с калмыками на правый берег Волги, но „опасение имеет от Галдан-Нормы". Влияние последнего на Бая сильно; поэтому Дондук-Омбо скорее склонен думать, что Бай „на нагорную сторону переправляться не будет", и для того, чтобы принудить его к переправе, Дондук-Омбо просит полковника „в скором времени" послать к Баю Л. Т. Шахматова с пред'явлением требования о переправе. Иначе Галдан-Нормо подойдет с Яику, соединится с Баем, и тогда,—пишет хан,—„как во интересе в. г-ни, так и мне (будет) не без ущербу" [46].

С ясным намерением дискредитировать Лекбея и Бая посланец Дондук-Омбо, Темир-Болот, по поручению хана, рассказывает Пилю о прежних неблаговидных поступках и даже злодеяниях этих и других враждебных хану владельцев. Лекбей и Бай отказались участвовать в походе Дондук-Омбо на Кубань против Азамат-мурзы, а во втором кубанском походе хотя и были, но больше для вида, так как взяли с собой незначительное количество войска и скоро оставили Кубань под предлогом, что мало получили добычи; этим они в свое время „учинили помешательство" хану в его военных операциях. В будущем хан не ожидает пользы ни от них, ни от Галдан-Нормо, поэтому всех их следует переловить и держать под крепким караулом. Четыре года тому назад Лубжа и Бай замыслили убить своего дядю, Абуджу, а в нынешнем году Бай питал тот же замысел относительно своего племянника

[45] Там же, л. 202 и об.
[46] Там же, л. 207.

Ользету, Данживова сына. Абуджа и Ользету только у хана нашли спасение. Сейчас Лекбей и Бай являются „вспомогателями" Галдан-Нормо, решившего отнять улусы у хана, в виду якобы его болезни. Галдан-Нормо, по сведениям калмыков, все еще стоит у Яика. Но его калмыки голодают и говорят между собой: „Хотя де он, Галдан-Нормо их всех перекует, но и тем их не удержит,—все от него отстанут и пойдут к своим кибиткам". Такие речи доходят и до Галдан-Нормо, почему он вынужден был просить калмыков, „чтоб обождали они время, пока от него, хана, получит резолюцию, а до того времени, приближась к Красному Яру, кормиться будут покупкою—пшеном". Теперь Галдан-Нормо двинулся к Волге,—заметил расскасчик, Темир-Болот[47]. Отвечая того же 2 октября хану, Пиль напоминает ему об указе, которым Кольцову и Степану Ефремову поручено примирить Дондук-Омбо с Галдан-Нормо и с прочими владельцами, а с своей стороны считает делом совершенно невозможным переловить владельцев на переправах[48].

3 октября Пилю было доставлено письмо Дондук-Омбо от 2 октября Хан не без тревоги сообщает: „Ныне приехавший человек об'являет, что Баев улус пришол к Цаган-Багасуну[49]; також, и Галдан Нормо будто с Баем соединился. И оные двое согласились, чтоб с войском перейти на нагорную сторону и нас разбить. Того ради прикажите",—просит хан,—„сильное великое войско выслать на две переправы, а именно: в урочище Ишке-Бурум и Хара-Яр[50], и как возможно, остановите[51]. В ответе на это письмо 4 октября Пиль высказывает недоумение, почему недавно хан просил о пропуске Галдан-Нормо чрез Волгу, теперь же просит не пропускать его. Если хан имеет основание бояться нападения Галдан-Нормо и Бая, то ему следует кочевать к царицынской линии, или же к Дону, а если это по какой-либо причине неудобно, то пусть хан кочует к Астрахани и расположится „по Болде, где прежде Аюка-хан во время прихода на них кубанцов охранен был российским войском"[52]. При наступающих холодах нельзя по-

[47] Там же, лл. 209-210.
[48] Там же, л. 208.
[49] На полях пояснение: „т. е. татарское жилище ниже Катеринкиной ватаги".
[50] На полях: „Ишке-Бурум и Хара-Яр немного выше Бузанского устья".
[51] Там же, л. 211.
[52] Это событие произошло в 1715 году. Защита, оказанная тогдашним военным командиром Астрахани, кн. А. Бековичем-Черкасским, не соответствовала видам хана

слать войска из Астрахани куда-либо вдаль. К урочищам Ишке-Бурум и Хара-Яр возможно командировать только капитана Л. Т. Шахматова с солдатами водой, да татар—сухим путем. Их задачей будет склонять Галдан-Нормо и Бая к примирению с ханом[53].

Дондук-Омбо упорно не хотел итти к царицынской линии и к Дону. Он просил о подаче военной помощи из Астрахани. От того же 2 октября хан пишет новое письмо к Пилю и, сообщая о соединении Галдан-Нормо с Баем, как о совершившемся факте, взывает к полковнику о помощи, так как опасность велика. „Ныне“,—пишет Дондук-Омбо,—„приехал ко мне знатной человек и об‘являет, что Галдан-Нормо подлинно приехал к Баю в дву тысячах человеках, и посланных моих задержали, и положили с Баем намерение, чтоб ночью переправиться на нагорную сторону и меня разбить. Вы, верный мой друг, вначале для в. г-ни, также и для меня радение приложите. Також-конных драгун, казаков, татар, в скором времени войско собрав, ко мне пришлите“ [54]. Пиль получил это письмо 4 октября, а 5 октября отвечал хану, что драгун и казаков в Астрахани нет. Сколько можно было набрать солдат и татар, они отправляются с Шахматовым на переправы. Для своей защиты хан может потребовать солдат с застав по Волге, но лучше сделает, если приблизится к Астрахани[55].

С Шахматовым Пиль отправляет 5 октября увещательные письма к Баю с его братьями и к Галдан-Нормо, составленные в духе и в выражениях грамот 13 сентября. Владельцы приглашаются к примирению с Дондук-Омбо и к покорности хану [56]. 9 октября к Пилю еще раз поступает просьба Дондук-Омбо о присылке войска [57], написанная еще до приезда Шахматова, а 10 октября Пиль читал уже письмо от хана, датированное 8 октября, с выражением благодарности за присылку на переправы солдат и татар под командой Шахма-

Аюки и имела печальные последствия для Бековича-Черкасского в 1717 году и для русских в 1719 году; см. „Очерк“, стр. 24—26. Напоминание о 1715 годе не могло доставить удовольствия и Дондук-Омбо.

[53] АКА, д. 1738 года, № 98, л. 212.
[54] Там же, л 214.
[55] Там же, л. 215
[56] Там же, лл. 219—220.
[57] Там же, л. 218.

това [58]. Благодаря последнему, Галдан-Нормо поддался убеждениям и пошел на мировую с ханом. Но Бай оставался непреклонным,—он откочевал вверх по Волге. 21 октября Шахматов вернулся в Астрахань и привез от хана письмо Пилю: „Сын мой, Галдан-Нормо пришол ко мне в покоризну",—писал Дондук-Омбо,—„и между собою в мир приходим. А Бай и с улусом покочевал мимо урочища Бокдо. Того ради писал я к Петру Кольцову, чтоб он от себя к нему кого отправил знатного; також и я к нему, Баю, от себя отправил, чтоб со мною примирился". У Бая было две тысячи кибиток. Не только один Бай по прежнему оставался враждебно настроенным в отношении к хану, почему и продолжал действовать после капитуляции Галдан-Нормо. В цитируемом письме Дондук-Омбо указывает, что зайсанги Норбо-Черень и Дамрин с 40 калмыками покинули своего владельца Галдан-Нормо, когда тот заявил, что отказывается от сопротивления хану и слагает оружие [59]. Малочисленность подвластных не вызывала смущения у зайсангов,—они знали, что Бай всегда примет их в свой улус. Не шла на примирение и дочь Дондук-Омбо, по имени Лабанг, иначе—Джибзанг-Дора. С своими зайсангами и слугами, в числе 20 человек, она примкнула к восставшему Галдан-Нормо, „шаталась",—по выражению Дондук-Омбо в письме к двору,—между Яиком и Волгой, „ожидая окончания в калмыцком народе начавшегося смятения", и теперь отказывалась последовать примеру Галдан-Нормо, просившего отца о помиловании. 27 октября посланец хана устно докладывал в кид, что „хан Дондук-Омбо имеет известие, яко бы та дочь его намерена пробраться к далай-ламе, и потому чаятельно, что оная около Яика к Российским жилищам приближится, и того ради именем ханским просил, чтоб куда надлежит послать указы, дабы оную его ханскую дочь и при ней калмык, где случай допустит, поймать и содержать под караулом". По просьбе хана, в ноябре 1738 года кид дает указы в Яицкий казачий городок, в Оренбург и во все пограничные места, „что ежели где вышеписанная ханская дочь с калмыки явится, то б старались всех их переловить живых, или побить до смерти" [60]. Кроме дочери хана, одинаково с Баем враждебно были настроены против Дондук-Омбо обе вдовы умершего владельца

---

58 Там же, л. 112.
59 Там же, л. 115.
60 АКА, д. 1734 года, № 70, л. 294.

Лубжи: старшая Чот с „большим" сыном Бамбаром и меньшая Цегунг с сыном Емчином. После того, как Галдан-Нормо покорился отцу, обе эти владелицы тоже дали присягу покорности хану, но верна присяге оказалась одна Цегунг, перекочевавшая на правый берег Волги в ханские улусы, а Чот с Бамбаром,—как пишет Дондук-Омбо Пилю от 1 мая 1739 года,—«тайным образом» присоединилась к Баю и следовала за его улусом[61].

Владелец Бай кочевал с своим улусом вверх по Волге. Из доклада донского старшины Ст. Ефремова в кид видно, что одни об'ясняли движение Бая желанием дойти до какого-нибудь большого города и здесь креститься, другие предполагали во владельце намерение пройти за Яик. 4 ноября 1738 года кид дает указ Татищеву-написать к Яицкому войску и в пограничные пункты оренбургского края, чтобы владельца Бая и его улус «за Яик не пропускали, а ежели б он похотел итти силою, в таком случае поступали с ним яко с неприятелем и учинили над ним поиск». В случае же, если бы он действительно захотел креститься и заявил об этом, то его с «фамилией» следует принять в город и, «удовольствуя кормом и прочим» содержать «под твердым смотрением», или препроводить в Самару к Татищеву «под крепким караулом, чтоб с пути уйти куда не мог». Улус Бая приказывалось временно держать «при том городе, которой люднее», и, в предупреждение ухода улуса «за границу», в качестве гарантии, «взять знатных зайсангов детей и содержать в городе». И вообще, «всячески стараться вам»,—внушает Татищеву кид,—«чтоб оного владельца Бая, а особливо улус его за Яик не пропустить, что особливо на ваше искусство и верность полагается»[62]. Бай знал, что за ним зорко следят, и не рисковал действовать смело. Он чего-то выжидал и как будто на что-то надеялся. В конце 1738 года он высказывает желание помириться с ханом, дает даже присягу в верности хану, «положа на голову своею бурхана», но все же на соединение с ханом не идет, под предлогом «студеного времени» и «худобы скота»,—как писал царицынский комендант Кольцов в кид 4 января 1739 года[63]. До мая этого года он кочует на

---

[61] АКА, д. 1739 года, № 103, л. 22.
[62] АКА, д. 1734 года, № 70, лл. 296—297.
[63] АКА, д. 1739 года, № 102, л. 2113.

левом берегу Волги в степях луговой стороны Волги, держась названных городов и не обнаруживая желания итти на правый берег реки, где кочевал Дондук-Омбо. В кид имелись сведения, что Бай готовился к уходу за Яик. Соответственно этому, военная коллегия, по представлению кид, 25 мая 1739 года посылает грамоту яицкому войску, что если «легкомысленной калмыцкой владелец Бай с улусными своими калмыки придет к Яику с намерением перейти за Яик, то—его не перепускать; а буде станет переходить сильно, то искать способа того Бая взять и содержать в Яицком казачьем городке, или отвезть в российской городок, куда будет способнее; а буде оного Бая единолично поймать будет невозможно, то хотя над улусом ево чинить военной поиск и тем крайним способом к переходу за Яик не допускать. Толь наипаче поиск над оным учинить, ежели он каким случаем уже за Яик перейдет; и всячески стараться, чтоб оного с улусом в дальние от Яика места не отпускать»[64].

В апреле 1739 года Бай кочевал вблизи г. Красного Яра, в урочище Кигас. Окружавшие владельца калмыки, в особенности Бамбар, поговаривали о неизбежности рано или поздно покориться хану, да и сам Бай склонялся к этой мысли. Но тут калмыкам стало известно, что Дондук Омбо выслал Галдан-Нормо из улуса в Царицын, и у них возникло опасение разного рода репрессий со стороны хана, если бы они даже и заявили готовность подчиниться ему. Бай решил пробираться к Мангишлаку. Его поддерживали Лобанг, сын Лекбея, и зайсанги, но Бамбар и Гунба этому не сочувствовали. Настаивая на покорности хану, Бамбар вошел в переговоры с Емчином, который уже был в улусах хана, и дал знать владельцу, что если на Бая будет послано калмыцкое войско, то он, Бамбар, сумеет собрать возле себя до 500 кибиток шабинеров, китченеров и чоросов, которых поведет на соединение с ханским войском. Узнавши о переговорах Бамбара, Бай откочевал к Яику[65].

24 мая Пиль докладывал кабинету о посылке к Баю военного отряда под командой майора Несветаева для вручения владельцу письма с доводами в пользу возвращения калмыков к хану и с уверениями в полной безопасности как для них, так и для Бая этого неизбежного шага[66]. 19 июня в астраханской губ. канцелярии бежавший от Бая зайсанг Буда-Уту

[64] АКА, д. 1734 года, № 70, лл. 304=305.
[65] АКА, д. 1739 года, № 103, л. 24 и об.
[66] Там же , лл. 16—18.

Шарапов рассказывал о приезде Несветаева к Баю 10 июня и о том, что между майором и владельцем начались переговоры, окончания которых он не дождался, а воспользовавшись представившимся случаем, бежал в Астрахань. Передавая о настроении Баевых калмыков, зайсанг говорил, что «до приезду из Астрахани русских посланников, большая половина Баева улуса со владельцем Гунбою да с Лубжиным сыном Бамбаром от него, владельца Бая, откладывались, чтоб итти к Волге и соединиться с Дондук-Омбою, а он, Бай, с прочими имел намерение, чтоб итти к трухменцам в Мангышляк, а как посланники приехали, то уже он не слыхал ни от кого никакого намерения»[67]. От 14 июня кид посылает Пилю указ, что если Бай не особенно далеко отошел от Волги, то Пиль должен „всякими способы увещевать и склонять" владельца, „чтоб он с ханом Дондук-Омбою, примирясь, соединился". Если Бай обнаружит склонность к тому, то его надо переправить с луговой стороны Волги на нагорную и «в том ему пристойное вспоможение учинить». Но если владелец откажется от предложения и станет «вдаль отходить», то «в таком противном случае» полковник должен действовать по силе прежде данных указов «и по усмотрению, и по обстоятельству», сносясь с царицынским комендантом Кольцовым[68].

23 июня посланцы Бая Лоузанг и Джамбо представляют в астраханскую губ. канцелярию письмо своего владельца, который, не отказываясь от примирения с ханом, подробно излагает обиды и несправедливости, причиненные ему Дондук-Омбо. Дело началось с того, что хан захватил половину Баева улуса за то, что Бай соединился с Галдан-Нормо, а этого избежать нельзя было, так как Галдан-Нормо, явившись с владельцами Бату, Лекбеем и Лабан-Дондуком «слишком в десяти тысячах человеках», потребовал от Бая, чтобы он «ево партию держал», почему,—пишет Бай,—«за множеством людей, под страхом, я об'явил в такой силе: что надлежит, то буду представлять в пользу ему». Впоследствии, когда посланец хана, Арула, предложил Баю примириться с ханом, Бай это предложение „апробовал", но не в силах был исполнить требования Арулы о беглых калмыках, которых посланец вменил Баю в обязанность всех переловить и доставить на правый берег Волги. Тогда

[67] Там же, лл. 29—30.
[68] Там же, л. 140.

начались преследования Бая, в которых принял участие и Кольцов, посылавший против владельца гренадер. Баю пришлось переходить с места на место, а между тем Дондук-Омбо, не возвращая владельцу его улус, „оброк с него взял" и, кроме того, отдал двух Баевых калмыков русским „под караул". На р. Алгаре, куда откочевал Бай в намерении начать отсюда новые переговоры с ханом, ему пришлось опять испытать бедствия: „приехали в лодках многое войско, и взяли многое число скоту, и людей воевали", и самого Бая привели в такой страх, что он хотел откочевать с Алгары к Яику, „где желал получить ведомость" от Кольцова, к которому было написано обо всем этом. Кроме того, Бай просил дворянина Везелева подробно осведомить астраханских властей о положении дела, в надежде найти подходящий способ примирения с ханом, но ни от Кольцова, ни от Везелева ответов владельцу не последовало. Теперь Бай надеется, что губ. канцелярия доложит о содержании его письма Анне Ивановне, и от нее владелец ждет правильного суда. В другом письме Бай и с ним Бамбар, основываясь на уверениях посланцов из Астрахани, хлопочут о выдаче причитающегося им за два года казенного жалованья: денег в размере 1200 рублей и 600 четвертей муки[69].

Как бы мы ни смотрели на то письмо Бая, где он возлагает ответственность за происшедшее всецело на Дондук-Омбо, а также, отчасти, на Кольцова и Везелева, остается несомненным, что для представителей русской власти не было уже оснований ожидать каких-либо эксцессов со стороны Баевых калмыков,—в них крепло желание подчиниться хану, а в самом Бае росло стремление найти удобную почву для переговоров с Дондук-Омбо о примирении. На словах Бай высказывал Несветаеву: „с ханом Дондук Омбою дальной и важной ссоры у меня нет; токмо помириться мне с ним как, не знаю, ибо без вины всякой моей отнял у меня отцовский и брата Лубжи улус и жену ево, Лубжи, меньшую отдал слуге своему, Улюмджи"[70]. В деле своего примирения с ханом Бай имел надежду на участие русской власти, и надо сказать, что в данном случае хорошую роль сыграли бы яицкие казаки, если бы в их действия не вмешался астраханский обер-комендант бригадир Юнгер, необдуманными приказаниями в значительной ме-

---

[69] Там же, лл. 52—53.
[70] Там же, л. 54.

ре испортивший дело. Следуя распоряжениям Татищева, яицкие казаки в летнюю пору нарядили к калмыкам походного атамана Ив. Турыборина, при полковнике Ив. Осипове и казацкой старшине в 30 человек, и снабдили их письмами к Баю. 19 июля посланные докладывали яицкому войску чрез казачьего полковника Илью Меркульева, что „приехав к нему, Баю, в орду (они) явились и посланные от войска письма ему отдали. И помянутой Бай как их, послов, так и письма приятно принял, и прочим при нем владельцам: Гунбе и Лубжиной жене об'явил, которая и пред ними пред всеми владением справнее. И потом... послы уговаривали, чтоб они кочевали с улусами к нашему Яицкому городку, обещая им от всемшей г-ни милость. И помянутой владелец Бай, собрав своих зайсангов, учинили об оном совет, но токмо того ж числа получили они известие чрез своих калмык, которые имелись у него, Бая, на карауле, что наше войско пришло к урочищу Чепухе, то оной владелец Бай, призвавши наших посланных, с сорою говорил: приехали де вы к нам несправедливые послы и обманщики, что де идет ваше войско и хотите нас воевать. И на оное наши послы ему, Баю, и с зайсангами об'явили: оное де наше войско идет не для того, чтоб вас воевать, но по известиям ваших послов и беглецов, понеже идут под вас киргиз-кайсаки в немалом собрании, чтоб нам их чрез Яик не перепустить, и ваши улусы от них оборонить[71]. И по многим разговорам, означенной владелец Бай и с зайсангами об'явили, что де мы ее и. в—ству служить со усердием готовы, и к вашему Яицкому войску со охотою кочевать желаем, но токмо де опасны вас, что вы наши улусы разорите, а нас, владельцов, безвременно Дундук-Омбе отдадите, и ежели де дадите нам души всем войском, что нас не разорять, и Дундук-Омбе не отдавать, а от киргиз-кайсаков друг за друга стоять и оборонять, и ежели де в том обещаетесь, то де мы к вашему Яицкому городку покочуем, а для лучшего бы договору, взявши у походного войска души, походной атаман Иван Турыборин и приехал с малыми людьми сам. И на оное их желание атаман Турыборин, взявши у походного войска души и с собою казаков 50 человек, к нему, Баю, поехал, а команду оставил в недалеком от орды расстоянии. И как со оным

[71] Ср. *В. Н. Витевский*—„И. И. Неплюев и оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 2. Казань 1890", стр. 252.

Баем и с ордою с‘ехался, и обо всем договор учинил, а дал им души под присягою, чтоб до указу ее и. в—ства им обид никаких не чинить; також и их привели к присяге ж, чтоб им всем--шей г—не верно служить, и как российским городам, так и нам, войску, обид никаких отнюдь не чинить“. Указав на начавшуюся перекочевку калмыков вверх по Яику в направлении к Яицкому городку, яицкое войско спрашивает оренбургскую канцелярию: «ежели ж оная орда близ нашего городка прикочует, где повелено будет кочевать, и в какой силе оную орду содержать? Да оные ж владельцы, как прибудут к нашему городку, то желают от себя послать послов до канцелярии комиссии для своих нужд и о состоянии своем об‘явить, и об оном что повелено будет: оных послов до канцелярии комиссии отпустить надлежит ли? ‘—Канцелярия с полным одобрением отнеслась к действиям казачьих посланцов и распорядилась, чтоб яицкое войско имело наблюдение за владельцем Баем, „дабы, по легкомыслию их, никоим бы образом уйтить не мог“. С тем вместе яицкий атаман должен был „искусным образом“ потребовать от Бая в качестве аманатов человек до пяти „из лучших людей“, или же самого Бая „всякими способы приласкать, чтоб в Яике жил, а улусы близ оного кочевали“, впредь до указа. К Баю канцелярия написала, что калмыки, обязанные при перекочевке к Яицкому городку содействию яицкого казачества, теперь должны ожидать резолюции правительства относительно дальнейшего своего положения и поэтому „имеют в тех местах кочевать“ пока „неподвижно“, при чем если желают „послать из своих знатных людей кого с какою просьбою, оное (им) дозволяется“. Послав доклад о калмыках правительству, но не зная, как действовать в отношении к ним в ближайшее время, канцелярия запросила о том мнения коменданта ставропольской крепости А. Змеева и царицынского коменданта Кольцова. Змеев ответил, что у него нет никаких указов на этот счет. Кольцов признал целесообразными мероприятия канцелярии и в особенности рекомендовал склонять владельца Бая к переходу внутрь Яицкого городка, или, в крайнем случае, добиваться у него получения аманатов с тем рассчетом, „чтоб оных до резолюции гкид подержать“ в городке. Но если,—прибавлял Кольцов,—„он, Бай, что другое ко удостоению себя бу-

дет требовать, то б канцелярия комиссии поступила с ним, Баем, по силе прежних, имеющихся во оной комиссии указов[72].

Аманаты в числе пяти знатных зайсангов с их женами и детьми были даны Баем, но оренбургская комиссия все же продолжала оставаться в неведении, что делать с владельцем и с его калмыками дальше. 20 августа начальник комиссии, князь В. А. Урусов написал в кид, что он уговаривает Бая итти на Волгу и соединиться с ханом Дондук-Омбо, но положительных результатов от этих уговариваний пока не видит. Урусов просит кид снабдить его точными указаниями на случай, если „Бай намерения своего ко уходу вдаль не отменит". 24 сентября кид препровождает Урусову увещательную грамоту на имя Бая и самому Урусову дает распоряжение—отправить с грамотой к Баю „доброго офицера и велеть ему напред ехать в Яицкой казачий городок и, взяв с собою из первых старшин знатного человека и пристойную из яицких казаков команду, ехать к нему, Баю, и по подаче ему нашей грамоты склонить его к соединению с ханом Дондук-Омбою, обнадеживая, что он, хан, ему, Баю, никакой противности не учинит. И когда он, Бай, к тому склонится, тогда тому офицеру и старшине с тою командою препроводить его, Бая, к хану Дондук-Омбе. А чтоб он, Бай, отошед от Яицкого казачьего городка, вместо того, что к хану итти, не прошол за р. Яик, для того взятых у него, Бая, пять человек зайсангов удержать в Яицком казачьем городке, а жен их и детей отпустить к Баю, а о них сказать, что они отпустятся чрез Самару и Царицын по соединении его, Бая, с ханом". При отказе Бая итти к Дондук-Омбо, следует «тайным образом» вызвать подкрепления из яицкого войска и „взять того владельца Бая одного или с фамилиею его в яицкой казачий городок и во оном, до указу нашего, содержать со всяким удовольствием в корму и в платье под крепким смотрением, чтоб уйти куда не мог», а улус препроводить под казачьим конвоем на Волгу к хану, „и в пути стеречь, чтоб казаки из оного улуса скота, а паче калмычат не растащили"[73]. В грамоте от 24 сентября Баю указывалось, что от несогласия между им, владельцем, и ханом Дондук-Омбо происходит „токмо одно повреждение и умаление ваших же калмыцких улусов, ибо когда

[72] АКА, д. 1739 года, № 103, лл. 157 об.—162.
[73] Там же, л. 148.

внешние ваши неприятели о таком твоем отлучении уведают, то могут притти и на тебя напасть и улус твой разорить“ раньше, чем явятся на помощь яицкие казаки. Бай должен немедленно итти к хану и ему „отдавать по прежнему надлежащее почтение и послушание“, в надежде на милость правительства и на сохранение за собой прежнего казенного жалованья. Владелец не должен опасаться обид от хана,—хану приказано предать забвению все, что произошло между ним и Баем, и не отбирать от владельца принадлежащих ему улусов[74]. Грамота с такого рода требованиями дана хану Дондук-Омбо от того же 24 сентября[75].

До получения приведенного указа и грамот Урусовым, в конце августа из Астрахани явились на Яик татарский табунный голова мурза Булатаев и зайсанги Дондук Омбо с ордером от бригадира Юнгера—взять под караул 12 человек зайсангов Баева улуса, по особому списку, и препроводить улус на Волгу. С Баем, его сыном Бикмаром и с ханской дочерью Юнгер приказывал поступить по силе указов кид. Яицкое войско запросило оренбургскую комиссию относительно порядка исполнения этого распоряжения, казавшегося войску черезчур суровым и идущим в разрез с прежними более мягкими мерами воздействия на Бая и его калмыков. В комиссии имелся только указ Татищеву от 24 мая, предусматривавший случай самовольного ухода владельца за Яик,—,,более изобразительных о нем, Бае, указов,—окроме что о имени и предосторожности“,—в канцелярии не было. Урусов отдал распоряжение по яицкому войску в том смысле, что хотя в канцелярии нет указов, которые можно было бы применить в данный момент, но с другой стороны и ,,представления“ Булатаева и зайсангов, присланных Юнгером, ,,оставить (без внимания) весьма невозможно“, и что вообще все надо учинить ,,благосмотрительнее“, дабы ,,не произошло из того какой нечаянной от тех улусных калмык противности“, то в виду этого яицкое войско должно действовать не иначе, как ,,по совету с присланными из Астрахани“, в особенности же стараться завлечь Бая и Бикмара с дочерью хана в Яицкий городок ,,под предлогом угощения или другого благодеяния, чтоб без оных в улусе возмущения и противности наилегче укрощены быть могли“. Прежде всего необходимо захватить зайсангов, значащихся в

[74] Там же, л. 150.
[75] Там же, л. 151.

списке, а улусных калмыков надо уговаривать, „чтоб они без всякия боязни шли в соединение с улусами Дондук-Омбо". Но если „уговаривание не поможет, то" остается „силою к тому принудить", поступив в этом случае „по совету присланного табунного головы и зайсангов, ибо чаятельно",—полагает Урусов,—что они „о том снабдены от оной губернии довольным наставлением". Таким образом, Урусов в своем распоряжении возлагал всю ответственность за возможные последствия при исполнении ордера бригадира Юнгера на него самого и о своем ответе яицкому войску рапортовал в кид 31 августа. 29 сентября он докладывал кид, что яицкие казаки „неоднократно призывали" Бая и Бикмара в свой городок „для угощения", но владелец с сыном „их уговору ни в чем не слушает, и в Яицкой городок добровольно ехать не хочет". Казаки опасаются „изловить" владельца, почему и просят у Урусова указаний, что им делать с Баем и калмыками. С своей стороны, Урусов пока ответил казакам, что ему „нечего определить" сверх известного казакам из грамоты, данной им военной коллегией, по силе каковой грамоты они обязаны поступать во всем „без упущения", а равно—и по силе ордера из Астрахани, ссылающегося на секретные указы о Бае и его калмыках, присланные в Астрахань[76]. Но, оказывается, никаких особых секретных указов в Астрахани не было, и вот почему кид, по докладу Урусова, сделала астраханской губ. канцелярии строгий выговор за распоряжение о высылке 12 зайсангов Баева улуса под караулом, признав это распоряжение совершенно незаконным, так как,—писала кид в астраханскую канцелярию 22 октября,—в указах кид, „никогда не (было) писано" о подобного рода мере. Чтобы несколько поправить дело, кид приказала канцелярии не отправлять зайсангов к хану, а содержать их в Астрахани, выдавая им „кормовые деньги со удовольствием", в случае же, если зайсанги уже отправлены к хану, канцелярия должна была немедленно вернуть их с дороги. Грозя, что за неисполнение этого приказания канцелярия „останется в ответе", кид внушала астраханским властям „более старания прилагать, чтоб ево, Бая, с ханом добродетельно к примирению привесть и тем ссоры их в дальность не допустить"[77].

[76] Там же, лл. 187—190.
[77] Там же, лл. 185—186.

Однако, неудачное направление, данное делу Юнгером, имело свои последствия. Из доклада Кольцову Ст. Ваулина от 26 октября из Черного Яра мы узнаем, что улус Бая хотя и кочевал от Яика к Волге, но сам владелец Бай с двумя своими женами бежал, хотя и недалеко. В Узенях жены Бая и дочь хана об'явились Булатаеву, и тот отправил их к Дондук-Омбо, сдав на поруки и на попечение знатных зайсангов. Вскоре после тогда об'явился и Бай. Он следовал с 30 калмыками позади улуса и прислал к Булатаеву в Рын-Пески посланца сказать табунному голове: «Я де с улусы свои к женам ехать опасен, понеже де жены мои и дочь хана отданы на поруки, а я де за улусами своими поеду к Дондук-Омбе и буду де о вине своей у него, хана просить прощения". 2 ноября тот же Ваулин сообщал, что ханская дочь доставлена в Черный Яр и сдана ханскому дарге[78]. 2 апреля 1740 года Л. В. Боборыкин, принявший от Кольцова ближайшее заведывание калмыцкими делами, получил известие от Дондук-Омбо, что „Бай владелец приехал, и ныне при мне. И по приезде же говорил: которые он сделал противности, и те б ему отпустить, и от смерти ево свободить". Простив владельца, хан все же заставил двух владельцев-детей Лубжи, приходившихся племянниками Баю, поручиться за него[79]. Притти в калмыцкую степь окончательно заставило увещание хана,—16 апреля 1740 года Дондук-Омбо говорил Боборыкину, что он посылал к Баю зайсанга, который ханским именем уверил владельца в полной его безопасности и в том, что за ним будут сохранены все его имущественные права[80]. 5 мая хан сообщает Боборыкину, что улус Бая перешел в полное распоряжение этого владельца[81], а 20 июня Дондук-Омбо ходатайствует пред астраханскими властями о выдаче Баю казенного жалованья, причитавшегося ему за два года[82].

После смерти Дондук-Омбо Бай жил не долго: вместе с некоторыми другими владельцами партии, противной вдове Дондук-Омбо, кабардинке Джан, он был убит в междоусобие 1741 года[83].

---

[78] АКА, д. 1739 года, № 104, лл. 492 и 530.
[79] АКА, д. 1740 года, № 110, л. 150.
[80] АКА, д. 1740 года, № 112, л. 9 об.
[81] АКА, д. 1740 года, № 110, л. 150.
[82] Там же, л. 212 об.; ср. д. 1740 года, № 117, л. 19—доклад Боборыкина в кид от 15 апреля.
[83] „Очерк", стр. 45.

Владелец Лекбей, перевезенный из Царицына в Астрахань и содержавшийся здесь под караулом, в ноябре 1738 года умер. Докладывая об этом в кид 11 ноября, Пиль запрашивал кид, что ему делать с арестованными калмыками, присылаемыми Дондук-Омбо. Так, в Астрахани сейчас находятся: владелец Бату, его сын и несколько человек зайсангов; можно ожидать присылки и других, арестуемых ханом владельцев и зайсангов. Хан считал себя всюду окруженным врагами и хотел с ними расправиться, при чем не особенно разбирался, кто прав и кто виноват. Владелец Бату раньше состоял у Дондук-Омбо в полном „кредите", затем хан обвинил его в соучастии с Галдан-Нормо и послал на владельца своего племянника Нигбу с войском. Бату и его сын Тангут были схвачены и препровождены в Астрахань при письме хана, который „об'являл вину его (в том), якобы оной владелец Бату с его ханским сыном имел согласие—его, хана, воевать", при чем просил Пиля „оного владельца Бату и с сыном его содержать под крепким караулом и с людьми видеться не допускать". Бату не признавал за собою никакой вины. Отрицались от всяких преступных замыслов и зайсанги, присланные под ханским караулом в Астрахань. За отсутствием улик, Пиль принужден был содержать всех арестованных „со удовольствием кормовых денег". В ответ на представление Пиля, кид указом от 22 декабря 1738 года предписывает полковнику призвать к себе Бату с сыном и „наедине" об'явить им, что впредь до получения другого указа он будет содержать их в Астрахани „со всяким удовольствием в платье и в кормовых деньгах", но от них требуется „известие, за что именно хан Дондук Омбо с ними так поступил, и их арестовал, и хотя б они с сыном его ханским, будучи в касацком походе, или и до похода противу ево, хана, какое и противное намерение имели", об этом они должны об'явить „бесскрытно" и „безо всякого сумнения и опасения": здесь надо знать это для того, „чтоб удобнее было их с ханом Дондук-Омбою примирить и их, владельцов, по прежнему восставить при их владении". Правительству известны заслуги Бату в дербентском, кубанском и крымском походах, так что „он должен быть уверен относительно „пристойных мер", какие правительство примет в пользу владельца и его сына. Точно также надо спросить Бату о количестве его собственных улусов и записать показания владельца. „Да и посторонне

о вышеписанном и в каком состоянии ныне улусы их находятся, разведать и о том о всем сюда донесть". До получения указа Пиль должен был содержать Бату с сыном в Астрахани „под пристойным караулом", но „со всяким удовольствием", поступая с ними „ласково"; надо однако „смотреть, чтоб они до времени уйти куда не могли". Подобного же рода распросам Пиль должен был подвергнуть и зайсангов, содержа их впредь до указа „под караулом с дачею кормовых денег". Если бы Дондук-Омбо прислал в Астрахань и еще арестованных владельцев и зайсангов, то Пиль должен потребовать от хана „на письме обстоятельного из'яснения о винах их", а потом-опросить самих арестованных и, кроме того, „посторонне разведывать", в чем заключается дело, „и о том, а особливо ежели такие присланные будут из владельцов, не упуская ни малого времени, сюда доносить и до указа содержать оных в Астрахани под караулом, и владельцов перед прочими-со особливым удовольствием". Возвращаясь снова к владельцу Бату, кид поручает Пилю распросить о нем у арестованных зайсангов, не знают ли они, за что хан так „озлобился" на владельца, о котором известно, что он „напред сего у него (хана) был в кредите паче других"; равным образом—узнать, „он, хан, что ныне делает, или намерен сделать сыну своему, Галдан-Норме и его партии зайсангом". Обо всем этом и о прочем Пиль должен записывать и „записки" присылать в кид[84].

Одновременно с этим указом кид Пилю, 22 декабря посылается грамота к Дондук-Омбо относительно владельца Бату. Столь „не чаянная ведомость" о нем, пришедшая от Пиля, принята „с немалым удивлением" Анной Ивановной, так как владелец Бату до сих пор был известен, как „доброго состояния человек", зарекомендовавший себя с лучшей стороны в „службах", какие случалось ему нести с 1731 года. В 1736 году сам Дондук-Омбо посылал его в крымский поход в качестве главного командира калмыцких войск, а в письме, данном Галдан-Нормо ханом, сказано, что он, хан, под присягою подтвердил непричастность Бату, как и некоторых других, перечисленных поименно калмыцких владельцев и зайсангов, к выступлению Галдан-Нормо. „Изо всех вышеписанных обстоятельств помянутого Бату",—читаем в грамоте,—„не токмо никакая противность не показалась, но еще к тебе (т. е. к хану Дондук-Омбо) добро-

[84] АКА, д. 1734 года, лл. 302—303.

желание является". Поэтому, „не по малу мы, в. г-ня, удивляемся, что ты, не донося нашему им-скому в-ству с ним, Бату, и с сыном его, яко со владельцы, тако поступил, что с пользою калмыцкого народа весьма несходственно, ибо от того и калмыцкие владельцы могут притти в страх и в калмыцком народе новое смятение, а паче, когда о сем внешние неприятели ваши уведают, то могут признать, яко в калмыцком народе есть несогласие и от того возымеют случай всеми силами на оный нападение учинить". Поступать с владельцами так, как поступлено ханом с Бату, „с пользою калмыцкого народа не сходственно", поэтому хан должен немедленно„ со всякими ясными обстоятельствы" представить об'яснение поступка с Бату, „дабы мы в состоянии быть могли оное рассмотреть и в пользу твою и всего калмыцкого народа определение учинить, и для того тебе улусов их до указу нашего другому никому во владение не отдавать"[85]. Грамота пересылается в копии в астраханскую губ. канцелярию 8 февраля 1739 г.[86]. Но еще до получения в Астрахани указа и грамоты от 22 декабря 1738 года, даже до выхода их в свет, Бату и Тангут умерли в Астрахани от оспы; Бату 2-го, а Тангут 3-го декабря. Их похоронили на татарском кладбище. Донося об этом в кид 10 марта 1739 года, Пиль доводил до сведения кид и о том, что, по распоряжению хана, улус Бату перешел во владение Бодонга, улус же Лекбея, умершего раньше, перешел к ханскому зятю Сербетю. „Сколько в котором улусе кибиток", об этом „точно наведаться не мог" толмач И. Татаринин, которого Пиль посылал с известием о смерти Бату и Тангута в степь[87].

Остается сказать несколько слов о судьбе Галдан-Нормо. Из предыдущего мы знаем, что Дондук-Омбо не оставил сына у себя в степи, но удалил его сначала в Царицын, передав царицынскому коменданту в один из приездов его к хану. 7 мая 1739 года Кольцов пишет хану: „в. с—ству во известие дружески об'являю, что по от'езде моем от с—ства, я и с сыном вашим, Галдан-Нормою в Царицын прибыл благополучно сего

[85] АКА, д. 1739 года, № 103, лл. 135—136.

[86] Там же, л. 134.

[87] Там же, л. 137. Соответственно приведенным документальным данным, сведения у *М. Г. Новолетова*—„Калмыки. СПБ 1884". стр 24, и „в Очерке", стр. 47, основывающемся в данном случае на труде Новолетова, якобы об умерщвлении Лекбея, Бату и Тангута ханом Дондук-Омбо—нуждается в поправке. Неправильно и указание „*Иакинфа Бичурина* в его труде—„Историческое обозрение Волжских калмыков" в „Журнале Мин. Вн. Дел" за 1833 г., ч. IX, стр. 422, что в кровопролитие 1741 года погиб и Галдан-Нормо, „законный наследник ханства".

мая 6 числа, и тот ваш сын здесь под надлежащим смотрением имеется".[88] О передаче Галдан-Нормо Кольцову Дондук-Омбо сообщил и правительству, мотивируя свой поступок желанием, „дабы он (Галдан Нормо) с калмыками видеться не мог".[89] Очевидно, хан не был уверен в полной покорности сына и ожидал от него возможности нового выступления. 6 июля Кольцов докладывал в кид: „Понеже отданной мне калмыцким ханом Дондук-Омбою сын его Галдан-Нормо содержится здесь, за бывшим пожарным временем и неудобными квартирами, в городовой башне, где ево и содержать не без сумнения", то необходимо было бы для него „в пристойном месте построить светлицу с летним покоем", или же „для лучшего содержания отправить его в Ставрополь, где крещенные калмыки живут"[90]. Ни тот, ни другой проэкт Кольцова правительство не приняло, а решило препроводить Галдан-Нормо на жительство в Казань. Об этом был дан указ Кольцову, при чем кид поручала ему поговорить наедине с Галдан-Нормо и узнать, что за причина ссоры его с Дондук Омбо, и почему хан так сильно его не любит. Кольцов говорил с Галдан-Нормо и изложил об‘яснения ханского сына в особой записке, которую послал в кид при рапорте об от‘езде Галдан Нормо водным путем из Царицына в Казань 28 августа. К записке Кольцов приложил два письма Галдан-Нормо: одно—к Анне Ивановне, другое—к Остерману. Кроме того, от Галдан-Нормо было еще третье письмо к секретарю кид, В. М. Бакунину[91]. Из промемории царицынской канцелярии в казанскую губ. канцелярию от того же 28 августа видно, что ханского сына сопровождали в Казань три его служителя и воинский конвой при саратовском дворянине И. Трунницком[92]. Высылка Галдан-Нормо доставила большое удовольствие хану. 14 сентября он пишет Кольцову: „Ныне же чрез посланца моего Самтана получил я в. г—ни грамоту, в которой написано, что де для несвидания с калмыками в.г—ня Галдан-Норму повелела отвезть в дальнее место, почему за высоч—шую в. г—ни ко мне милость, премного благодарствуя, кланяюсь"[93]. Оказывается, сам Дондук-Омбо просил правительство о ссылке Гал-

[88] АКА, д. 1739 года, л. № 102, 845.
[89] АКА, д 1739 года, № 103, л. 60 об.
[90] АКА, д. 1739 года, № 102, л. 1163.
[91] Там же, л.л. 1345—1348 и 1354. К сожалению, ни записки Кольцова, ни писем Галдан-Нормо в нашем распоряжении не имеется.
[92] Там же, лл. 1324—1331.
[93] АКА, д. 1739 года, № 104, л. 74.

дан-Нормо в какое-нибудь „отдаленное место“, но только не по близости к владельцу Дондук-Даши и княгине Анне Тайшиной, находившимся в Ставропольской крепости[94]. Указом кид от 27 сентября 1739 года Боборыкину не было запрещено при случае сказать хану, что сын его находится в Казани; напротив, разрешалось сообщить и о том, что в Казани он содержится „со всяким в корму и в платьи удовольствием“, но „под крепким караулом“[95]. Однако, указом от 12 октября Боборыкину дается другое распоряжение: если бы хан его спросил, где сейчас Галдан-Нормо, то он должен был ответить, что Галдан-Нормо „велено содержать в отдаленном месте, чтоб он с калмыки видеться не мог“, а на вопрос, где именно находится ханский сын, Боборыкин должен был отозваться „неведением“[96].

В Казани Галдан-Нормо не прожил и года. 1 сентября 1740 года казанский губернаторский товарищ, князь Гагарин писал Кольцову о смерти Галдан-Нармо, последовавшей 27 июля того же года, и о том, что по ходатайству дядьки Галдан-Нормо, Докья-гецюля, труп ханского сына было дозволено сжечь. 30 июля Докья-гецюль обратился с просьбою к Гагарину—разрешить пересылку костей Галдан-Нормо в калмыцкую степь для погребения. Гагарин запросил по этому поводу кид, но так как оттуда ответа не приходило, между тем 21 августа Докья-гецюль снова стал просить об отправке костей Галдан-Нормо в степь, указывая, что до окончания 40-дневного периода поминок остается всего 13 дней и надо торопиться с исполнением обряда, то губернаторский помощник рискнул без указа кид самолично удовлетворить просьбу Докья-гецюля и отправил кости Галдан-Нормо в калмыцкую степь с толмачем Ст. Ивановым[97].

Правительство мирволило Дондук-Омбо и спускало ему все, так как услуги калмыцкого хана нужны были России в войне ее с Турцией. Только уже после смерти хана канцлер Воронцов позволил себе в письме к калмыцкому наместнику Дондук-Даши от 30 сентября 1759 года отозваться о Дондук-Омбо, что при всех своих заслугах „напоследок (он) сделался вредным не только всему калмыцкому народу, но и собственной его фамилии“[98]. Конечно, канцлер имел в виду чрезвычайную суровость и жестокость Дондук-Омбо, от которой всем калмыкам приходилось страдать.

8/VI—27 г.

[94] АКА, д. 1739 года, № 106, л. 49.
[95] Там же, л. 3.
[96] Там же, л. 49.
[97] АКА, д. 1740 года, № 107, лл. 979-980.
[98] АКА, д. 1758 года, № 268, л. 113.

II.

Взаимоотношения калмыков, киргиз-кайсаков и джунгарцев за время с 1742 г. по 1747 год.

С начала сороковых годов XVIII столетия в Джунгарии возникает новый план привлечь к себе приволжских калмыков в рассчете, что своей массой они будут способны оказать значительное содействие джунгарцами в отражении не прекращавшегося натиска на них со стороны манджюро-китайцев. Борьба с последними, грозившая Джунгарии порабощением, требовала от нее громадного напряжения сил и затраты энергии. При том, отбиваясь от врагов на западной своей границе, Джунгария не могла быть спокойной за восточную границу. Военные силы приходилось стягивать к западу, и противоположная часть страны по необходимости оставалась открытой нападению киргиз-кайсаков, стремившихся вернуть себе земли, некогда захваченные у них джунгарцами. Приблизительно к 1738 году относится разгром Большой киргиз-кайсацкой орды правителем Джунгарии Галдан-Черенем, в ответ на нападения киргиз-кайсаков. В 1741 году Галдан-Черень наносит еще более страшное поражение киргиз-кайсакам Средней и Малой орды, отнеся на их счет смуту в Джунгарии, вызванную появлением там Карасакала, выдававшего себя за Лоузанг-Шуну, сына джунгарского хун-тайджи, Цеван-Рабтана и его законного наследника[1]. Разбивши киргиз-кайсаков, джунгарцы гонят их за правый берег р. Урала, и только присутствие русских военных сил возле г. Орска останавливает дальнейшее преследование[2].

В это время киргиз-кайсаки уже считались состоявшими в русском подданстве, но, с одной стороны, они сами не особенно были заинтересованы в нем, так как мысль о сохранении

---

[1] О Карасакале даже запрещено было говорить в Джунгарии. Г. *Н. Потанин*—„Наши сношения с джунгарскими владельцами" в издании: „Сборник истор.-стат сведений о Сибири и сопредельных ей странах. Т. II, вып. 1. СПБ. 1875", стр. 37-38

[2] Г. *Е. Грумм-Гржимайло*—„Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II Ленинград. 1926", стр. 674-675. *В. Н. Витевский*—„И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 1. Казань. 1889", стр. 173.

независимости была живуча в них, а с другой стороны—с русским подданством киргиз-кайсаков не хотел мириться джунгарский правитель, продолжавший считать их подвластными себе. На почве довольно неопределенного политического положения киргиз-кайсаков у Галдан-Череня зреет план склонить приволжских калмыков к уходу из России и перевести их в Джунгарию чрез степи при посредстве киргиз-кайсаков. А у этих последних было свое стремление—установить самую тесную связь с кубанскими татарами, попасть к которым можно было только чрез Волгу и калмыцкую степь, или же с Туркестаном. С 1741 года в правление калмыками вступил Дондук-Даши, в значительной степени обязанный назначением в наместники калмыцкого ханства вдове хана Аюки, Дарма-Бале[3]. Старая ханша предполагала снова вернуться к роли главного деятеля в калмыцкой политике с ее дальневосточной ориентацией, чтобы осуществить давнишнюю мечту об уходе из России. В своем месте мы видели, что после трагической смерти Цеван Рабтана политические симпатии Дарма-Балы перешли к Китаю[4]. Но теперь, спустя 10-12 лет, она опять возвращается мыслями к Джунгарии и на нее обращает свои надежды. По соображениям ханши, Дондук-Даши должен бы был явиться послушным исполнителем ее воли и вести калмыцкий народ, куда она укажет,—однако, Дарма-Бала ошиблась в рассчетах: наместник скоро сбросил с себя опеку старой ханши и даже определенно стал в положение ее злого врага.

В письме к В. Н. Татищеву, полученному им 14 мая 1745 года, Дондук-Даши припоминает астраханскому губернатору разговор о Дарма-Бале, происходивший в 1742 году вскоре по приезде наместника от двора Елизаветы Петровны в конце сентября, или в начале октября этого 1742 года[5]. Разговор имел место «пониже Царицына»; на свидание с губернатором наместник приезжал «ночным временем». «Тогда вы о таком ханши Дармы-Балы злодействе мне сказывали, яко бы уведали вы, что она, ханша, намерена была с калмыцкими улусами к Зюнгором отойти, о чем и ее и. в-ству доносили»[6]. Конечно, сообщение Та-

---

[3] „Очерк“, стр. 49, примеч. 102

[4] См. „Этюды, ч. I“, стр. 50-72: „Калмыки и Джунгария за период времени с 1723 по 1728 год“.

[5] АКА, д. 1742 года, № 140, л. 135: авдиенция у А. П. Бестужева-Рюмина 16 сентября 1742 года.

[6] АКА, д. 1745 года, № 175, л. 51.

тищева не составляло новости для Дондук-Даши,—в степи калмыки говорили о предположенном уходе еще в начале лета 1742 года, и им было известно даже то, при какой обстановке должен был состояться их уход. Сам Татищев получил сведения о том от полковника Л. В. Боборыкина, находившегося в степи. 1 июля 1742 года Боборыкин писал губернатору со слов одного из калмыцких владельцев, что один калмык, вернувшийся от киргизов, к которым вместе с другими калмыками ездил по торговым делам, передавал владельцу о присылке из Джунгарии посланцов к киргизам для заключения с ними договора о мире и взятия аманатов. В то время, когда калмык уезжал обратно к себе в степь, киргиз-кайсаки ожидали прихода джунгарских войск на оренбургские вершины. Тот же владелец передавал Боборыкину о разговорах среди зайсангов улуса Дарма-Балы, „яко бы зюнгоровы калмыки в 50 тысячад войска идут войною на кайсак с таким намерением, чтоб их забрать к себе. А ежели де того учинить будет не можно, то б де хотя от них, кайсак, взяв аманатов, учинить с ними мир, а потом притти к Волге". Главная команда над джунгарскими войсками принадлежит племяннику Дарма-Балы, владельцу Септеню, сыну старшего брата ханши. Он имеет целью „ее, ханшу, со всеми улусами взяв, возвратиться в свои улусы". Дарма Бала не скрывает своего радостного настроения в виду таких приятных известий и старается настроить соответственным образом и окружающих ее; она говорит им: «ежели де те зюнгоровы войски, пришед к ним, и их возьмут с собою, то б де они тому радовались». По поводу слухов о надвигающихся на калмыцкую степь важных событиях Татищев послал доклад правительству; не ограничившись этим, он доводит циркулирующие слухи и до сведения оренбургского губернатора И. И. Неплюева, которого просит, в письме от 6 июля, иметь наблюдение за возможною пересылкою между киргиз-кайсаками и калмыками, а также принять необходимые меры против подхода джунганцев к оренбургским вершинам. 5 июля Татищев получил еще одну весть, привезенную из киргизских степей астраханским мурзой Адиль-Темир Булатовым. В свою бытность среди киргизов, Булатов видел джунгарского посланца, явившегося с письмом к Абул-Мамету, хану Средней орды. При подаче письма, посланец «говорил, чтоб он, хан, и прочие знатные старшины отдали к ним, зюнгорцам, в аманаты детей своих с

пристойным числом людей, скотом, кибитками и провиантом, чтоб они по прежнему у них в верном подданстве были",—в противном случае джунгарцы грозили киргизам пойти на них войной и разорить «без милосердия». Абул-Мамет ответил посланцу, что без воли Елизаветы Петровне он «учинить ничего не может», и что вообще дать какой бы то ни было ответ на письмо возможно для него только после совета с оренбургским губернатором, к которому пригласил посланца ехать с собой[7].

От 2 августа Татищев сообщает Неплюеву об отходе киргиз-кайсаков от р. Урала вглубь степей для присоединения к общей их массе. По словам одной калмыцкой женщины, которой удалось бежать из киргизского плена, киргизы готовятся к зимнему походу на Волгу. Они между собою говорят: «как зюнгоровым калмыкам, дав аманатов, и с кочующими у Волги калмыками мир учинят, то, дождався зимы, чтоб силою перейти чрез Волгу и соединиться с кубанскими татарами, ибо де тогда русские в зимнее время им препятствия учинить не могут, а калмык де бояться нечего». Татищев распорядился не допускать киргиз кайсаков до пересылки и переписки с кубанцами, а калмыков—удерживать от столкновений к киргизами[8].

Из указа коллегии ин. дел от 8 августа того же 1742 года видно, что хан Средней орды Абул-Мамет, Барак-батырь и султан Аблай перешли в джунгарское подданство, дали аманатов и обязались платить дань Галдан-Череню. Покончив с Средней ордой, джунгарский правитель с угрозами стал требовать покорности и от хана Малой орды, Абиулхаира. По этому поводу кид вменяла в обязанность оренбургскому губернатору позаботиться о том, чтобы отвлечь Абулхаира и Абл-Мамета от покорности Галдан-Череню, а этому джунгарскому правителю губернатор должен был об'явить, что названные киргизские ханы давно уже состоят в русском подданстве, и поэтому он не должен иметь на них притязаний, тем более—требовать с них дани. Неплюев отправил к Галдан-Череню майора Миллера для переговоров, но, повидимому, миссия не имела успеха, так как Миллер докладывал, что Галдан-Черень продолжает привлекать киргизов к себе и берет дань с киргизов Большой и Средней орды--по лисице с ста кибиток[9].

---

[7] АКА, д. 1742 года, № 147, лл. 4—6.
[8] Там же, лл. 112—114.
[9] Г. *Е. Грумм-Гржимайло*, цит. изд., стр. 675—676, примеч. 4.

Что касается калмыков, то у них заметна явная заинтересованность киргизами. Если отбросить обычные у кочевников налеты друг на друга, сопровождающиеся захватом пленных и угоном скота, то необходимо обратить внимание на постоянные приезды калмыков в киргизские степи и киргизов в калмыцкие степи для продажи и мены скота, при чем торговцы с той и другой стороны нередко являются в качестве посредников при сношениях между калмыками и киргизами чисто политического характера, даже при наличии специальных для того политических посланцев, время от времени привозивших письма и словесные приказы своих владельцев. К 1742 году относится попытка брата Дондук-Даши, Бодонга, приверженца ханши Джан, найти убежище для себя и для детей Джан у киргизов[10]. 14 августа Татищев писал Неплюеву, что Бодонг „человеках в пятистах", переправясь чрез Волгу, бежал в степь. Погоня за ними не имела особенного успеха, и хотя „за ними от ханши Джана для уговариванья ближний ее зайсанг Нюудель и послан, но токмо по тому возвратятся ль,—неизвестно, и опасно того, чтоб оные в кайсаки уйтить не могли, или б, подходя к русским жилищам, воровские нападения не учинили". Допуская возможность ухода Бодонга к киргиз-кайсакам, где калмыцкий владелец мог рассчитывать на прием, Татищев просит Неплюева „о непропуске их чрез Яик ко уходу в кайсаки на Яик... подтвердить"[11]. Соответствующие меры были приняты Неплюевым, но надобности в них не оказалось, так как, по уговорам Нюуделя, Бодонг вернулся обратно. Интересно при этом отметить любопытный случай захвата знатных киргизок калмыками, одна из которых, сноха Абулхаир хана, жена Эрали султана, по имени Ххана, досталась Бодонгу. Абулхаир заявил требование о возвращении снохи. Между тем она „зачревателa" от Бодонга, и возник вопрос о будущности ребенка[12]. 7 октября 1742 года Неплюев пишет по этому поводу к Татищеву и, ссылаясь на указ кид, просит оказать содействие к возвращению султанши ее мужу, при чем считает необходимым „удовольствовать" ее платьем и кормовыми деньгами, „чтоб он, Абулхаир-хан, и ево дети, также и прочие кайсацкие стар-

---

[10] Об этом отчасти у *Н. А. Попова*—„В. Н. Татищев и его время. Москва. 1861", стр. 294, 302—303.

[11] АКА, д. 1742 года, № 147, лл. 162 об.—163.

[12] АКА, д. 1741 года, № 118, л. 309.

шины для пользы ее и. в-ства тем обнадеживаньем действительно удовольствованы быть могли". Ребенок, имевший родиться у султанши, согласно уговора между наместником и Татищевым, оставлялся в калмыцких улусах[13]. На это письмо Татищев 14 ноября ответил Неплюеву: „Эрали-салтанова жена, надеюся, к вам уже прибыла, или вскоре прибудет. Не изволите ль заранее Абулхаиру хану дать знать? А от меня к нему писано»[14].

7 же октября, в связи с извещением о мерах по задержанию Бедонга при попытке перейти Яик, Неплюев признается Татищеву в полной почти бесполезности обращений к Абулхаиру и другим киргизским владельцам, «дабы в киргиз-кайсацких улусах никакие из подданных ее и. в—ства плуты, особливо же волжские калмыки, пристани и убежища не имели; ежели, паче чаяния, где-либо появятся, то б таких, ловя, в крепости приводили». Неплюев напоминает, что Татищеву самому, по прежней службе в Оренбурге, «довольно известно есть, какое непостоянство не только в киргиз-кайсацком народе, но и в самых их владельцах, и за тем, хотя б что они и обнадеживали, твердо надеяться на них невозможно, особливо же—при нынешних их кон'юктурах, когда зенгорской владелец... многие неприличные требования и угрозы производит». По части пресечения связей калмыков с киргизами Неплюев склонен больше ждать «наикрепчайших учреждений» от Татищева, так как из Оренбурга, „по великому пустынному расстоянию тех мест, где калмыцкие и киргиз-кайсацкие перелазы ниже Яицкого городка бывали, весьма трудно удержать, чтоб со обоих сторон тайных пересылок не было, а особливо, ежель, паче чаяния, случится какая либо сильная их партия, то и препятствовать не успеть, а наипаче—в зимнее время». Какие меры следует принять в столь серьезном деле, Неплюев не знает и ждет совета от Татищева. С своей же стороны предлагает выдавать «хотя по портищу сукна» киргизам за каждого калмыка, пойманного на той стороне Яика, и наоборот—калмыкам, если они поймают в своих улусах киргиза и приведут его к начальству. Чрез это „между ими антипатия всегдашняя была б, также б и воровство скорее пресеклось". По мнению Неплюева, к искусному поддерживанию взаимной „ан-

[13] АКА, д. 1742 года, № 148, лл. 94—95.
[14] АКА, д. 1742 года, № 147, л. 413 об.

типатии" между калмыками и киргиз-кайсаками должна, главным образом, сводиться в отношении к ним деятельность представителей государственной власти в Астрахани и Оренбурге. „Хотя до явных ссор сии народы допущать не надлежит",— говорит Неплюев в конце своего письма к Татищеву,—„но не полезно ж и то, чтоб они друг друга любили и чрез то в соединение приттить могли, а особливо—при нынешних замашках зюнгорского владельца". Осведомляясь, какое мнение на этот счет у Татищева, и указывая, что „поступкам" обоих губернаторов „надобно быть в одной мере", Неплюев прибавляет: „ежели в. п—ство сие мое мнение и по окрестностям калмыцким за потребно усмотрите, то извольте мне сообщить; тогда, с обоих сторон равное учреждение учиня, и в правит. сенат представим, также и в гкид донесем" [15].

От 23 ноября того же 1742 года в двух письмах к Татищеву Неплюев извещает астраханского губернатора о вестях, доставленных подполковником Ртищевым от яицких казаков М. Котова и В. Пономарицына, вернувшихся из киргизской орды. Казаки, „будучи в той орде, во владении Джанбековом, в улусе Клевли Батыря, кои называются кипчаками и кочуют от яицкого городка прямо в степь к хивинской стороне два дни, от калмыцкой бабы уведомились, якобы киргиз-кайсаки намерены итти в поход под калмык, как Яик река льдом покроется, а именно: Джанбек и Ишет батыри с прочими владельцы, и будто в том рассуждении, что ежели калмыки лошадьми и прочим скотом разведутся, то от них им, кайсаком, житья не будет, и чтоб для того на них и иттить, доколе они не исправились,—о чем де и сами они, Котов и Пономарицын, уведомились, что оные киргизы к тому походу имеются в готовности и ожидают токмо того, как река Яик льдом покроется" [16]. Конечно, для рядовых киргизов целью похода на калмыков представлялся простой грабеж соседей—кочевников, в предотвращение подобного же похода калмыков, которого киргизы склонны были ожидать. Но дело в том, что от массового нападения на киргизов калмыки должны были давно отказаться, так как рус-

---

[15] АКА, д. 1742 года, № 148, лл. 88—89. Политика Неплюева в отношении к инородческому населению оренбургского края, правда—больше к башкирцам, обрисована *Н. Н. Фирсовым*—„Политич. и финанс. значение колониз. деятельности И. И. Неплюева", в брошюре „Двухсотлетие памяти И. И. Неплюева. Казань. 1894", стр. 35—48.

[16] АКА д. 1742 года, № 148, лл. 218 об.—219.

ская власть не допускала их к тому. Это знали предводители киргизов, и если они шли на калмыков, то в этом случае имелась в виду другая цель, а не простой грабеж, как догадывается и Неплюев, сообщающий в другом письме к Татищеву, что Абулмамет, „не смотря на все чинимые ему... представления, сына своего к зюнгорскому владельцу Галдан-Чирину отправил и... сказывал, что будто послал для свидания с братом своим Аблаем, у зюнгорцев поныне в полону находящимся,—то ж и ко мне писал. А в прямом деле, как сказывают, что он чрез упомянугого владельца льстится во владение свое получить Туркестанскую провинцию". Неплюев опасается „худых следствий от сих ханских поступок, могущих приключиться", но в распоряжении оренбургского губернатора имеется только один способ предотвращения „худых следствий"—дипломатические переговоры с Галдан-Черенем чрез посредство отправленного к нему майора Миллера. „К оному зюнгорскому владельцу послал майора Миллера",— пишет Неплюев,—„с довольным наставлением, к которому и нынешнее чрез Сибирь сообщил и подтверждал, коим образом все те ханские поступки опровергать, ибо с здешней стороны все возможное почти без успеху употребя, других способов ныне не осталось, как оного майора отправление, и от его известий зависит, какие противу оного хана поступок дальнейшие меры употребить" [17]. Из приведенного текста видно, что Галдан-Черень представлял собою крупную политическую величину, и справиться с ним—парализовать его влияние на киргиз кайсаков было весьма затруднительно для оренбургского губернатора. Воздействия джунгарского правителя на киргизов были направлены, разумеется, прежде всего к тому, чтобы подчинить их своей власти, но с тем вместе киргиз-кайсаки должны были оказать Галдан-Черeню помощь в переводе калмыков с Волги в Джунгарию. Определенные шаги в этом последнем направлений были сделаны Галдан-Черенем еще раньше.

23 июля 1741 года канцелярия оренбургской комиссии вторично доносила в кид о приезде в Оренбург джунгарцев вместе с киргиз-кайсаками, под предлогом заключения между ними мирного договора. Но при этом, как докладывал комиссии подполковник Останков, находившийся в Оренбурге, джун-

---

[17] Там же, лл. 222 об.—223.

гарцы просили отправить одного из них, по имени Джаврапа[18] к „нижним калмыкам" на Волгу, так как к калмыцкому хану, Дондук-Омбо имеется у них письмо от джунгарского правителя Галдан-Череня. С своей стороны, комиссия находила просьбу джунгарцев „не бессумнительной",—она высказывала опасение, как бы джунгарцы „прошед в нижние калмыки, при нынешних случаях, не причинили б каких высочайшему интересу противных следствий". Поэтому, по распоряжению комиссии, Останков должен был внушить джунгарцам, что, за смертью губернатора кн. В. А. Урусова, комиссия не может удовлетворить просьбу их о пропуске Джаврапа на Волгу, и что им придется ждать ответа на свою просьбу от высшей русской власти. Отпустить Джаврапа к калмыкам комиссия дозволяла Останкову в крайнем лишь случае—при настойчивом требовании джунгарцев, в виду возможности самовольного от'езда их из Оренбурга в калмыцкие степи и еще того обстоятельства, что „аки бы один калмык из них, зенгорцов, чрез степь в нижние калмыки уже и отправлен" ими. Но и отпуская, по неволе, Джаврапа, Останков должен был принять меры к тому, чтобы „продолжить" его путь в калмыцкие улусы. Кид одобрила распоряжение комиссии. Указом от 16 августа она запретила пропускать джунгарцев в калмыцкую степь,в виду смерти хана Дондук-Омбо и неустройства калмыцких дел. При этом кид обязывала комиссию раз'яснить джунгарцам, что калмыки, как русские подданные, не могут самостоятельно сноситься с иностранными государствами, а если „их владелец Галлан-Черень имеет до тех наших подданных калмык какие потребности, о том может чинить представления у нашего двора так, как и о других своих делах и потребностях с нами корреспонденствует. А буде им надобно, то б те Галдан-Череневы листы отдали оренбургскому, или самарскому командиру, который отправит их к двору нашему, на что и ответ посланцам их, сюда едущим, учинен будет". В случае попытки джунгарцев самовольно проехать к калмыкам, кид распоряжалась удержать Джаврапа в Самаре и потребовать у него листы, а его самого иметь там „под добрым и искусным присмотром, чтоб он с калмыки видеться не мог". При отказе пред'явить листы, Джаврап должен быть направлен в Петербург [19].

---

18 Иваче—Донрюнга.

19 АКА, д. 1741 года, № 125, лл. 42—45.

4 октября оренбургская комиссия препроводила в кид копию с интересовавшего правительства письма Галдан-Череня, полученную от джунгарского посланца в Самаре переводчиком И. Ерофеевым. Адресованное к Дондук-Омбо и ко всем торгутским владельцам, письмо датируется, в русском переводе, 28 августа 1740 года и имеет следующее содержание. Напоминая, что „издревле" четыре калмыцкие орды жили всегда „союзно и любовно", при чем джунгарцы с волжскими калмыками находились в особенно тесном союзе и в доброй любви, так как издавна „на обе стороны" были связаны родством, Галдан-Черень находит, что и всегда следовало бы им сохранять между собой любовь. Но мои братья,—говорит джунгарский правитель,—поссорясь со мной, внесли ссору и раздор в прежние добрые отношения между джунгарцами и торгутами. Надо забыть прежние ссоры и раздоры. В природе вода уносит с собой прошлое, снег унесет будущее. Поэтому надо дорожить настоящим. Теперь от четырех орд остались хошуты, кочующие возле Синего озера к востоку, джунгарцы и нижние калмыки на Волге. Вследствие раздоров среди хошутов, одна—меньшая их часть перешла в Джунгарию, другая же—большая подпала владычеству Китая. Призывая волжских калмыков к повиновению владельцам и к сохранению между собою согласия, Галдан-Черень предлагает торгутам завязать сношения с джунгарцами, посредством отправки посланцев друг к другу, если свободен проезд в ту и другую сторону: „посланцев пересылать потребно, чтоб здравия знать и в доброй любви находиться",—пишет джунгарский правитель[20].

19 сентября Джаврап-Донрюнг умер в Самаре, и в Петербург 4 декабря приехали только его спутники: Манхаджин Соломов и Еска Генджипов. 29 января 1742 года Манхаджин Соломов представлялся канцлеру, кн. А. М. Черкасскому и выслушал от него следующий ответ на просьбу проехать к приволжским калмыкам: „Понеже волжские калмыки издревле подданные ее и. в—ства, и без указу ее и. в—ства собою ничего делать, а особливо на листы и требования посторонних народов ответствовать не могут, о чем и его зенгорской владелец Галдан-Черен известен, и ежели он до тех подданных ее и. в—ства калмык имеет какие потребности, о том надлежит ему

[20] Текст письма см. в приложении 1.

чинить представления свои двору ее и. в—ства; и тако, по вышеписанным обстоятельствам, хотя и ныне не надлежало бы его, посланца, туда пропустить, однакож ее и. в—ство, в рассуждении владельца его, Галдан-Череня, ко всероссийской империи поступков и в показание своей к нему милости, по докладу его, в. канцлера, всем—ше указать соизволила его, посланца, к подданному ее и. в—ства наместнику ханства калмыцкого, Дондук-Даше пропустить со удовольствием как туда едущего, так и назад возвращающегося, в пути подводами и кормовыми деньгами, и чтоб он, посланец по возвращении своем, об'явил о том владельцу своему Галдан-Череню" [21].

Намерения джунгарского правителя относительно волжских калмыков не составляли тайны для русского правительства, но оно не имело оснований опасаться за Дондук-Даши, не задолго пред тем назначенного в наместники калмыцкого ханства, который обязался в верности особым реверсом, за что щедро был награжден Елизаветой Петровной[22]. Дондук-Даши был в русских руках, и прибытие к нему джунгарского посланца не грозило никакими осложнениями в политике, по крайней мере. на ближайшее время, для Галдан-Череня же отправка посланца к калмыцкому наместнику принимала вид знака особой любезности, которую определенно подчеркивал великий канцлер в своей речи к Манхажину Соломову, повторяя тот же дипломатический прием, что применялся к посланцам манджюро-китайского богдыхана в 1731 году [23].

В кид могли уже быть известны и те разговоры, которые велись среди «ставропольских» калмыков, состоявших в подчинении кн. А. Тайшиной, вдовы крещенного калмыцкого владельца Петра Тайшина, поселенного возле Ставропольской крепости в Самарской губернии. Ближайшие соседи киргиз-кайсаков, ставропольские калмыки знали, с какою целью Галдан-Черень отправляет своего посланца на Волгу. 16 января 1742 года переводчику Парамону Девятияровскому удалось подслушать в московской конторе кид беседу между ставропольским крещенным калмыком, ротмистром Ив. Чедырем и одним из членов джунгарского посольства, ехавшего на поклон к Елиза-

[21] АКА, д 1742 года, № 140, лл. 36—38.
[22] „Очерк", стр. 50—51.
[23] „Этюды, ч. I", стр. 122—123 и 127.

вете Петровне, Эминь Ходжей[24]. Чедырь спрашивал последнего: «При вас ли де те послы, которые чрез казачью орду и чрез нашу землю присланы к Дондук-Даше?» Когда же Эминь Ходжа—притворно, или искренно—выразил недоумение по поводу заданного ему вопросу, Чедырь пояснил, что послы отправлены из Джунгарии, „чтоб соединиться им, калмыкам, с ними, зенгорцами". Эминь Ходжа счел неудобным продолжать разговор в конторе и предложил Чедырю прийти к нему, Эминь Ходже, в гости. Но болтливый калмык успел уже сообщить джунгарцу, «что из тех де присланных главной ваш посланец умре, а другие взяты под караул», и тут же задал Эминь Ходже вопрос, переданы ли посольству „те заарестованные их зенгорцы"? Ответа не последовало. Девятияровский доложил содержание подслушанного разговора конторе, и Чедырю „от конторы (было) приказано, чтоб он с ними, зюнгорцы, в такие непринадлежащие ему слова отнюдь не вступал, и к ним не ходил, и ото веяких с ними разговоров, а наипаче таких, о которых не подлежит им ведать, удалялся. А когда они, зенгорцы, спросят ево, Чедыря, о сем вторично, и он бы, Чедырь, сказал им зенгорцам, что он такие слова говорил им, зенгорцам, не о их присланных, а о других людех, о которых он, Чедырь, прямо сказать и сам не знает, и, знатно, они, зенгорцы, в ту ево речь не вслушались". С тем вместе контора „накрепко" приказала состоявшему при джунгарцах капралу Понурину принять все меры предосторожности по части разобщения калмыков и джунгарцев „и что будет чиниться, в конторе немедленно доносить"[25]. „Выписку о зенгорцах", содержание которой только что приведено, кид препроводила астраханскому губернатору Татищеву при указе от 23 февраля 1742 года, для сведения и принятия в случае нужды соответствующих мер предосторожности. Указ и выписка были получены в Астрахани 15 марта, а в двадцатых числах февраля к Татищеву пришла грамота от 30 января по поводу отправки джунгарского посланца Манхаджин Соломова в калмыцкие улусы. Джунгарцев сопровождал приехавший с ними из Самары прапорщик пензенского полка З. Заблоцкий, с солдатом и казаком-толмачем. Татищев имел направить Соломова к наместнику калмыцкого

---

[24] Главой посольства был лама Даши.
[25] АКА, д. 1742 года, № 140 лл. 48—49.

ханства, Дондук-Даши, и предупредить последнего, чтобы тот, при приеме посланца и ответе ему, «буде он, кроме известного листа, другой комиссии не имеет, поступил по совету» губернатора, „и каков ему дан будет ответной лист, с того б копию прислал сюда, ко двору нашему". Если бы посланец стал письменно или словесно „представлять о чем другом, здесь неизвестном, то б он, Дондук-Даши, по своей к нам всепод-шей должности и по данному здесь, в С.-Петербурге, реверсу, о том донес сюда, ко двору нашему, и с каким ответом его отправить, ожидал отсюда нашего указа". Усмотрению Татищева предоставлялось, как поступить с посланцом в этом последнем случае—дозволить ли ему оставаться в улусах, или вызвать его оттуда в Астрахань и содержать в городе в ожидании правительственного указа. В сути дела Татищев информировался „Выпиской о зюнгарских посланцах", приложенной к грамоте[26].

Зная настроение Дондук-Даши по возвращении от двора, можно наперед догадаться, что приезд М. Соломова не способен был вызвать какого-нибудь особенно удовольствия у калмыцкого наместника и навести его на какие-либо соображения политического свойства в связи с вопросом о будущем положении калмыцкого народа, тем более, что с ханшей Дарма-Балой он находился уже в натянутых отношениях, и ее тяготение к джунгарцами уже само собою отклоняло наместника от симпатий к ним. Этим об'ясняется то обстоятельство, что когда джунгарский посланец с товарищем прибыли в Астрахань, и об этом стало известно Дондук-Даши, он не торопится приглашать их в степь, хотя и не отказывается вообще от приема их с подобающим почетом, чего требовал губернатор, посылавший к наместнику толмача А. Болдырева с известием о приезде М. Соломова. 27 февраля Болдырев привез губернатору следующий ответ наместника: „Ежели оной зюнгорской посланник для свидания с ним, Дондук-Дашею, имеет ее и. в-ства указ, то он, наместник, с честью их примет; а ежели указа не имеется, (то он) от оных имеет опасение, ибо они, зюнгарские калмыки, непостоянны, и егда де уведают, что их калмыцкой народ пришол в убожество, то, по своему непостоянству, могут и наипаче им разорение причинить". Татищев приказал

---

[26] АКА, д. 1742 года, № 140, л. 34 и лл. 35—38.

передать наместнику, чтобы он „никакого об них опасения не имел“: у джунгарцев имеется грамота от правительства, и поэтому наместник обязан принять их „без опасения, с честью[27]“. Дондук-Даши чрез зайсанга Ботохоя просил губернатора „на время“ задержать джунгарцев в городе. Татищев согласился на это, но поручил полковнику Боборыкину напомнить наместнику о необходимости приема джунгарцев в степи, при чем указывал, что пребывание их там должно быть кратковременным, „понеже долго (в степи) держать не полезно“[28]. 4 марта Татищев сам пишет наместнику о джунгарцах: „Понеже они при вас и по отправлении от вас здесь долго быть причины не имеют, того ради коварств их и разведываний опасаться нечего. А если более держать, то паче опаснее, ибо они здесь от обхождения и разговоров с калмыками довольно предостережены быть не могут. И по указу ее и. в-ства, надлежит их, по отпуске от вас, немедленно возвратить“[29]. Того же 4 марта Татищев дает распоряжение Боборыкину, что, в виду настойчивой просьбы джунгарцев об отправке их в калмыцкую степь, полковник должен об'явить наместнику, „чтоб он назначил день, когда им к себе быть, и меня б уведомил, по которому оные и пришлются, о которых посланцах и к наместнику от меня писано, ибо им в кратком времени при нем ничего разведать и какие-либо коварства учинить не удобно“; по получении от наместника ответа, посланцы тотчас же будут отправлены в Джунгарию[30].

Наместнику не хотелось допускать в степь джунгарцев. 7 марта он приехал в Астрахань, где Татищев постарался еще раз, и окончательно, рассеять его подозрения и опасения насчет посланцов Галдан-Череня. Дондук-Даши пообещал губернатору принять джунгарцев на завтра и, „допустя (их) к себе (в улус), немедленно отправить“ назад в Астрахань[31]. Дондук-Даши кочевал тогда вблизи города, и, таким образом, вглубь калмыцкой степи джунгарцы не получили доступа. Довольно холодный прием их калмыцким наместником не оправдал надежд джунгарского правителя,—в калмыцком наместнике Гал-

[27] АКА, д. 1742 года, № 132, лл. 71 и 74.
[28] АКА. д. 1742 года, № 131, л. 182.
[29] Там же, л. 214.
[30] Там же, л. 212.
[31] АКА, д. 1742 года, № 132, л. 84 об.

дан-Черень не нашел друга, на помощь которого ему можно было бы рассчитывать в борьбе с Китаем.

С тех пор, как Дондук-Даши почувствовал укрепление за собой власти и в значительной мере успел парализовать влияние Дарма-Балы на калмыцкие дела, он изменяет тактику общего своего поведения. После вторичной поездки в Петербург в 1742 году мы видим его не просто, как раньше, послушным исполнителем распоряжений начальства, но правителем народа, настойчиво желающим показать свою силу и значение. Прежняя почтительность к Татищеву, ближайшему представителю власти в астраханском крае, сменяется у Дондук-Даши заносчивостью. Между губернатором и наместником возникают серьезные пререкания и ссоры по важным, даже основным вопросам калмыцкой жизни, чреватые серьезными последствиями. Дондук-Даши упорно домогается у правительства отстранения Татищева от управления калмыцкими делами, а Татищев представляет в Петербург доказательства замеченного им у наместника намерения уйти из России или под власть персидского шаха, о котором среди волжского населения ходили слухи, что шах—природный калмык и хочет освободить калмыцкий народ, или же соединиться с сыном умершего кубанского султана Бахты-Гирея, Араслан-Гиреем, вскормленным одной с ним кормилицей[32]. Несомненно, для Дондук-Даши, как и для его предшественников—ханов, стала ясна невозможность дальнейшего существования калмыков в астраханской степи в тяжелых политических и экономических условиях, и он стал задумываться над вопросом, куда именно увести отсюда калмыцкий народ. Джунгария не привлекала симпатий наместника, но с тем вместе он не желал и ссориться с нею.

Повод к ссоре мог подать поход калмыков против киргиз-кайсаков, проектировавшийся правительством в 1743 году. Когда в декабре этого года Дондук-Даши получил грамоту о наряде калмыцкого войска в „поиски“ против кайсаков, целью которого правительство выставляло заботу о прекращении между кочевниками мелких их нападений друг на друга, посредством как бы разряжения накопившейся в них воинственной энергии, то наместник заявил состоявшему при нем подполковнику Н. Г. Спицыну, что „нынешнею зимою поиска

[32] *Н. А. Попов*—цит. изд., стр. 317 и 318.

над теми кайсаками чинить никак не возможно..., ибо де там— великие снега", хотя и согласился посылать при случае „малые партии"[33]. Неплюев, которому Татищев писал об этом 24 декабря 1743 года, не сочувствовал походу. Еще раньше, в письме от 1 декабря, он высказывал Татищеву свой взгляд: „Нынешнею порою как калмыкам над киргиз-кайсаками поиск произвесть трудно, так равно и киргизцам в тамошней стороне какие-либо пакости над калмыками произвесть неудобно, а паче— за их друг от друга отдаленностью. А кажется сходнее, не потревожа их, киргизцов, оставить до вешнего времени в таком состоянии, как они ныне есть, яко они из-за сего к весне могут безопаснее приблизиться и расположиться своими улусами, когда, мнится, сходнее и возможнее будет все то над ними учинить, чего тогда, по их состоянию, высочайший интерес востребует, и как о том на мере будет постановлено". Намекая последними словами на необходимость предварительного обсуждения задач и целей такого серьезного предприятия, как военный поход против киргизов, равно как и основательных соображений относительно средств и способов к тому, Неплюев рекомендует Татищеву пока воздержаться от об'явления калмыцкому наместнику царских грамот о походе: „отсылкою оных лучше пообождать", советует оренбургский губернатор[34].

Между тем, у киргиз-кайсаков было уже готово 10-тысячное войско против калмыков, под предводительством Эшет-батыря и других старшин Малой орды. Но киргизы не прочь были вступить и в мирные переговоры с калмыками о справедливом возмещении ими убытков от отгона конских табунов. Тугун-бек, сын Эшет-батыря, приехал с 50 киргизами в Астрахань в январе 1744 года и, явившись о Татищеву, просил его о пропуске в калмыцкие улусы. „И по тому их прошению",— сообщает астраханский губернатор Неплюеву 27 января,—„показал им удовольствие, чтоб от противных своих поступков воздержаться могли; отправил я их к наместнику Дондук-Даши и, по таким обстоятельствам, советовал ему: хотя он имеет о посылке на касак партий повелительной указ, но от того до времени б удержался и для показания с его стороны к ним

[33] АКА, д. 1743 года, № 154, л. 307 об.
[34] АКА, д. 1743 года, № 163, лл. 65 об.—66.

яко бы дружества из отгонных хотя до 100 лошадей возвратил, дабы тем до удобного времени противное чинить воздержал".[35] Переговоры киргизов с калмыками прошли успешно: обе стороны условились впредь жить мирно, а что „со обоих сторон взято, того не отбирать и забвению предать, но токмо б впредь того не чинить и пребывать спокойно без малейшего повреждения". 12 марта Татищев получил указ из кид, отменявший посылку калмыцких войск против киргизов[36], а 13 марта губернатор послал в Малую орду письмо, восхвалявшее кайсаков за предпринятый ими шаг к примирению с калмыками[37]. Не преминул он уведомить и Неплюева о заключении мирного договора между калмыками и киргизами. Но оренбургский губернатор мало верил в значение и силу этого договора,—он даже с подозрением отнесся к нему. От 19 мая Неплюев писал Татищеву: „что касается до заключенного у калмык с киргиз-кайсаками мирного договору, то сие—весьма изрядное дело и с пользою высоч—ших ее и. в—ства интересов согласует; только, по известному обоих народов непостоянству, совершенно утвердиться на том невозможно до тех пор, пока действительное по тому учиненному договору исполнение не усмотрится, а особливо—по нынешнему киргиз-кайсацкому состоянию, ибо может статься и сие, что они такой с калмыками договор под каким-нибудь лукавством учинили, чтоб им от калмык в безопасности быть, или их чрез то только легче обмануть и, исплоша, к воровскому на них нападению способ возыметь"[38].

Действительно, подозрение в „лукавстве", с которым был заключен договор, могло иметь свои основания. В том же 1744 году калмыкам был об'явлен наряд на отправку 10-тысячного их войска к яицким казакам для распределения частями по форпостам, служившим охраной яицкому войску и русским поселенцам против набегов кочевников, преимущественно-киргизов. Калмыки, вероятно, учитывали то обстоятельство, что им придется действовать оружием против киргизов, и это могло быть одной из причин, почему они встретили призыв на сторожевую службу с несочувствием. 19 июля 1744 года Татищев сообщал Неплюеву отзыв наместника:, ежели де вдаль итти"—

---

35 АКА, д. 1744 года, № 166, л. 30 и об.
36 Там же, л. 77.
37 Там же, л. 68—69; см. приложение 2.
38 АКА, д. 1744 года, № 170, л. 199 и об.

сказал он,—„то более трех тысяч того войска набрать не можно". А дербетовский владелец Лабан-Дондук из своего большого улуса выставил отряд всего в 150 человек. Татищев надеялся на брата Дондук-Даши, владельца Бодонга, имевшего скоро возвратиться с Кубани: „при нем, яко весьма к войне склонном",—рассуждал Татищев,—„может гораздо более, нежели наместник об'явил, войска собраться. Однакож", -оговаривается Татищев,—„прежде надобно их согласие рассмотреть"[39]. Повидимому, больше тысячи калмыков так и не удалось отправить на Яик. Но и это войско доставило много хлопот командующему яицкой обороной, полковнику Шумаеву. Когда калмыки пришли к Яику, Шумаев потребовал от их предводителя, владельца Дорджи-Арши, именного списка и сведений, „что при каждом имеется какого ружья, лошадей и прочего", при чем заявил желание произвести смотр калмыкам, а затем распределить их по форпостам. Владелец обиделся и ответил полковнику: «Как де стали быть прадеды и отцы их в подданстве ее и. в—ства, и были во многих походах, то никогда списков они никому не давали, и смотров им не бывало: и ныне де он того без позволения наместника ханства Дондук-Даши сделать не смеет», Дав такой ответ, владелец «с требованием повеления к нему, наместнику, послал нарочных». Излагая в письме к Неплюеву от 11 августа инцидент, происшедший на Яике, на основании доклада, поступившего от капитана Борковского, прикомандированного к калмыцкому войску, Татищев просит оренбургского губернатора: «Благоволите приказать вышеписанному полковнику с означенным калмыцким войском поступить с осторожностью, усматривая при том по их обыкновениям поступки без показания дальнейшего им оскорбления, ибо оный народ, яко вольной, и никогда того регульно, чтоб быть в строю и подавать списки, не знают, понеже и здесь предупомянутой наместник ханства вменяет себе многие дела во оскорбление»[40].

Кроме заметного нежелания вести против киргизов на ряду с яицкими казаками планомерные военные операции, которые и на самом деле шли в разрез с мирным калмыцко-киргизским договором в январе 1744 года, нельзя не обратить вни-

[39] АКА, д. 1744 года, № 166, л. 173 об.
[40] Там же, л. 195 и об.

мания еще и на факт участившихся с этого года «пересылок» между калмыками и киргизами. Наместник об'яснял, что эти пересылки „им для дружбы нужны, ибо де они без того между собою приятельми признаваться не могут". Татищев соображал, что не одно стремление поддержать дружбу руководит калмыками и киргизами в их сношениях, происходивших помимо русской администрации. Общая линия поведения, принятая наместником, казалась астраханскому губернатору крайне подозрительной, и он писал о том Неплюеву, желая знать его взгляд на дело. Мнение Неплюева было определенное: на письмо Татищева от 7 января 1745 года он 26 марта отвечал, что наместник, выставляя причиной частых сношений с киргизами заботу о сохранении дружбы с ними, «один только к тому вид показывает». „В прошлом году, когда у него кайсацкие, а у кайсак ево калмыцкие посланцы были, то в то ж самое время",— припоминает Неплюев,—«несколько сот человек кайсаков на них, калмык, было пошло», и от набега их удалось удержать только своевременно принятыми военными мерами с русской стороны. Теперь небольшая партия киргиз в 50 человек появилась около Царицына, а возле г. Гурьева киргизы захватили в плен 24 человека калмыков и одного из них убили. „Из сего в. п—ство изволите рассудить, какая их, калмык, с ними, кайсаками, дружба состоит",—пишет Неплюев и, ссылаясь на свое сообщение Татищеву от 15 ноября 1744 года о намерении киргиз-кайсаков Гетрутского рода, Исетева ведомства итти для нападения на калмыков[41], говорит, что „иного к тому в рассуждение" он ничего добавить не может[42].

На просьбы Татищева разведать среди киргизов, как те представляют себе политическую позицию калмыцкого наместника, Неплюев 3 июля 1745 года извещал астраханского губернатора: «Минувшего июня 25 числа сего году, прибывший из киргиз-кайсацкой орды сакмарской казак, нагаец Кубек, посыланной отсюда в ту орду в прошлом 744 году для разведыванья о намерении зюнгарского владельца к сибирской стороне, сказкою, м. пр., показал, что зюнгарской владелец Галдан-Чирин, назад тому дней с 40, подданных своих кошкарцев с немалым торгом до Орской крепости отправил, из кото-

[41] Там же, л. 280 об.
[42] АКА, д. 1745 года, № 171, лл. 344 об и 347.

рых де человек с 30 в Орскую и приехали, а прочие, человек с 20, остались в киргиз-кайсацкой Средней орде в улусах Барак-салтана, и под осень де и они в Орскую ж, или в Оренбург быть хотели. И при тех де кашкарцах караванной старшина спрашивал у него, Кубека, есть ли около здешних мест нижние калмыки, т. е. волжские. А для чего спрашивал, того ему, Кубеку, не сказал. Во оном же де кашкарском караване с прибывшими в Орск имеется два человека зюнгарских калмык под видом купечества ж,—и в Орской також де, как и предписанной караванной старшина, спрашивают нижних калмык, чтоб оными им видеться, почему признавается",—заключает Неплюев,—„что они калмыки, посланы от предписанного их владельца шпионами. А помянутого де Барак-салтана сын, бывший о зюнгурского владельца в аманатах, по отпуске от него и по езде в орду, сказывал отцу своему, что оной Галлан-Чирин о волжских калмыках имеет всегдашние разговоры и сожаление, что они обращаются в христианскую веру, токмо как им помочь, не знает. И аки бы ханша Аюкина чрез ево, Галдан-Чириновых людей, бывших у двора ее и. в—ства словесно приказывала, или едва и не писала ль, чтоб ему всячески стараться доставать ее к себе,—чего де ради он, Голдан-Чирин, с ним, Бараковым сыном, к отцу ево, к киргиз-кайсаком, приказывал, и людей своих присылал с просьбою: ежель она, ханша, каким нибудь образом как к ним попадется, то б препроводить до него, обещая за то довольное награждение".

Кроме этих сведений, Неплюев обращает внимание Татищева на довольно странный, как казалось ему, образ действий калмыцкого посланца в Среднюю орду, к Абулхаир-хану, Мергень-батыря. Он приехал под видом выручки пленных калмыков, взятых в 1744 году под Гурьевым киргизами, и получил от Абулхаира пять человек калмыков, а сам продал одному киргизу женщину-калмычку, привезенную с собой. Мергень-батырь просил при этом Абулхаира вообще не отправлять пленных калмыков в Оренбург, как это требовалось русской властью, „об'являя ему такой резон, что они, пленные, отсюда в орду отпущены не будут, но всех русские люди к себе в услужение возьмут". Таким образом,—пишет Неплюев,—„оной калмыченин в самом деле о тех собранных пленных не только плутовские свои басни в той ордѣ рассевал, но, как

видится, едва и из тех отданных кого не утратил ли, ибо... вместо того, чтоб ему о них, яко о своих природных, должное попечение и охранение иметь, сам калмынку в ту орду привез и в кайсацкие руки продал"[43].

Подозрительное отношение к намерениям калмыков увеличилось у Татищева после того, как весной 1745 года наместник перешел с улусами на луговой берег Волги и вошел в более тесное соприкосновение с киргизами. Потребовать от него прекращения пересылок с киргизами Татищев считал неудобным без особого указа на то из кид, но допускал возможным тревожить калмыков посредством организации набегов на калмыцкие улусы с киргизской стороны. Свои мысли по этому поводу Татищев высказывал Неплюеву в письмах от 9 и 13 июня. Неплюев ответил 5 августа: „я",—писал он астраханскому губернатору,—„о корреспонденции между киргиз-кайсаками и наместником ханства неотменно прежнего мнения держусь, что оная высочайшим ее и. в-ства интересам не токмо не полезна, но еще и худых следствий опасно." Отсутствием указа, который запрещал бы такую корреспонденцию, не следует смущаться,—ее „всячески весьма нужно пресечь. Да и надобности нет, чтоб оная была", - рассуждает оренбургский губернатор,—„ибо ныне между ими покой не по их корреспонденции, а форпостами содержится, как то и подтверждено, чтоб ни их за Яик, ни кайсаков к ним не перепущать, и кроме Гурьева не переезжают. А о Гурьеве, ко отнятию у наместника подозрения, можно б так же говорить, как на Яике определено, что кайсацкой народ и дела препоручены оренбургскому губернатору,—того ради, кому б какая нужда касалось хотя и до калмык, или до Астрахани, ехали б в Оренбург и там представляли, и что без оренбургского определения пропустить не могут. А и наместнику ханства, когда б он стал просить на отпуск своих посланцов в кайсаки, то ж об'являть. А ежели какие нужды имеет, то б представлял астраханскому губернатору, которой с оренбургским о том сношение и чрез оного старание возимеет". Поднимать киргизов против калмыков Неплюев считает „за несходное" и напоминает Татищеву, „какой плод от того был, когда их в Башкирию во время бунту попустили, яко вместо здешней поль-

[43] АКА, д. 1745 года, № 177, лл. 231—232.

зы Абулхаир-хан искал, чтоб в Башкирии сына своего ха́ном учинить и главных воров себе в протекцию взял". Относительно подозрений Татищева Неплюев пишет так: „сумнения ваши на наместника ханства вам лучше ведомы, а мне знать не почему, и переписок его проведать невозможно, когда между ими и кайсаками частые пересылки чрез их людей чинятся". Повторив мнение, что если не пресечь калмыцко-киргизскую корреспонденцию, ,то добрых следствий надеяться невозможно", Неплюев высказывает такие догадки о ходе событий в будущем: „1-е, или кайсаки, уведав калмыцкое слабое состояние, за зимним временем их разорят, а я тому воспрещать не в состоянии, ибо здесь лишних военных людей далее же октября держать невозможно, коль мнее на низ Яика подвигнуть без корму. 2 е, или яко ветреной народ на какие злодейства обще согласятся. 3-е, или калмыки устроят себе путь на побег к зенгорскому владельцу. Мне",—прибавляет Неплюев,—„и ныне сумнительно, ибо не знаю, зачем Абулхаир-хан под разными претекстами поехал вниз по Яику, а может быть и далее вниз по Яику"[44].

К сожалению, нам неизвестно, к какому из трех, высказанных Неплюевым предположений о цели перехода Дондук-Даши на левый берег Волги, склонился Татищев Но, входя в оценку этих предположений, нельзя не признать первое из них наименее обоснованным: если бы наместник боялся нападения киргиз- кайсаков на калмыцкие улусы, он не перевел бы их туда где они оказывались уязвимыми от неприятеля. За предположение о возможности ухода калмыков к джунгарскому хун-тайджи говорили бы сведения, полученные разведкой в Джунгарии, но они касались преимущественно ханши Дорма-Балы, относительно же наместника нет данных допускать возможность изменения его политической ориентации в смысле направления ее в сторону Джунгарии. Дарма-Бала действительно оставалось верна своим намерениям и могла мечтать об осуществлении плана частичного увода за собой калмыков к джунгарскому правителю подобно тому, как в 1701 году сын хана Аюки, владелец Санжип увел с собой в Джунгарию 15 тысяч калмыцких кибиток. Для этого стоило только произвести раскол в калмыцкой массе, а это не пот-

[44] Там же, лл. 273—275.

ребовало бы большого труда от старой ханши, так как внутренняя сплоченность отсутствовала тогда среди калмыков. Достаточно указать, например, что в 1743 году владельцы Бамбар, Ончик и Ользето, по словам матери последнего, замыслили было „уйти лодками в Трухмены и, овладевши ими, отовсюду воровать и самовластно в покое жить“, но затем, изменив намерение, ушли на Кубань[45]. Повидимому, больше оснований имело за собой предположение о возможности соединения Дондук Даши с Абулхаиром для завоевания Хивы, Бухары и Туркестана, которые давно интересовали Абулхаира[46], и чрез которые наместник получал доступ к монголо-китайским границам. Неплюев, вероятно, разумел именно это, допуская соединение калмыков с киргиз-кайсаками в целях учинения ими некоторых, как он выражался, „злодейств“.

Как раз именно в момент перехода калмыков на левый берег Волги и участившихся «пересылок» наместника с Абулхаиром с особенной силой разгорается ссора между Дондук-Даши и старой ханшей Дарма-Балой. Причину ссоры, перешедшей наконец в открытую вражду, скорей всего следует видеть в разногласиях по вопросу о дальнейших действиях заинтересованных сторон. Ханша тянула калмыков в Джунгарию, наместника больше привлекал план совместных с Абулхаиром военных операций в Средней Азии, надломленной походом персидского шаха Надира. В стремлении предотвратить назревший среди калмыков раскол, который ослабил бы наместника, он открывает русскому правительству о тайных сношениях Дарма-Балы с джунгарцами и хотя одновременно с тем разрушает и свой план, но удовлетворяется чувством мести Дарма-Бале за те интриги, какие она вела против него, а главное—спасает собственное положение в глазах правительства, начавшего относиться к нему с подозрением

Осенью 1744 года Дондук-Даши отправил в Малую киргиз-кайсацкую орду к Абулхаир-хану и к Джанбек-батырю двух своих калмыков. Один из них вернулся к наместнику и заявил, что поторопился обратным приездом, оставив у киргизов своего товарища, в виду «худых ведомостей», именно: ему удалось узнать, что джунгарский хун-тайджи Галдан-Черень направил к ханше Дарма-Бале письмо с призывом ее в Джунгарию.

---

[45] АКА, д. 1744 года, № 166, л. 192.
[46] *Н. А. Попов*—цит. изд., стр. 367—368

Письмо везут к ханше посланцы Аблай-салтана, несколько лет находившегося в джунгарском плену и получившего свободу весной 1743 года[47]. По приказанию Дондук-Даши, посланцы Аблай-салтана были схвачены и все, что они привезли с собой, было у них отобрано[48].

9 мая 1745 года наместник довел до сведения состоявшего при нем подполковника Н. Г. Спицына о поимке посланцев Аблай-салтана, а затем представил и их самих с поличным Спицыну для допроса. Один из них,—а их было трое,—по имени Джексембеть, показал, что «послан (он) от своего господина Аблай-султана к ханше Дарме-Бале с письмами тому недели с четыре, и те письма приказано подать ей от россиан и калмык секретно. А еще посланец послан со мною от Абулхаир-хана с письмом к т. с. и губернатору г. Татищеву, которое приказано подать ему публично... Сверх писем, приказано мне ханше об‘явить: 1-е, чтоб она веры своей не оставляла и не забывала б своего бога,—лучше смерть, нежели русской закон принять. 2-е, ежели она, ханша, по такому ко уходу подзыву склонною себя покажет, то Аблай-султан, по возвращении моем, хотел собрать войски и со оными для принятия ее, ханши, приблизиться к калмыцким улусам. А одное ли ее, ханшу, или с улусами подзывают, того я не знаю, разве о том, может, писано в письме. Оной подзыв стался ей, ханше, от брата ее, Гумы-ламы, которой ныне надо всеми духовными их имеет первенство, по совету ево с Аблай-султаном и с племянником ее, зюнгорским владельцем Септенем». Дальше Джексембеть рассказывает об Аблай-салтане Попавшись в плен джунгарцам, он подружился с Гума-ламой и с Септенем, а когда Галдан-Черень решил отпустить Аблай-салтана на волю, то при этом и сам Галдан-Черень, и Гума-лама, и Септень просили его, чтобы он «ханшу Дарму-Балу подзывал ко уходу к ним в зюнгоры, и как она к тому склонится, то б ее прежде принять ему, Аблай султану, к себе, а потом в зюнгоры переправить. И для того дано ему, Аблай-султану, от них письмо к ней, ханше Дарме-Бале, для подзыву оной из калмыцких улусов в зюнгоры, которое со мною от него ей послано». Посланец прибавил, что за успешное исполнение данного ему поручения

---

[47] *В. Н. Витевский*—цит. изд, вып. 4. Казань. 1895, стр. 729.
[48] АКА, д. 1745 года, № 175, л. 63.

—доставить корреспонденцию к Дарма-Бале, и в случае, если осуществится ее уход из России, Аблай-салтан обещал наградить его. На вопрос Спицына, посылала ли сама ханша Дарма-Бала посланцов в Джунгарию к хун-тайджи, к брату и племяннику, Джексембеть ответил: „Таких посланцов в присылке от нее, ханши я не видал и ни от кого не слыхал». Второй посланец, Юзюнбай показал, что он был послан от Абулхаира с письмом к Татищеву; кроме того,—говорил он,—«от Аблай-султана даны мне при отправлении моем завязанные в платке письма и подарки к ханше Дарме-Бале», которые велено было передать ей секретно; сколько писем находилось в узле, этого он не знал. По признанию Юзюнбая, Аблай-салтан, отправлявший посланцов, расчитывал, что наличие у них письма к астраханскому губернатору от Абулхаира вполне может снять с посланцов всякое подозрение и гарантировать благополучную доставку писем к Дарма-Бале. На вопрос, в чем заключался «словесный приказ» к ханше, Юзюнбай ответил: „словесного приказу было к ней, ханше Дарме-Бале, от Аблай-султана, по приказу Галдан-Череня, что она—человек старой, и живет тамо не в почтении, и для того чтоб ко уходу в зюнгоры склонить“. Третий посланец допросу не подвергался[49].

Как видно, отправка Аблай-салтаном посланцов к Дарма-Бале не составляла тайны для Абулхаир-хана. Напротив, между ним и салтаном существовала на этот счет известная договоренность, при чем письмо Абулхаира к Татищеву расценивалось в качестве верной гарантии доставки джунгарской корреспонденции по назначению. Конечно, Абулхаир не мог не знать, что призывные письма к Дарма-Бале из Джунгарии должны были причинить неудовольствие калмыцкому наместнику, так как грозили отпадением от него значительной части кибиток, которые последовали бы за ханшей. Но, с другой стороны, Абулхаир должен был считаться с влиянием Аблай-салтана в Средней орде, а также с своими отношениями к Галдан-Череню, в котором он заискивал. Особенное действие должны были оказать мотивы, связанные с этим последним обстоятельством. Стремясь вовлечь калмыцкого наместника в поход на Хиву, Бухару и Туркестан, Абулхаир не прочь был, как отказывается, пойти и войной на приволжских калмыков.

---

[49] Там же, лл. 64—68.

В письме Татищева к Спицыну от 23 мая 1745 года имеется следующая собственноручная приписка губернатора: «Превратные поступки Абулхаир-хана довольно известны, что он с зюнгорским владельцем пересылку имеет и на калмыцкие улусы для нападения от оного помочи просил, почему ему верить никак не можно»[50]. А несколько позже, в 1747 году Абулхаир предложил преемнику Галдан-Череня, его сыну Цебек-Дорджи в замужество свою дочь с тем, чтобы в качестве калыма за нее получить от джунгарского хун-тайджи как бы санкцию прав на обладание Туркестаном[51].

Минуя Татищева, Дондук-Даши, чрез посредство Спицына, поторопится переслать джунгарские письма в оригиналах в КИД, а посланцов Аблай-салтана велел содержать под караулом. 14 мая губернатор получил от наместника письмо с известием, что давнишний замысел Дарма-Балы уйти в Джунгарию, о чем и Татищев говорил в 1742 году[52], теперь мог бы иметь «дьявольские успехи», если бы не обнаружился своевременно, благодаря, между прочим, тому,—пишет Дондук-Даши,—что «посланника моего товарищ добрую службу оказал». Предупреждая губернатора, что Дарма Бала легко может узнать о том, что случилось, и узнав, она «конечно куда пропадет», Дондук-Даши просит держать ханшу «в крепком месте», или препроводить ее к нему «под смотрение», иначе губернатора и наместника неминуемо постигнет «гнев» царицы, если ханша «куда уйдет»[53]. Наместнику хотелось взять Дарма-Балу в свои руки, поэтому он старается рассеять возможные подозрения губернатора за дальнейшую участь ханши, еще и раньше заявленные губернатором. 15 мая Татищев читал такие строки в новом письме к нему от наместника: вы «писали, что Дарму-Балу... (я) хотел войною взять и для того с 400 человек команду послал и скот забрал. Вам же надобно было разуметь, что Дарме-Бале от меня так семидесятилетней старухе, убийства не произойдет». Касаясь тут же требования губернатора о переходе калмыков с левого берега Волги на правый, Дондук-Даши в тоне раздражения заявляет, что невозможность исполнить распоряжение, которое причинило бы вред как самим калмыкам, так и их скоту, для всякого ясна, и это „всякому разуметь можно". Да

[50] АКА, д. 1745 года, № 173, л. 61 об.
[51] *В. Н. Витевский.*—цит. изд., вып. 4, стр. 715.
[52] См. выше, примеч. 6.
[53] АКА, д. 1745 года, № 175, л. 51.

и вообще,—прибавляет наместник по адресу Татищева,—„калмыцкому народу чтоб у вас в команде быть, в указе не об‘явлено, и обыкновения того нет, ибо калмыцкой народ под ведением ее и. в-ства, а потом у меня в команде состоит“. Татищев ссылается на порядки времен хана Аюки и осуждает Дондук-Даши за отступление от этих хороших порядков. Но,—задает вопрос губернатору наместник: „При нашем хане коликое число имелось улусов и скота? А ныне против того коликое число находится? Також—в то время где были слепни и сколько ?!Где кайсаки и в каком состоянии?! Знатно, в тогдашнее время вы были в других землях для обучения языка, и ныне лживых людей по словам ее и. в-ству доносите, что (ни) есть, обо всем“. Свое злое письмо наместник заканчивает обвинением Татищева в подкупах, при помощи которых он добывает ложные сведения о калмыках: „Когда ее в-ство, государыня потребует, чтоб было на кого сослаться, (вы) со всех сторон ищете таких людей, которые б калмыцкой народ повредить могли, на что чем деньги тратить, полезнее б нам было обоим жить правдою, без всякого лукавства“[54]. Таким образом, предвидя, что Татищев после обнаружения писем к Дарма-Бале из Джунгарии воспользуется затруднительным положением ханши, не отпустит ее от себя и постарается добыть от нее сведения, способные усилить обвинение Дондук-Даши в намерении уйти из России, наместник спешит сам выступить обвинителем губернатора в некрасивых деяниях, чем рассчитывает устранить лично от себя опасность тяжелых обвинений.

15 мая Татищев получил и от Спицына доклад о посланцах Аблай-салтана и о „некоторых неполезных известиях“, датированный 13 мая. Губернатор возмутился отправкой джунгарских писем в кид помимо него. „Надлежало бы их по нынешним обстоятельствам, датированный—пишет он Спицыну 16 мая,—«прислать сюда—посмотреть, нет ли в том какого подлога“. Татищев указывает при этом, что „и первое об ней (Дарма-Бале) прошлого 1742 года об‘явление было произнесено от известного плута, владельца Галдан-Норбы“. Что касается настоящего, то губернатор не отказывается видеть „нечто сумнительное“ в доложенном ему деле, но, с одной стороны, требует удостоверения, что „подлинно то брат к ней писал“, а с другой стороны и письмо

[54] Там же, лл. 60—61.

брата не служит доказательством, что ханша „к нему о том писала, или чрез своего приказывала“ на словах. Наконец, неизвестно, „какой бы она намерок имела“, если бы письмо попало к ней в руки. Будучи склонным видеть во всей этой истории, кажется, интригу наместника, Татищев останавливает внимание Спицына на том обстоятельстве, что „ханша за несколько времени (пред тем) ассесору Черкесову об'являла, якобы Дондук-Даша с зайсанги некакие клеветы на нее сказывают“. Не желая, однако, показаться явным сторонником Дарма-Балы и стремясь быть, как он пишет, беспристрастным судьей в ее деле, Татищев сообщает Спицыну о распоряжении „в крепость ввесть“ ханшу и „прилежно наблюдать“ за ней, от Спицына же требует „старание возыметь“ относительно присылки копий с джунгарских писем и препровождения посланцов Аблай-салтана в Астрахань. С тем вместе он поручает подполковнику „посторонне чрез доброжелательных и надежных калмык пристойно разведывать, не подложное ли оное дело“[55]. Если Татищев не хитрил в письме к Спицыну, которого мог заподозрить в приверженности к наместнику, почему и важные письма были отправлены прямо в кид, чтобы она получила первое известие об „измене“ Дарма-Балы от „преданного“ правительству наместника,—то не может не бросаться в глаза определенное желание губернатора, не смотря на все его оговорки в письме, выгородить Дарма-Балу из беды. Симпатии ханши к Джунгарии и желание найти способ откочевать туда были хорошо известны Татищеву, и напрасно прежние слухи о ее намерениях он считает теперь за вздор и выдумки Галдан-Норбо. Склонность Галдан-Норбо к всякого рода вранью была известна и имела для него печальные последствия,—он был высечен плетьми в присутствии кид, а затем отправлен в ссылку[56]. Но если бы в данном случае нельзя было полагаться на Галдан-Норбо, то Татищеву были известны, при общей линии джунгарской политики, виды Галдан Череня на волжских калмыков, как известно было и то, что Дондук-Даши смотрит не в сторону Джунгарии, и, следовательно, рассчеты хун-тайджи могли касаться одной только Дарма-Балы с ее приверженцами. Наконец, как сказано выше, и Неплюев имел информацию, шедшую

---

[55] АКА, д 1745 года, № 173, лл. 48 и 50.
[56] *Н. А. Попов*,—цит. изд. стр. 351.

из Джунгарии, в том смысле, что именно на Дарма-Балу джунгарский правитель возлагал определенные свои надежды. Все же, тем не менее, в дальнейшем Татищев продолжает выступать прямым защитником старой ханши, хотя его защита и не сопровождается успехом. Почему Татищев поступает так? Какие мотивы руководят им? На эти вопросы мы не имеем ответа в наличных наших документах. Возможно было бы подозрение Татищева в корыстных расчетах, если бы не было известно, что он отказал в приеме от ханши „не малого мешка“ денег[57]. Что касается двух мальчиков и двух девочек, удержанных Татищевым у себя под предлогом „научить их доброму обыкновению“ и сделать для них приличную одежду, о чем Дарма-Бала вспоминает в письме к г.-п. Еропкину 16 января 1746 года, то сама же ханша свидетельствует, что калмычата и калмычки „были изготовлены (ею) для посылки в презент всемшей государыне“, и, во всяком случае, за столь скромный подарок Татищев не стал бы работать в пользу Дарма-Балы: калмыцких детей можно было приобрести тогда за недорогую цену. Да кроме того, дети и не остались у Татищева,— Дарма-Бала отдала их в «распоряжение» Еропкина[58]. Не вероятнее ли будет предположить, что в пылу борьбы с наместником, стремясь совершенно уронить его в глазах правительства, Татищев вздумал обелять ханшу с тем, чтобы в еще более мрачных красках изобразить моральный облик Дондук-Даши, как человека, не останавливающегося пред самой низкой клеветой, раз дело касается его личного врага.

Одновременно с письмом к Спицыну, т. е. 16 мая, Татищев посылает письмо к наместнику: „О содержании вашем под караулом кайсак и о уходе ханши Дармы-Балы какое подозрение явилось»,—пишет, между прочим, губернатор,— «о том мне подполковник Спицын рапортовал, из которого я, великие безпутства усмотря, весьма сожалею, и в безопасности вас уверяю, ибо сего же дня, под видом собственной ее опасности, взял в крепость и буду иметь в надежном смотрении. При том же сожалею, что вы письмо к ней, не сообща мне, услали, и если копию имеете, также и оных посланных пожалуйте—ко мне пришлите, чтоб, не упустя времени, мог ясно обличить». В виду оторванности теперь Дарма-Балы от

[57] *Н. А. Попов*—цит. изд., стр. 352.
[58] АКА, д. 1745 года, № 181, л. 67 и об.

степи, Татищев просит наместника прислать для ханши в город нескольких дойных коров и овец, а по поводу брошенного наместником упрека в „несогласии“ замечает: „об оном легко можете рассудить, что не от меня произошло, о чем и прежде сего довольно к вам писано. И ныне“,—уверяет губернатор,— «с моей стороны никакой вам злобы не ищу, но единственно желаю вам и всему калмыцкому народу пользу и благополучное пребывание умножать, и всякую злобу для общей пользы отринуть и забыть“. Рекомендуя наместнику подчинить его теперешнее настроение и дальнейшие намерения „благоразумному рассуждению“, Татищев указывает: „вы сами известны и довольно видеть можете, что из того, (каково теперешнее настроение), как вам, так и калмыцкому народу пользы нет,— разве вред, а злодеи, ищущие чрез то своей пользы, радуются и более о умножении несогласия прилежат“[59].

Не дожидаясь присылки копий джунгарских писем и приезда посланцов-киргизов, Татищев 19 мая отправляет в Петербург реляцию с изложением дела на основании данных в докладе Спицына, при чем заявляет, что, не имея подлинных писем, „не удобно“ составить о них правильное „мнение“. Во всяком случае, если к Дарма Бале и действительно писал ее брат, этим „еще то не доказывается, чтоб она тоже к нему о том писала, или чрез кого приказывала“, а равно, „получа то письмо, какой бы она намерок имела, не известно“. Упомянув о жалобах Дарма Балы, высказанных ею Черкесову, „яко бы наместник и зайсанги некакие клеветы на нее складывают“, Татищев приводит слова ханши, сказанные ею лично ему, Татищеву, 5 мая в доме того же Черкесова, что „наместником она недовольна“, и что ей желательно получить разрешение на приезд к двору. В виду этого,—находит Татищев,—можно подозревать, „нет ли какого подлога“ в деле, возбужденном против ханши наместником, „ибо и первое о ней прошлого 1742 года об‘явление было произнесено от известного плута, владельца Галдан-Порбы, который тогда за жену на нее злобу имел“[59]. В целях предосторожности, губернатор склонил ханшу,

---

[59] АКА, д. 1745 года, № 173, л. 49.

[60] „Очерк“, стр. 51

впредь до особого указа о ней, жить „в построенном для бывшего наместникова сына доме[60], и караул к ней определен“; относительно же того, как надо будет поступить в дальнейшем с ханшей, на это Татищев просит правительство „определить“ его указом[61].

26 мая Спицын препровождает Татищеву переводы писем, отобранных у посланцов Аблай-салтана. Всех писем оказалось четыре. Три письма были написаны по татарски; два из них, от Абулхаир-хана и Аблай-салтана, адресовались к Дарма-Бале, одно было написано к наместнику от Аблай-салтана. Четвертое письмо из Джунгарии, вменявшееся в криминал Дарма-Бале, было адресовано ей «от зюнгорского попа Гумунг-ламы». Перевод писем был сделан учеником калмыцкого языка П. Девятияровским, но не по самому тексту, а со слов наместника. Вот эти письма в переводе Девятияровского:

1. Письмо Абулхаир-хана к Дарма-Бале: «Сын ваш Галдан-Данжин в добром здоровьи находится, о котором посланной от меня посланец Кипкай» (удостоверяет, будто) «ево видел, что он содержится у россиан под караулом, о чем вам во известие доношу».

Известие Абулхаира о младшем сыне Дарма-Балы, Галдан-Данжине, идет в разрез с сведениями, что сын ханши был убит владельцем Сербетем по приказанию Джан, вдовы хана Дондук-Омбо, в 1741 году после сражения с ее войсками в урочище Бага-Болхун, где он был захвачен в плен. Правда, участь сына вызывала сомнения у Дарма-Балы, но не теперь, а раньше. 25 ноября 1741 года поздно вечером Дондук-Даши, только что об'явленный наместником калмыцкого ханства, явился к Татищеву и с тревогой стал говорить: „Бабке моей, Дарма-Бале сказали, будто сын ее Галдан-Данжин жив, но, по моей просьбе, заслал ты его в тайное место; а про то сказал ей крещен-

---

[61] АКА, д. 1745 года, № 174, л. 133 и об. В тексте реляции, пред фразой, где Татищев просит об определении его указом, зачеркнуты следующие слова: „А по всеподданнейшему моему мнению, убегая с наместником ее дальнего несогласия и в калмыцком народе неспокойства, не соблаговолено ль будет всем—ше повелеть ее, ханшу, в Москву отлучить, о чем она, как я с нею в доме ассесора Черкесова 5 числа виделся, по произнесенной от нее на наместника жалобе, что она им недовольна, сама меня просила, чтоб ее ко двору в. и. в—ства отправить, а паче предаю на высоч—шее в. в—ства соизволение“.

ный татарин Шараха, что был здесь при ней, и так ее в том уверил, будто он его сам видел; и взял от нее, будто по приказу Галдан-Данжина, чарку, оправленную золотом, и трубку табачную оправленную ж». Татищев успокоил наместника,— раз'яснил, что из-за вздора не следует волноваться, и послал в Астрахань указ о поимке татарина[62]. Конечно, тогда же Шараха понес наказание за корыстный обман ханши, и ее сомнения должны были рассеяться. Подобные же разговоры велись среди калмыков в 1744 году, но не о Галдан-Данжине, а о владельце Лекбее, зяте Дондук-Омбо, в ноябре 1738 года умершем в Астрахани от оспы, и так как многие верили, что на самом деле он жив, то Дондук-Даши озаботился отысканием на татарском кладбище возле Астрахани могилы Лекбея и извлечением оттуда костей в качестве вещественного доказательства подлинной смерти владельца[63]. Очевидно, сенсационные слухи о Галдан-Данжине в свое время проникли в киргиз-кайсацкую степь, а затем сплелись с слухами о Лекбее, и к 1745 году создался один фантастический рассказ, героем которого продолжал оставаться Галдан-Данжин. Нет ничего удивительного, что и посланец Абулхаира, Кипкай, при известной настроенности, счел за Галдан-Данжина какого-нибудь незаурядного калмыка, содержавшегося под русским караулом, и дал тем Абулхаиру повод воздействовать на настроение Дарма-Балы в известном направлении.

2. Письмо Аблай-салтана к Дарма-Бале: «Я, Аблай-салтан, желаю вам здравствовать, и все наши подданные вам кланяются. Об'являю вам о себе, что я от Галдан-Череневых рук в добром здравии и с честию свободился, и в дом приехал. А вы там в добром ли здравии находитесь? А меня Галдан-Черень имеет себе за сына, а племянник ваш Септень имеет за брата меньшего. И я вам нарекаюсь братом меньшим. А о проведании вашего здравия сего человека к вам послал».

3. Письмо Аблай-салтана к Дондук-Даши: «Вам, наместнику Дондук-Даше, желаю здравствовать. Известен я, что вы пожалованы над улусы наместником,—о том радуюсь. А я от

---

[62] *Н. А. Попов*, цит. изд., стр. 283.
[63] АКА, д 1741 года, № 166, л. 117 об.

Галдан-Череня в добром здравии возвратился. И когда я про честного человека ежели услышу, что жив, о том радуюсь. А на словах, вам что принадлежит, адресовал вам чрез посланного".

4. Письмо Гумунг-ламы к Дарма-Бале и Дондук-Даши: «зенгорского владельца Галдан-Череня письмо и присяга. Еще как прежде, так и ныне советовали, также и о божественном и о всех нашей веры людях напоминали, чтоб в чем нам беспрестанно напоминать и веру свою не забывать. А я надеюсь вам, что мне поверить лучше[64]. Також я, брат ваш, Гумун-лама, в бытность свою у далай-ламы, пожалован; так и по возвращении своем сюда пожалован главныем надо всем духовным чином, в которые уже и вступил. А ныне мне кроме вас и всех—нашего закона—более напоминать нечего. А более для того стараюсь, что ты—мне сестра родная, и о вас сожалею. Нежели от веры отстать и в другой вере быть, лучше умереть. И сиим моим словам лучше поверить, а я—Шакжимини бурханов главной поп, и лжи в себе никогда не имею".

Подлинник письма был припечатан красною печатью. Письмо датировалось 13 днем первого летнего месяца 1743 года[65].

Доставляя переводы писем, Спицын высказывал Татищеву свой взгляд, что на основании только их одних, действительно, как полагает и губернатор, для Дарма-Балы „ни малого предосуждения быть не может, потому что она к брату своему о том не писала, и посылок к нему от нее никаких не бывало"[66]. Почему с такою уверенностью говорит Спицын о последнем, не известно, но едва ли он не вторит в данном случае губернатору. В глазах Спицына, в качестве обвинительного материала против Дарма-Балы больше имели значения «словесные приказы», которые должны были передать ханше посланцы Аблай-салтана,—как Спицын и писал Татищеву в первый раз 13 мая[67]. Дондук-Даши тоже сознавал недостаточность улик против Дарма-Балы, поскольку они представлялись письмом ее

---

[64] Вместо: „А я надеюсь, что вам (для вас) лучше мне поверить".
[65] АКА, д. 1745 года, № 175, лл. 153—154.
[66] Там же, л. 155.
[67] АКА, д. 1745 года, № 172, л. 49 об.

брата, но наместник останавливался вниманием на «присяжном листе», упомянутом Гумунг-ламой, и в своем донесении кид от 12 мая высказал догадку, что «то письмо» (присяжный лист), „по всегдашней пред сим бытности“ в калмыцких улусах „касацких посланцов и купцов, может быть и прежде чрез кого до ее рук уже дошло», и надеялся отыскать этот документ впоследствии[68]. Конечно, для наместника неудобно было признавать обвинительный характер за письмами Абулхаир-хана и Аблай-салтана, которые как бы подчеркивали близость интересов Джунгарии киргиз-кайсакам, а интересов этих последних—калмыкам, чем давался, может быть, намек на возможность общего и согласного действования,—так как эти письма касались и его, а письмо Аблай-салтана даже было прямо адресовано ему, почему ссылкой на них Дондук-Даши ронял бы и себя в глазах правительства.

Узнав, что Татищев стал на сторону Дарма-Балы, наместник принимает новые меры предосторожности. От 12 июня 1745 года он посылает лист к Елизавете Петровне, в котором отрекается от родства с Бодонгом, своим братом, в виду того, что он не согласен ехать к двору с знатными зайсангами для выяснения истинного положения калмыцких дел и реабилитации главы калмыцкого народа—наместника, страдающего «по причине от Дармы-Балы, от Татищева и от других злосовестных людей произнесенной» на него «лжи и возмущения». Бодонг,—пишет наместник,—«в. в—ства подданным, а моим братом быть не может»[69]. А в письме к канцлеру Бестужеву-Рюмину, ссылаясь на прежние письма, Дондук-Даши говорит: „Как я напред сего многократно вам писал, так и ныне еще напоминаю, что хотя Татищев, приемля к себе в согласие всяких злосовестных людей, и чрез оных возмущение учинил, и такие слова произнес, которые до живота моего и до всеконечной всех подданных государыниных торгоут погибели касаются, однакож Дарма-Бала и он, Татищев, до ныне между собою в дружбе и купно здесь находятся. И для того я о успокоении всех нас особливо ее всепресвет—шему в—ству государыне кланяюсь и вам паки напоминаю“. Считая, что Дарма Бала вполне изобличена, и поступки ее „уже об-

[68] АКА, д. 1745 года, № 173, л. 203 и об.
[69] Там же, лл. 200—201.

стоятельно открылись", наместник просит канцлера, в случае ссылки ханши «куда в другую сторону», дать указ, «дабы находящиеся при ней и нам весьма потребные бурханы, письма и прочее, к нашему закону принадлежащее, також военную сбрую и другие многие вещи все в целости отданы были мне»[70]. 1 июля, в уверенности, что победа на его стороне, наместник предоставляет «рассуждению» канцлера, как по всей справедливости следует наказать „ложь сплетших и возмущение учинивших людей", разумея под ними, главным образом, Дарма-Балу и Татищева[71].

Дарма-Бала довольно поздно стала предпринимать меры к своей реабилитации. Только 1 июля 1745 года она представила Татищеву черновик письма к Елизавете Петровне, в котором жаловалась на обиды от наместника. „Не давая мне покоя", он „всякую ложь на меня затевал напрасно",—писала ханша. Наместник применил к ней воздействие даже военной силой: он послал против нее войско под командой владельцев Замьяна, Бамбара и знатных зайсангов, в числе семи человек, отнял у нее скот, купленный на жалованье, какое она получает из казны, забрал всех ее служителей и хотел было захватить ее в плен, но она «в Астрахань бегом спаслась». За что преследует ее наместник, она не знает. Прося указа о возвращении всего, что захватил наместник, Дарма-Бала заявляет желание иметь очную ставку с Дондук-Даши при дворе, чтобы «правда и ложь» были основательно и беспристрастно исследованы верными людьми, после чего она была бы поручена с улусами ведению особого лица и имела бы право ежегодно посылать к двору своих посланцов. Она —«старый человек», почему и надеется, что ее «во оной жизни» просьба не останется без удовлетворения[72].

Жизнь в городе, видимо, стала тяготить Дарма-Балу, привыкшую к раздолью степей а отведенный ей в Мечетном саду дом изобиловал насекомыми, которые беспокоили старуху. 11 июля ханша прислала Татищеву письмо: «Ныне

[70] Там же, л. 202 и об. Просьба наместника о бурханах была удовлетворена в 1746 году; АКА, д. 1746 года, № 194, л. 288. Реестр их и вообще хурульной утвари см. там же, лл. 307—308.

[71] АКА, д. 1746 года, № 188, л. 82. Уверенность, что враги не останутся без наказания, наместник высказывает в листе к наследнику Петру Федоровичу; там же, л. 83.

[72] АКА, д. 1745 года, № 177, л. 19.

во обретающемся месте блохи наели, и по мне как короста. И для того желаю перейти в травное место, где б блох не было. Ежели вам не противно, то хорошее место мне показать благоволите»[73]. Интересно, что две недели спустя после этого письма, к Татищеву пришло письмо от наместника с просьбою отпустить в улусы Дарма-Балу: «До повелительного указа, ее, ханшу, ко мне прислать благоволите», – пишет Дондук-Даши; «по прежнему во удовольствии содержать буду. А впредь с нею, ханшею, по указам что повелено будет учинить, тогда такое и исполнение учинено будет. Ежели она, ханша, будет говорить»,—прибавляет наместник, – «что со мною имеет несогласие и меня опасается, то я в том, что до указу ей, ханше, никакого зла не учиню, уверяю, и вы в том поручитесь, ибо клеветника Галдан-Норбу и Гаршю у двора ее и. в—ства исследуют, и в резолюцию указ пришлется»[74]. Трудно решить, какую подлинную цель преследовал наместник своим письмом, и была ли какая предварительная договоренность между ним и ханшей по вопросу о ее местопребывании, которую можно было бы допустить, сопоставляя близкие даты обоих писем и учитывая при этом довольно, впрочем, туманный намек на «клеветника» в письме наместника, если только не смотреть на письма, как на случайно совпавшие во времени и не расценивать намек на «клеветника», как на выпад по адресу Татищева, пользовавшегося в свое время информациями Галдан-Норбо о калмыцких делах.

Татищев потребовал от наместника возвращения Дарма-Бале принадлежавших ей кибиток, в числе 500, или же полного обеспечения ханши содержанием. 10 августа губернатор читал такой ответ на это требование: «Она, Дарма-Бала»,—писал наместник, – «пожалованные улусы взять сама отреклась и чрез меня испросила, дабы оную обще с улусов я ее довольствовал, почему оная от меня была содержана во всяком удовольствии, и никакой отмены показано не было. Но потом вы сами просили меня, чтоб оная зимовала при вас, об‘являя, что ей, Дарме-Бале, (степные) воды не здоровы, чему от вас по письму поверя, в ее рассуждение и отдал. А напоследи

[73] Там же, л. 119.
[74] Там же, л. 190.

оказалось, (что) не для нездоровых вод, но для затеванья на меня лживых слов оная при вас зазимовала». Правда, по указу Дарма-Бале назначено 500 кибиток, но нет указа, разрешающего ханше отлучаться от общих кочевий торгутов и содержаться на калмыцкий счет, живя в Астрахани[75].

Надо пояснить, что, действительно, в силу воздействий Татищева, Дарма Бала в начале 1745 года прикочевала к Астрахани, как это видно из ее письма к губернатору от 24 марта этого года, где ханша пишет: «По высоч—шей милости, ныне при вас зимовала, со объявлением Дондук-Даше и вашего дозволения, что вода (при Астрахани)—сладкая, и место теплое и спокойное, и от неприятеля никакой опасности быть не может»[76]. Фразой о сладких волжских водах, более полезных для Дарма Балы, чем воды степных худуков, и язвит теперь Дондук-Даши Татищева, представляя его главным виновником ложных доносов, составлявшихся губернатором в компании с ханшей

15 августа Татищев ответил Дондук-Даши, что ханше Дарма-Бале «присоветовал» жить в зимнюю пору при Астрахани сам наместник, и что от ханши он, губернатор, не слышал «никаких клевет» на наместника. «О сем, может быть, вам кто недоброжелательной человек нанес ложно для того, чтоб между нами согласия не было»,—пишет губернатор. Что касается отсутствия указа о довольствовании ханши в городе на калмыцкий счет, то,—рассуждает Татищев,—«понеже кому по верности от ее и. в-ства улусы пожалованы, тот где б ни жил—в степи ль, или при Астрахани—от тех улусов довольствоваться должен, яко же и вы хотя б при Астрахани, или при другом городе находились, податей брать с улусов не воспрещено, по чему и она, ханша, чинить должна. А указу такого: кто будет жить при Астрахани, тому с улусов податей не сбирать,—не имеется». Письмо к наместнику губернатор оканчивает заявлением, что «отдать» Дарма-Балу наместнику без указа «не можно»[77].

Разбор материалов по калмыцкому делу уже закончился в соответствующих канцеляриях. Собственно говоря, история с

---

[75] Там же, л. 238 и об.
[76] АКА, д. 1745 года, № 171, л. 235.
[77] АКА, д. 1745 года, № 173, л. 158 и об.

джунгарско-киргизскими письмами была уже ликвидирована на месте, так что дальнейшие события не могли беспокоить правительственные сферы. Дондук-Даши старательно выставлял свои верноподданические чувства в многочисленных листах к Елизавете Петровне и в письмах к канцлеру; он даже заявил готовность итти войной против киргиз-кайсаков, в случае нужды и указания правительства. У наместника уже отпала охота бежать с калмыками за границу, а Дарма-Бала находилась в руках Татищева и содержалась в Астрахани под караулом. Но положение Татищева вскрывшего план калмыцкого ухода и вследствие того окончательно рассорившегося с наместником, было таково, что на этот раз правительство приняло во внимание его прежние просьбы об увольнении от калмыцких дел и решило передать их другому лицу. Чтобы крепче привязать к себе усмирившегося наместника, 25 июля 1745 года ему дается особо милостивая грамота. Дондук-Даши мог торжествовать „победу“ над своими врагами, читая эту грамоту. „Мы... за доброе постоянство содержим тебя в высоч-шей нашей им-ской милости, и никак от тебя в должной к нам верности и пользе калмыцкого народа противных поступков не чаем“, — писалось в грамоте. Мы, „из высоч-шей нашей им-ской милости, за благо рассудить изволили: все калмыцкие дела поручить в ведение ныне в Кизляре находящемуся нашему г.-л. и к. Дмитрию Еропкину“. „Повелели мы ему тебя, нашего верного подданного, и весь калмыцкий народ высоч-шею нашею им-скою милостью накрепко обнадежить, и калмык допустить из Волги рыбу ловить, и всем прочим довольствоваться по обыкновению“. Санкционировался даже переход калмыков на луговой берег Волги, против чего, как известно, сильно ратовали Татищев и Неплюев[78]. Как из рога изобилия сыпались милости на калмыцкого наместника, который еще так недавно трепетал за свою судьбу.

Татищев узнал об освобождении его от калмыцких дел из указа от 19 июня, полученного им в Астрахани 16 августа 1745 года, а 19 августа доводил до сведения Спицына, что тот будет состоять в ведении Еропкина[79]. 29 августа Татищев получил письмо от Дондук-Даши, который, приведя выдержки из

---

[78] Там же, лл. 142—143.
[79] Там же, л. 162. Текст указа приведен у *Н. А. Попова* — цит. изд., стр 655—657.

грамоты 25 июля, спешит сказать не без злорадства губернатору: „за тем ныне ни в какие наши калмыцкие дела вступаться не извольте", и тут же заявляет требование губернатору об отмене распоряжения относительно передачи улуса Дарма-Бале. „До получения сего указа, сами собою поступать были вольны",—пишет наместник,—„и, не смотря на правильное от меня сообщение, ...Дармы-Балы посланников с нарочным от себя отправя, те улусы забрав, ей отдали. Ныне прошу приказать, чтоб оные улусы были послушны Лоузан-Череню, и что по сему изволите учинить, меня уведомить благоволите"[80].

В первых числах сентября Дондук-Даши отправляет к двору зайсанга Бордона с благодарственным листом за милостивую грамоту и, между прочим, пишет: „Понеже я от Татищева весьма огорчен, и для того хотя он от наших дел и отрешон, но когда он будет жить в Астрахани, то я опасен, чтоб от него и еще какого вреда не произошло. Весьма б хорошо было, ежели б определенной к правлению наших дел Еропкин по близости к нам жительство имел в Астрахани. А паче сие состоит в высоч-шем в. в-ства соизволении"[81]. Дондук-Даши не знал, что Татищев получил уже просимое им еще 11 апреля[82] увольнение от губернаторской должности и только дожидался приезда в Астрахань нового губернатора, чтобы навсегда распроститься с астраханским краем, где он чувствовал себя, по его выражению, как в „узилище". Указ об увольнении Татищева был дан 19 июля 1745 года; 11 ноября в Астрахань приехал новый губернатор И. О. Брылкин, а в декабре Татищев покинул Астрахань[83].

В сентябре и октябре 1745 года определяется судьба посланцов Аблай-салтана, привезших письма в калмыцкую степь, и Дарма-Балы. Грамотой от 18 сентября, которою, м. пр., отклоняется высказанное Дондук-Даши намерение итти осенью против киргиз-кайсаков с „последнею" калмыцкою силою, наместнику предписывалось отправить Джексембетя и Юзюнбая в Москву „под крепким караулом, дабы и другим, на то смотря, с такими калмыцкому народу вредными делами ездить было

---

80 АКА, д. 1745 года, № 177, лл. 259 об.—260.

81 АКА, д. 1746 года, № 188, л. 84 и об.

82 Черновик прошения Татищева об отставке, обильный корректурами Татищева—АКА, д. 1745 года, № 174, л. 122 и об.

83 *Н. А. Попов*—цит. изд., стр. 429.

неповадно"[84]. Из грамоты к Неплюеву от 17 сентября мы узнаем, что оба тогмута, по допросе в Москве, имели быть отправлены отсюда в Архангельск в ссылку, и что, помимо указанной в грамоте наместнику причины того, „сие с ними учинить рассуждено паче для сего, дабы тем между наместником хачства и киргиз-кайсацкою старшиною некоторую холодность произвесть". По вопросу о возможности ухода калмыков в Джунгарию в той же грамоте Неплюеву содержатся такие рассуждения: „Здесь не чаятельно, чтоб наместник ханства, или другой кто знатной из владельцов калмыцких похотел с улусы своими отойти в зенгорской народ, ведая, что зенгорской владелец—самовластной, и не токмо других таких владельцов, но и родных своих братьев при себе владельцами быть не оставляет. К тому ж волжские наши калмыки и сие еще помнят, что в 1701 году ушедших из них с Аюкиным сыном Санжипом торгоутских калмык 15 тысячь кибиток зенгорской владелец всех по своим улусам разделил, и тако оные и до ныне у природных зенгорцев, яко в добычу полученные холопи, иго работы несут, и торгутские владельцы владельцами, а зайсанги зайсангами не оставлены". Кроме того, калмыки—слабы: войска у них насчитывается не больше 9 тысяч, а, между тем, киргиз-кайсаки, чрез земли которых пришлось бы итти калмыкам, „пред ними гораздо сильны, и к воровству и разбою от природы привыклые". Калмыки должны считаться с этим, потому что „хотя б когда ханы и старшина касацкая калмыцкие улусы в зенгорской народ пропустить и похотели, но подлые касаки до того их не допустят, и всех их разорить могут, что и калмыки не меньше здешнего знают. Да и старшина касацкая, чаятельно, в рассуждении своем имеет, что такою прибавкою зенгорской владелец и еще усилится и им, касаком, паче вредить может". Если предположить, что наместник способен уйти за Яик под влиянием страха ответственности пред правительством за свое двусмысленное поведение, как это было в 1732 году с владельцами Дорджи-Назаровым и его сыном Лубжой после того, как Дондук-Омбо разбил Черен-Дондука, то и в таком случае „наместнику ханства с улусами от Волги туда итти зимою весьма невозможно, да и летом от Волги прямо степью, за неимением вод, так же неудобно". Пожалуй, подоб-

[84] АКА, д. 1745 года, № 173, лл. 203—204.

ный поход допустим летом, когда, поднявшись сначала вверх по Волге и миновав Саратов, наместник может перейти отсюда на Яик, или может уклониться вниз за Астрахань и пройти вблизи морских заливов к устью Яика «Но когда б и то от него последовало, то и тогда, кажется, мочно улусы калмыцкие отвратить от него одними яицкими казаками», в крайнем же случае—при помощи оренбургских войск. За Яик калмыки не осмелятся пойти, так как помнят «не малые утеснения», причиненные киргиз-кайсаками Дорджи-Назарову и Лубже в 1732 году, и не захотят подвергаться таким же неприятностям. Равным образом, калмыки не в состоянии были бы померяться оружием с яицкими казаками,—они обременены «тягостями» в виде жен, детей и скота, не позволяющих быстро маневрировать в стычках с конными казаками. Опасность не в этом, а в другом: «здесь за вящее рассуждается сие, чтоб киргиз-кайсаки, уведав калмыцкую нынешнюю слабость и робость, не похотели их разорить в конец, а паче, чтоб зенгорской владелец, будучи о таком их состоянии известен, не похотел бы, по примеру 1742 года, отправить в летнее время к Яику, якэ бы на киргиз-кайсаков, сильного своего корпуса и оным калмыцкие улусы от Волги к себе забрать. Но,—обращает здесь внимание Неплюева правительственная грамота,—„от того предосторожность иметь и в том им препятствие чинить от единой вашей стороны зависит“, почему и предоставляет „доброму смотрению“ оренбургского губернатора применение, сообразно с обстоятельствами, того или иного способа действий[85]. События 1771 года показали, насколько теоретичны были рассуждения правительства в 1745 году о невозможности для калмыков пройти в Джунгарию чрез Яик и киргиз-кайсацкие степи, как теоретичны же оказались и не отвечали действительному положению вещей рассуждения правительства по вопросу об уходе калмыков, поставленному в 1770 году астраханским губернатором Н А. Бекетовым[86]. Приказывая Неплюеву позаботиться о выработке соответствующих мероприятий на случай продвижения калмыков к Яику и дальше, правительство решило оказать некоторое воздействие и на джунгарского хун-тайджи Галдан-Череня. 29 октября 1745 года подлинное письмо Гумунг-ламы к Дарма-Бале, „об‘явлено было в

[85] Там же, лл. 208—210 об.
[86] „Очерк“, стр. 75.

Москве бывшим (там) зенгорским посланцам: ламе Даше и Авас-Баю, с требованием сатисфакции, и при том от них, что оное письмо перенято Дондук-Дашею, не скрыто для того, чтоб тем у зенгорского владельца оного Дондук-Дашу привесть в недоверность"[87]. В дальнейшем, впрочем, русскому правительству не пришлось иметь дела с Галдан-Черенем: в сентябре того же 1745 года он, „чрез тридневную болезнь", умер[88]. Из двух посланцев Аблай-салтана одному удалось еще раньше бежать из-под караула; поэтому, вышеприведенное распоряжение об отправке в Москву на допрос могло быть исполнено только относительно того посланца, который содержался „под караулом в Черном Яру у имеющегося там бодокчея", о чем Спицын рапортовал в кид от 20 октября 1745 года[89].

Наконец, очередь дошла и до Дарма-Балы. Заступничество Татищева не помогло старой ханше. На вышеприведенное ее прошение, какое она посылала к Елизавете Петровне с своим посланцом Гараши, не было обращено желательного ханше внимания, а подарки: китайская парча, деревянная чашечка и платок не были приняты при дворе и остались у посланца[90]. Это уже был явный знак немилости. И действительно, г.-л. Еропкину было приказано удалить Дарма-Балу из калмыцких улусов и сослать на жительство в Воронеж. Процедура высылки была обставлена некоторой таинственностью. Еропкин, приводя в исполнение данную ему инструкцию, 2 октября пишет Татищеву, что он должен об'явить ханше, „яко отправляется она в С.-Петербург", на самом же деле губернатор имеет отправить ханшу „с пристойным числом зайсангов и служителей до Царицына водным путем, а оттуда до Воронежа сухим путем". Как в пути, так и на месте она должна находиться „под честным караулом, со удовольствием в корму и в прочем". В караул назначается к ней воинская команда с «надежным офицером», которому выдаются «в запас» прогонные и кормовые деньги в размере 400—500 рублей, по усмотрению Татищева «А пожитков и книг, ее от нее не отбирать»,—распоряжается Еропкин,—«а какие тягости по хочет она в Астрахани оставить, и с тем от нее оставить кого из ее кал-

[87] АКА, д. 1746 года, № 195, л. 364 об.
[88] Г. Н. *Потанин*—цит. изд., стр. 31.
[89] АКА, д. 1745 года, № 172, л. 177.
[90] АКА, д. 1746 года, № 186, л. 1 об.

мык, и то все оному принять на ево руки и до указа велеть беречь[91]. 9 октября Татищев отправляет своего адьютанта, поручика Племянникова к Дарма-Бале с поручением сообщить ей волю царицы: 1, по просьбе ханши, ей велено ехать в Петербург и явиться при дворе; 2, она будет туда отправлена „с безопасным конвоем" по воде до Царицына, а с Царицына поедет сухим путем; 3, ей разрешено взять с собой зайсангов и служителей, сколько окажется нужным, по уговору с губернатором; 4, остающееся здесь имущество ханша должна поручить наблюдению верного человека и составить имуществу опись, пред'явив последнюю губернатору; 5, на дорогу, на пищу и на прочее будут выданы деньги „по чести ее довольные". Наконец, 6, если ханша желает сделать губернатору какие либо заявления, то может или сама приехать в дом губернатора, «или лучше на письме об'явить». Сообщение Татищева Дарма-Бала „приняла с благодарением". 11 октября она прислала губернатору список лиц, которых желала взять с собой; в список входили: 1 лама-эмчи, 14 зайсангов, 3 знатные дамы и разные служители, в общем—30 человек[92]. 26 октября Татищев сообщил в кид об отправлении того же 26 числа ханши Дарма-Балы в сопровождении 30 спутников водным путем от Астрахани до Царицына на двух судах и о выдаче ей на путевые расходы 500 рублей[93]. А в сообщении о том же Еропкину Татищев упомянул, что 10 октября Дарма-Бала, при свидании с губернатором, как бы догадываясь, что ее повезут не в Петербург, спрашивала: «не обманывает ли ее» губернатор[94].

В то время, как решалась судьба Дарма-Балы, наместник добивался получить ее улусы. Он жаловался Еропкину, что Татищев запрещает сбирать подати с калмыков ханшина улуса в казну наместника; губернатор об'явил, что «Дарма-Бала едет ко двору ее и. в-ства, и до приезду ее обратно с тамошних калмык наместниковым посланным денег ни полушки давать не велел»[95]. Еропкин был новым человеком в калмыцких делах и, кроме того, не имел точных сведений, из какого источника

[91] АКА, д. 1745 года, № 179, л. 27.
[92] АКА, д. 1745 года, № 182, лл. 5 и 7.
[93] АКА, д. 1745 года, № 174, л. 173.
[94] Тамже, л. 399.
[95] АКА, д. 1745 года, № 173, л. 252.

будут отпускаться средства на содержание Дарма-Балы в ссылке. Он задал вопрос Спицыну, кому раньше платили подать калмыки, кочующие при устье Волги: Дондук-Даши или Дарма-Бале. Конечно, Спицын мог только ответить, что эти калмыки, как принадлежавшие ханше, платили подать ей. Но такой справкой для Дондук-Даши не решался вопрос: он и прежде признавал неправильным взимание ханшей податей с приволжских калмыков, тем более теперь, когда Дарма-Бала „отлучалась" от улусов, он считал доходы с кибиток ханши принадлежащими себе.

Путешествие Дарма-Балы было не легкое. По Волге ей удалось добраться только до Черного Яра, куда она приплыла 30 октября,—дальнейшему движению судов мешал ледоход, начавшийся на реке. Дальше пришлось ехать сухопутьем[96]. Еропкин 5 ноября рапортовал в кид об изменении маршрута ханши. Кид почему то решила, что переезд Дарма-Балы на лошадях до места ссылки будет совершаться медленно, и 4 декабря, в отмену прежнего постановления о местожительстве ханши в Воронеже, назначила ей для постоянного пребывания Саратов, и хотя Еропкин 20 декабря писал в кид, что по его рассчетам, ханша „уже в Воронеж давно привезена", и высказывал мнение, что, в видах избежать „в привезении ее оттуда в Саратов напрасного казенного убытка", лучше было бы оставить ее в Воронеже,—кид указом от 31 декабря подтвердила распоряжение о переводе Дарма-Балы в Саратов. Еропкин должен был повиноваться, почему и послал соответствующий ордер поручику Можжевелову при ханше, при чем ассигновал ей на путевые расходы до Саратова 300 рублей[97]. 2 февраля 1746 года Можжевелов рапортует в астраханскую губ. канцелярию о приезде Дарма-Балы в Саратов 31 января и о том, что «ханша с зайсангами в Саратове в пристойных квартирах, по ближности и с командою, поставлены»[98]. На содержание ханши и калмыков, находившихся при ней в числе 30 человек, из саратовских казенных доходов было назначено по 100 рублей в месяц. Ханша находилась „под честным караулом", которому вменено было в обязанность „накрепко смотреть,

---

[96] АКА, д. 1745 года, № 182, л. 15.
[97] Там же, л. 49.
[98] Там же, л. 54.

чтоб она ни с кем письменной пересылки не имела, а паче чтоб сама куда не ушла"[99].

16 января 1746 года Еропкин получил от Дарма-Балы письмо, посланное ею с дороги к Саратову. Она доказывала свою непричастность к джунгарским замыслам. Правда, Галдан-Черень и Гумунг-лама требовали от нее ответа на их письмо, но я,—говорит ханша,—„и прежде к ним никогда писем и посланцов не посылывала, и от них никаких писем же не получала", да и раньше еще, „когда я с Аюкой ханом, и с сыном своим Черень-Дондуком, и с двумя братьями его жила, я (и) в то время никаких злых умышлений не имела". Тем более—теперь, в старости, живя благополучно в Астрахани и получая казенное жалованье, не могла оказывать „никаких противностей"; если это—неправда, то, клянется ханша, „изыми из меня сердце мое Шакжи-Муни-бурхан". Дарма-Бала жалуется на свое крайне стесненное материальное положение. С 1743 года Дондук-Даши отнял у нее улусы, возведя на нее тяжкие обвинения в измене. В 1745 году, когда ханша искала одного только покоя себе и решила зимовать в Астрахани, пользуясь здесь хорошим питанием, пресной водой и теплом, Дондук-Даши, „по ложному на меня об'явлению владельца Галдан-Норбы, будто я об'явила русским, что Дондук-Даша намерен бежать на Кубань", послал владельцев Бамбара и Замьяна отнять последнее имущество у ханши и поймать ее, но последнее не удалось сделать: „я, услыхав (о том) от посторонних людей, ушла в Астрахань, чем и спаслась". Теперь ей положено содержание по 100 рублей в месяц, но деньги не выдаются полностью: за предыдущие три месяца не додано 20 рублей, а в нынешнем месяце не додано 30 рублей. „А в бытность свою в Воронеже, продавали с себя платье и прочее, и тем пропитание имели. Того ради прошу вас, верного моего приятеля",—пишет ханша Еропкину,—„приказать выдать мне кормовые деньги без задержания, когда буду я в Саратове". В подарок Еропкину ханша подносила „изарбат на золоте" и отдавала в распоряжение генерала двух мальчиков и двух девочек калмыцких, предназначенных было для посылки в презент царице[100]. Письмо Дарма-Балы подку-

[99] АКА, д. 1745 года, № 174, лл. 63—64 и 66.
[100] АКА, д. 1745 года, № 181, лл. 66—67.

пало бы нас в свою пользу, если бы мы не знали интриг и рискованных предприятий ханши в прошлом и, кроме того, если бы не обратили внимания на любопытное обстоятельство, что теперь она как будто совершенно забывает о своем прошлом, без стеснения заявляя: „я в то время никаких злых умышлений не имела“.

Сумму, ассигнуемую Дарма-Бале на содержание, она должна была распределять „по препорции“ между окружающими ее калмыками, при чем для сокращения расходов ханше рекомендовалось отпустить лишних людей в Астрахань. Но ханша находила, что не может отпустить от себя ни одного человека: „ей без оных калмык жить будет скучно“,—говорила Дарма-Бала саратовскому воеводе Ст. Дурову, которому пришлось разбирать дело по заявленному на ханшу недовольству ее калмыков. Из ста рублей Дарма-Бала ежемесячно оставляла на свою долю 40 рублей, а остальные 60 рублей назначала калмыкам, выдавая каждому по 2 рубля на месяц. Калмыки считали обидным для себя получать двух-рублевое жалованье и стали собираться к уходу от ханши в Астрахань. Но были и приверженцы ханши, почему между одной и другой стороной произошла „великая ссора“, как докладывал Дуров астраханской губ. канцелярии 7 мая 1746 года, упоминая при этом, что однажды калмыки, не желавшие покинуть ханшу, бросились с ножами на противников и хотели их „перерезать ножами“[101].

7 июня того же 1746 года Дарма-Бала пишет Брылкину: „из Воронежа в Саратов едучи, от жестоких морозов имела не малое затруднение. По прибытии же в Саратов, прежняя болезнь паки возобновилась. Русских овец мясо здоровью моему противно, кирпичной же чай и калмыцких баранов мясо весьма б изрядно (было), точию в Саратове отыскать невозможно“. Для покупки баранов и чая ханша хотела послать одного калмыка, но караульный офицер не дает разрешения на это, почему ханше приходится обращаться теперь к губернатору с просьбою о снабжении продуктами питания,—„а болезни моей свободнее нет“, прибавляет Дарма-Бала. 16 июня Брылкин уведомляет ее о своих распоряжениях относительно

---

[101] АКА, д. 1745 года, № 182, л. 65.

порядка, в каком могут быть удовлетворены заявления ханши о ее нуждах. В августе для Дарма-Балы покупают в Царицыне 10 калмыцких баранов за 16 рублей 50 коп., а в ноябре—6 бахчей кирпичного чая в Астрахани у сибирского купца Ильи Игумнова по цене 2 рубля за кирпич[102].

Материальная стесненность, неприятное положение под караулом, хотя и „честным", тоска по степи и беспросветное будущее заставляют Дарма-Балу итти на поклон к наместнику. Она отправляет к Дондук-Даши 10 человек своих калмыков и поручает передать наместнику просьбу о его ходатайстве за нее пред правительством. Вот как передает Дондук-Даши просьбу ханши в своем листе к Елизавете Петровне от 16 сентября 1746 года: „Она мне представляет, что она—уже старуха семидесяти лет и при том меня просит, чтоб я хотя не для ее, но для бурханов и закона, и памятуя отца и деда моего, и для их спасения выпросил ее к себе и кости ее погреб. О чем я услыша и получа такое искреннее ее прошение, и в рассуждении бурханов и закона, також отца и деда моего, не мог оного вытерпеть", почему и дал обещание ходатайствовать о помиловании Дарма-Балы. Исполняя данное обещание и обращаясь с ходатайством за Дарма-Балу, наместник пишет: „А ежели она, Дарма-Бала, впредь что несходственное интересам в. в-ства или вредное подданным в. в-ства торгоутам учинить похочет, то она тому греху и сама будет виною. А я, не утруждая в. в-ство, принимаю его на себя, и так ручаюсь и по ней, как напред сего и по меньшем брате моем Бодонге"[103]. Не ограничившись посылкой листа к Елизавете Петровне, Дондук-Даши 30 октября того же 1746 года обращается с письмом к астраханскому губернатору Брылкину и просит его приложить с своей стороны старание по части удовлетворения ходатайства наместника об отпуске Дарма-Балы в степь, в чем Брылкин не отказывает наместнику[104].

25 ноября 1746 года прапорщик Л. М. Колмогорцев, сменивший состоявшего при ханше Можжевелова, рапортовал в астраханскую губ. канцелярию, что 21 ноября к Дарма-Бале приезжали из Ставрополя (на Волге) „крещенной полковник Шарап

[102] Там же, лл. 75, 80, 122 и 124.
[103] АКА, д. 1747 года, № 201, л. 260 и об.
[104] АКА, д. 1745 года, № 182, л. 212.

да с ним протопоп Андрей Чубовской для уговаривания ханшу к крещению, либо ехала в Ставрополь и жила там со внукой вместе. И оная ханша сказала им: ежели де меня государыня к себе возьмет, то особливсе дело будет, а то де я до весны подожду, и писать никуды ни о чем не буду, и креститься не хочу"[105]. Упомянутый здесь полковник Кирилл Шарап происходил из зайсангов и, м. пр., состоял в числе помощников княгини Анны Тайшиной, после смерти ее мужа Петра Тайшина (Баксадай-Дорджи), по управлению крещенными калмыками, поселенными возле Ставрополя—крепости[106]. Внука Дарма-Балы, по имени Тютеря, была дочерью Галдан-Данжина, убитого в 1741 году, по приказанию ханши Джан, хошутовским владельцем Сербетем. Тютеря крестилась в Петербурге в 1746 году и получила имя Елены Ивановой. До ареста Дарма-Балы, Тютеря жила при ней и выехала в Петербург в декабре 1745 года[107]. В Ставрополе Тютеря вышла замуж за Сербетя, тоже принявшего крещение, после многих жизненных приключений, и названного Семеном Артемьевым[108].

Дарма-Бала надеялась получить свободу к весне 1747 г., поэтому говорила Шарапу, что до весны воздержится от всяких пр сьб о чем бы то ни было. Наступила зима, и обострился квартирный вопрос. Помещение, отведенное ханше, калмыкам и воинской команде, в виде двух дворов, оказалось неподходящим: дома были ветхи, и жить в них не было возможности. „Ханша теми квартирами не довольна",—писал Колмогорцев в губ. канцелярию 16 декабря 1746 года,—„и не переходит в те покои, стоит и поныне в кибитках, а мне велит требовать другой квартиры". Когда Колмогорцев заявил в воеводской канцелярии о необходимости иметь лучшее помещение, из канцелярии получился ответ, «что де у нас под ханшу лучше той квартиры нет, и от магистрату не дают» [109]. 15 января 1747 года губ. канцелярия послала в саратовскую воеводскую канцелярию распоряжение «вместо неспособных квартир, немедленно дать другие удобные» квартиры, а за неимением их--требовать квартир от саратовского магистрата [110]. К по-

---

105 Там же, л. 150.
106 *В. Н. Витевский*—цит. изд., вып. 3. Казань. 1891, стр. 513 и др.
107 АКА, д. 1745 года, № 182, л. 21.
108 *В. Н. Витевский*—цит. изд., вып. 3, стр. 586—593.
109 АКА, д. 1745 года, № 182, л. 153.
110 Там-же, л. 157.

следнему и астраханский магистрат обратился с подобным же требованием 24 января [111]. Дарма-Бала довольно терпеливо переносила лишения в надежде на скорое освобождение от ареста. Но пришла весна, а благоприятных известий все не было. Ханша начинает волноваться и в письмах к Брылкину связывает свое нервное настроение с вопросом о жилище. „Находящаяся моя квартира—весьма худая, не лучше того, где скот бывает",—читал губернатор в письме Дарма-Балы 9 апреля: „и ежели жары будут, никакими мерами в ней быть невозможно. И блох весьма много, от чего покою не имею. Хотя о квартире Луку Шахматова здесь просила, токмо оной квартиры не показали, и показывают квартиру внутри города. А я опасаюсь пожарного случая и не малую печаль имею" [112]. Почти такого же содержания было письмо Дарма-Балы, полученное Брылкиным 4 мая; кроме жалобы на квартиру, представлявшую собою, по словам ханши, «скотскую избу», душную и полную насекомых, в этом письме заключалась просьба о присылке баранов и кирпичного чая, так как все раньше купленные бараны с'едены, а чай израсходован [113].

У Брылкина, вероятно, имелись уже неоффициальные сведения об указе относительно освобождения Дарма-Балы. 15 мая, при посылке трех кирпичей чая, от управления калмыцкими делами ханше делается запрос чрез саратовского воеводу Дурова, желает ли она возвратиться в степь. Конечно, ханша ответила согласием, а узнав о сохранении за нею жалованья, посылает письмо Брылкину, полученное им 4 июня: „Понеже я пришла в глубокую старость, и для того, за препровождением мне ее и. в-ства жалованья, ныне желаю быть в калмыцких улусах при Дондук-Даше вместо матери"[114]. Грамота об освобождении Дарма-Балы была дана 10 апреля 1747 года на имя Дондук-Даши; в грамоте писалось, что хотя Дарма-Бала «за ее неспокойство и непостоянство, а паче за недоброжелательство к подданному нашему калмыцкому народу нашей милости недостойна», тем не менее она освобождается от наказания в виду заслуг ее мужа, хана Аюки, а также верности

---

[111] Там же, лл. 165-166.
[112] Там же, л. 171.
[113] Там же, л. 173.
[114] Там же, лл. 204—205 и 211.

наместника, ходатайствовавшего за ханшу[115]. 11 июня Брылкин извещает Дондук-Даши, что, по правительственной грамоте и по письму канцлера, ханша Дарма-Бала имеет быть доставлена из Саратова сначала в Астрахань, а отсюда губернатор отпустит ее к наместнику в степь; ханше положено от казны жалованье в размере 100 рублей в месяц[116]. По указу кид от 29 сентября 1747 года, кочевавший в устьях Волги улус Дарма-Балы, на который Дондук-Даши пред'являл претензию в письме к Брылкину от 20 января 1746 года[117] и из-за которого вступил с ним в столь крупный спор, что губернатор 3 мая 1747 года должен был просить особых раз'яснений и указаний кид[118],— этот улус возвращался теперь с Волги в степь и поступал в ведение ханши.

После описанных приключений, Дарма-Бала окончательно сходит с политической сцены,—мы не видим уже больше ее активного участия в калмыцких делах. Крепкая старуха, однако, сумела перенести напасти и лишения 1745—1747 годов, и, кажется, они не особенно сильно отразились на состоянии ее здоровья. В 1748 году она даже собиралась предпринять путешествие в Тибет и чрез посредство наместника просила правительство отпустить ее к далай-ламе, но правительство нашло, что отправить ее в дальнюю и трудную дорогу было бы „с пользою ее не сходно", почему и отказало в просьбе[119]. По возвращении из Саратова, Дарма-Бала прожила в степи больше 12 лет. Только приблизительно за год до смерти силы стали покидать старуху, так что, например, она не могла присутствовать на торжественном обеде 30 апреля 1758 года по случаю возведения Дондук-Даши в ханское звание, извиняясь пред губернатором А. С. Жилиным своей болезнью[120]. 12 декабря 1759 года Спицын сообщал в Астрахань Жилину: «Уведомился я ныне, что старая ханша Дарма-Бала, а прежнего калмыцкого Аюки-хана жена, будучи пред сим больна, 6 сего декабря умре»[121]. Бесспорно, Дарма-Бале принадлежит видная роль в калмыц-

---

[115] АКА, д. 1746 года, № 195, л. 90 и об.
[116] АКА, д. 1745 года, № 182, л. 212.
[117] Там же, л. 49.
[118] АКА, д. 1746 года, № 195, л. 290.
[119] АКА, д. 1753 года, № 237, л. 28 об. и л. 31.
[120] АКА, д. 1758 года, № 270, л. 73 об.
[121] АКА, д. 1759 года, № 278, л. 389.

кой истории первой половины XVIII века. Все более или менее крупные события в политической жизни калмыков того времени так или иначе связаны с ее именем. Она принимала самое деятельное участие в устройстве судьбы калмыцкого народа. Будучи глубоко убеждена, что для сохранения национальных особенностей и в интересах обще-монгольского дела калмыкам не следует оставаться в России, а необходимо отсюда уйти и присоединиться к сородичам на Д. Востоке, Дарма-Бала направляла к осуществлению идеи ухода свой хитрый ум и удивительную силу воли, но не встретила единодушного отклика себе со стороны калмыков и была побеждена столько же интригами врагов сколько и неблагоприятными для нее внешними обстоятельствами. Нельзя предполагать искренности в Дондук-Даши, когда в борьбе с Дарма Балой он подчеркивал пред правительством свою верность ему. Дондук-Даши и тогда оставался настроенным не в пользу русской власти, но ему не хотелось, чтобы первая роль в управлении калмыками и в их политике принадлежала Дарма-Бале, а не ему, почему и постарался смирить ханшу. После же того, как она была скомпрометирована и перестала быть опасной самолюбивому наместнику, он скоро примиряется с нею и даже хлопочет о возвращении ее из ссылки.

Лучшим доказательством подлинного политического настроения Дондук-Даши, которого Татищев характеризует человеком „великого коварства“[122], служат толки калмыков о приготовлениях наместника к уходу из России в 1747 году. С мая этого года в кид начали поступать доклады Спицына о собраниях владельцев у Дондук-Даши, по ночам для обсуждения вопроса, куда целесообразнее итти. Капитан П. Гак узнал от калмыков, что Дондук-Даши, находившийся тогда в Рын-Песках, предлагал направиться к Яику, перейти его, затем напасть на киргиз кайсаков и разбить их, чтобы тем „отворить себе путь чрез Бухары в Персию, или в Зенгоры“. Большая часть владельцев предпочитала итти в Персию, но находились сторонники и ухода на Кубань, как были и сторонники того, чтобы калмыкам остаться в России. На основании сведений, полученных от владельцев: Тукчи хошоутов-

---

[122] В письме к бар. И. Черкасову; *С. М. Соловьев*—„История России с древнейших времен“. „Изд. 3 т-ва „Обществ. Польза“, кн. 5, т. 22, стлб. 322.

ского, Асархи багацохуровского и его дядьки Джамбо и некоторых зайсангов, Спицын писал в кид, что на последнем совещании у наместника по вопросу, куда итти чрез Бухару в Персию, или в Джунгарию, „зайсанги Сойбон-Иши, Бордон и Гумеджап сильно протестовали, и едва было до междоусобия не пришло“; эти зайсанги считали вообще немыслимым уход калмыков, в виду их теперешнего „бессилия и скудости“. Дондук-Даши казался Спицыну, по части „верности“, „довольно сумнительным“, а настроение калмыцких верхов было таково, что один из зайсангов, Гелдей, при переводчике Везелеве 15 мая по адресу русских „публично говорил: мы де от этих собак пропадаем, и нам де сколько у россиан в подданстве не быть, добра не видать, и мы де с ними переведаемся“. По мнению Спицына, Дондук-Даши „ни для чего намерение имеет отойти, как токмо для одной вольности, чтоб ему быть самовластну“. Подобного же рода доклады поступали в кид и от Брылкина, а донской атаман Д. Ефремов даже отдал военные распоряжения по разным местам на случай движения калмыков к Кубани. Из докладов Брылкина и Спицына в кид 27 октября 1747 года была составлена особая „выписка“ для более удобного обсуждения вопроса о возможности калмыцкого ухода. Кид признала это дело совершенно немыслимым,—в данный момент, рассуждала кид, калмыки не в состоянии уйти куда бы то ни было, что же касается разных толков об этом, то они—просто пустая болтовня калмыков, заслуживающих за это наказание[123]. 9 июля 1747 года Ефремову уже был сделан выговор из военной коллегии за слишком поспешные распоряжения[124]. А 28 ноября того же года Брылкин разослал секретные указы комендантам городов астраханской губернии „зайсанга Матвея Гелдея смотреть, ежели он к которому городу на торг, или для какого другого дела приедет, то в поимке его крайнее старание приложить, и как пойман будет, держать ево в крепком карауле в кандалах, и сюда к калмыцким делам репортовать“[125]. Гелдея ожидало наказание за его бранные слова, но сообщения владельцев и зайсангов Гаку и Спицыну о тайных собраниях, происходив-

---

123 АКА, д. 1746 года, № 195, лл. 360—385.
124 Там же, л. 245.
125 АКА, д. 1747 года, № 200, л. 136.

ших у наместника, относились к факту, характеризующему настроение Дондук-Даши и значительной части калмыцких верхов в 1747 году.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

1. АКА, д. 1742 года, № 140, лл. 36 об.—37.

Письмо Галдан-Череня, правителя Джунгарии:

„Дондук-Омбе и торгоутским владельцам—всем подать.

Издревле всем известно, что четыре орды[126] во всех своих случаях союзно и любовно живали, из которых с вами мы—на обе стороны издавна родственные, а паче в союзе и доброй любви находились. И по тому примеру надлежит быть во всякой любви завсегда. Но между тем, мои братья, со мною развращась, между вас и нас привели к сварному и развратному делу. А ныне так, как говорится: „прежде бывшее с водою, будущее ж (с) снегом преминет“, оное—непотребно. Из четырех орд остались ныне одни хошуты, кочующие близь Синего озера к востоку, а между ими о средине—мы (л. 36 об.), на низ—вы бывали. Хошуты ж, за непослушание своих начальников и их слов, были в несогласии, отчего половина сюда пришла, а большая часть к Китаю подверглись. Ныне же вам, кто из вас начальство имеет, у оного одного в послушании, также и меж собою в союзе, согласии и любви быть надлежит. И ежели как к нам, так и к вам проезд свободной, то посланцов пересылать потребно, чтоб здравия знать и в доброй любви находиться. Презент—с платком овощи. Темир мечин джиль, т. е. 1740 г. в седьмом месяце (август) в 28 день“ (л. 37).

2. АКА, д. 1744 года, № 166, лл. 68—69.

Письмо В. Н. Татищева от 13 марта 1744 года к старшинам Малой киргиз-кайсацкой орды: Эсетю, Сарки, Аджибаю и прочим батырям:

---

[126] На полях—пояснение переводчика: „Т. е. калмыцкие роды, называемые хошуты, торгоуты, тибеты да борго бураты“.

„Здесь мне явились присланные от вас: Девлет-Бай, Шекер-Тюлеп и Али-Бай и с ними Эсеть батыря сын, Тубгун бек, с которыми хотя от вас письма не было, но они именем вашим словесно мне уверяли, что ее и. в-ству со всем киргиз-кайсацким народом в верноподданстве непоколебимо содержитесь и, во знак той вашей верности, ево, Эсеть батыря упоминаемого сына ко мне прислали, обещая впредь в верноподданстве быть, и караванам, и будущим у вас купцам никакого вреда не причинять, и их благополучно препровождать. И хотя за отгон прошлого году калмыками у вас лошадей, по нетерпеливости, намерены вы калмыкам отмщение учинить, но, по своему верноподданству, не желая, чтоб без воли ее и. в-ства таковые противности оказать, повстречаясь на Эмбе с моими у наместника ханства калмыцкого Дондук-Даши посланцами, от того своевольства народ свой вы удержали и возвратились паки к своим жилищам. Оные ж ваши присланные, именем вашим, с наместником Дондук-Дашею договорились, чтоб вам с калмыками мирно жить (л. 68), и что вами до сего года со обоих сторон взято, того не отбирать и забвению предать, но токмо б впредь того не чинить и пребывать спокойно, без малейшего повреждения. Которое я за полезно признаваю, и за ваши верноподданнические добрые поступки похваляю, и ее и. в-ству доносил[127]. И советую вам, почтенным старшинам, в пользу вашу постановленной с калмыками мирной договор и дружбу содержать ненарушимо, и нималой причины к повреждению не подавать, за что уверяю вас наивяще от ее и. в-ства получить высоч-шую милость. Что же по сему изволите с вашей стороны за потребно рассудить, о том извольте с посланным при сем моим и наместниковыми посланцами нас уведомить. А показанные присланные от вас: ваш Эсеть батыря сын, Туюгун бек, с посланцы с награждением при сем обратно к вам отправлены. Точию у наместника Дондук-Даши до ответа вашего самовольно остались Девлет-

---

[127] Дальше было написано, а потом зачеркнуто: „и ожидаю за то от ее и. в-ства вам высоч-шую милость, для чего вашего Эсеть батыря сына оставил здесь и буду, до получения высоч-шего указа, содержать во всяком довольстве. И как скоро от ее и. в-ства вам высоч-шую милость получу, с тем ево к вам отправлю, а между тем во известие с сим от меня и от наместника Дондук-Даши с письмами нарочные посланы“. Сбоку рукою Татищева написано: „Оставить другого, кто познатнее, и дать кормовых Эсеть-батыреву сыну по 20, другому по 15 коп. на день, а возвращающимся посланцам двум—по сукну плохому“.

Бай (об.) да Шекер-Телеп, которые, как от вас на оные письма те ответы получены будут, имеют немедленно ехать.

В такой же силе письма:—1-е, Алтабаю, Бактабаю и прочим харакесевским старшинам; 2-е, Эсь Болоюби, Байсую и Бек-Болоду батырям—баиулинским старшинам (л. 69).

1.VI.27.

III

К истории вопроса о русско-калмыцком судебном уложении.

В «Очерке истории Калмыцкого народа» уделена известная доля внимания памятникам национального юридического творчества калмыков: уложению 1640 года, законам Дондук-Даши, и зинзилинским постановлениям 1822 года[1], но если нельзя не признать справедливым отзыв В. Л. Котвича, что уложение 1640 года до сих пор остается не достаточно изученным в юридическом и историческом отношениях[2], то это же самое—и, пожалуй,—еще в большей степени следует сказать о законах хана Дондук-Даши и зинзилинских постановлениях, хотя о них и имеются труды К. Ф. Голстунского и Ф. И. Леонтовича. В одном из новейших заграничных изданий по всеобщей истории права уложению 1640 года уделено несколько строк информационного характера, о законах же Дондук-Даши и зинзилинских постановлениях совсем не упомянуто[3]. В целях содействия будущей научной разработке вопросов из области истории русско-калмыцкого судебного уложения печатаются следующие материалы преимущественно исторического характера.

1.

Первые попытки калмыков получить особое судебное право.

После того, как калмыки прикочевали из Джунгарии к берегам Волги, им пришлось войти в соприкосновение с русским и татарским населением среднего и нижнего Поволжья и общими усилиями взяться за создание таких условий жизни, при которых можно было бы существовать, не нарушая интересов друг друга. С наплывом в XVIII веке русских поселенцев в

---

[1] См. „Очерк“, стр. 10—15, 56—60, 129—137.

[2] *В Л. Котвич*—„Русские архивные документы по сношению с ойратами в XVII и XVIII в. в. Петроград. 1921“ (из „Известий Рос. Академии Наук. 1919“, стр. 797).

[3] J. Kohler und L. Wengler—„Allgemeine Rechtsgeschichte, I. Berlin und Leipzig. 1914“, s. 55—56.

астраханский край известную остроту принимал вопрос о пользовании лугами, где паслись огромные табуны лошадей и стада крупного и мелкого скота, составлявшие все богатство кочевников-калмыков. Естественно возникавшие между ними и русскими споры и ссоры из-за территории калмыцких кочевий и из-за отгона лошадей и скота, доходившие до смертоубийства, требовали наличия особого судебного органа, в котором разбирались бы тяжебные дела в интересах как той, так и другой национальной группы. Еще при первых ханах возникают в Астрахани русско-калмыцкие суды в составе представителей и от русской местной администрации и от калмыцкого хана. Воевода назначал к присутствию в суде астраханских служилых людей, калмыцкий хан присылал своих бодокчеев. Но русско-калмыцкие суды действовали довольно вяло. В своей практике они не руководились специально выработанными для их цели законами, почему решения судов не отличались устойчивостью и поэтому вызывали недовольство то одной, то другой заинтересованной стороны. При разборе дел постоянно сталкивались русский и калмыцкий взгляды на квалификацию правонарушения; напр., на отгон скота русские смотрели как на преступление, караемое жестоко наряду с грабежом, калмыки же рассматривали отгон скота больше как проявление удальства, и надо было внедрять в сознание бодокчеев, что это есть действительно преступление. Трудную задачу составляло применение системы наказаний по русскому праву к калмыкам, считавшимся с системой взысканий по их уложению 1640 года. В смешанных судах неминуемо должны были возникать разногласия и пререкания между русскими и калмыцкими заседателями, так как каждая сторона старалась отстаивать свою, кажущуюся ей более справедливой, точку зрения на дело и каждая, конечно, по своему была права. Особенные дебаты вызывал вопрос о наказании за убийство. Калмыки не мирились с мыслью, что убийца должен был подлежать смертной казни, как того требовали русские законы. Калмыкам казалось достаточным присуждать убийце материальный штраф, который он должен был платить семье убитого, как указывало уложение 1640 года. «Которые ваши люди пропали»,—пишет астраханскому воеводе М. И. Чирикову старший ханский сын Чакдоржап 2 октября 1713 года,—«и тех людей мы заплатим. А которые люди в воровстве приличены будут, и тех людей смер-

тию казнить—худо. И хорошо б вместо тех пропалых людей вашим и нашим людем чинить платы. Об этом деле извольте послать в Казань[4], а я пошлю посыльщика к хану, чтоб (за) людей платить пени. И об этом положить надобно, по совету, пример»[5]. Чакдоржап предлагает раз навсегда установить денежные пени за «пропалых людей», т. е. за убитых, кто бы они ни были—русские или калмыки. Из последующей судебной русско-калмыцкой практики мы действительно видим, что убийца платил за простого человека 50 рублей, за привиллегированного («хорошего»)—100 рублей[6]. Воевода не препятствовал такому порядку,—он принужден был делать известные уступки хану Аюке в виду его авторитета, а также того, что военные услуги калмыков нужны были России,—представителю правительственной власти в Астрахани оставалось улаживать русско-калмыцкие судебные конфликты. Чириков был мастер на этот счет, и Аюка, ценя талант покладистого воеводы, жил с ним дружно. Дело приняло совсем другой оборот, когда в 1719 году был назначен в Астрахань на губернаторскую должность А. П. Волынский. Он вообще задумал круто поворотить калмыцкую политику в русскую сторону и, между прочим, в судебном отношении стремился подчинить калмыков в полной мере действию русских законов. Суд его был суров: он засаживал калмыков в тюрьмы, применял при допросах пытки, вешал калмыков не только за убийство, но и за грабеж. Аюка не замедлил выразить губернатору протест, но если старый хитрый хан действовал в данном случае с осторожностью, то совсем неудержим был Чакдоржап в словесных схватках с Волынским, доходивших до открытой ругани. „Наших людей... не токмо бить, хоть жарьте, понеже уже вам кстати“: такие слова ханский сын приказал довести до сведения губернатора майору Дивициаку, приехавшему 7 октября 1721 года к Чакдоржапу по поручению Волынского для некоторых переговоров. «Нам с вами пробыть невозможно», и мы будем писать об этом царю,—заявлял Чакдоржап „Напред сего мы, калмыки, слышали, что губернатор в Астрахань едет, и мы надеялись, что порядок

---

[4] В Казани находился тогда губернатор, власти которого была подчинена Астрахань.

[5] АКА, д. 1713 года, № 1, л. 65; также—„Документы Калмыцкого архива в г. Астрахани, относящиеся к истории Калмыцкого народа за XVIII ст“ ж. „Ойратские Известия“ за 1922 г. №№ 3—4, стр. 160.

[6] *М. Г. Новолетов*—цит. изд., стр. 63.

будет лучше, а ныне гораздо стало быть хуже и старого. И губернатор ваш никаких наших дел не судит, токмо сидит, запершись дверьми, и посылыщиков наших до себя не допускает". Взбешенный действиями губернатора, Чакдоржап, кажется, готов был обратить свою ярость и на губернаторского посланца, но остановился, прервал пламенную речь, вскочил на коня и умчался в степь[7]). Горько жаловался Волынский в письмах к своим друзьям на неприятности, причиняемые ему „дикой бестией"—калмыками!...

Петр I приказал Аюке казнить смертью калмыков, занимающихся отгоном табунов у кубанских татар[8]. Но, не говоря уже о том, что это приказание было временной мерой, направленной к устранению боевых столкновений калмыков с кубанцами и не касалось калмыцких грабежей в русской стороне, едва ли допустимо, чтобы Аюка стал исполнять приказание Петра, столь противоречащее взглядам всех калмыков, тем более, что проконтролировать хана не представлялось возможности для русского правительства.

Система общего ограничения калмыцких прав, начало которой положено при Волынском, действовала в разной силе при преемниках первого астраханского губернатора, в зависимости от состояния калмыков и того, кто был у них ханом. При Церен-Дондуке—ставленнике русского правительства, человеке совершенно бездарном и отчаянном пьянице, калмыцкая жизнь пришла в полное расстройство, и на калмыков стало удобно налагать руку правительственной опеки. Но после Церен Дондука правительство принуждено было вручить власть над калмыками опальному владельцу Дондук-Омбо, и он энергично взялся за упорядочение калмыцких дел. В первую же очередь, понимая все значение вопроса, он вошел с представлением к правительству о необходимости выработать „особливое право", по которому можно было бы производить суд и расправу в тяжбах между русскими и калмыками. Дондук-Омбо торопил правительство с изданием такого права. Он уполномочил своего посланца к двору, Джамбо Джамсо внести необ-

---

[7] АКА., д. 1721 года, № 9, л. 388 об. Богатый материал для характеристики отношений Чирикова и Волынского к калмыкам собран мною в т. I „Документов Калмыцкого архива" за 1713—1725 годы, давно уже приготовленном к печати и ожидающем выпуска в свет.

[8] АКА, д. 1726 года, № 22, л. 441 об.

ходимые поправки и дополнения в это право, задержки в составлении которого он не предусматривал. Чтобы иметь скорее „особливое право“, он отказывался от личного участия в его редактуре. Джамбо-Джамсо доложил представление Дондук-Омбо в правительственных сферах в начале 1736 года и получил ответ от вице-канцлера, князя А. М. Черкасского в том смысле, что идея „особливого права“ в судебных русско-калмыцких процессах „апиробуется“ правительством, но что немедленно удовлетворить представление калмыков нельзя, так как для составления и опубликования „особливого права“ необходима серьезная и продолжительная работа. Черкасский при этом сказал калмыцкому посланцу, что когда право будет выработано, то оно „прежде публикации может сообщено быть и самому Дондук-Омбе“, для его замечаний. «А между тем»,— добавил вице канцлер,—„пока то право выдано и публиковано будет“, суд в своей деятельности должен „поступать по древним обыкновениям[9].

Каковы калмыцкие судебные „древние обыкновения“,— никто из русских сановников того не знал, и кид решила поручить саратовскому воеводе В. П. Беклемишеву, „яко издавна при тех калмыцких делах пребывающему и ведущему между калмык и россиян чинимые в судах древние обыкновения, написать к тому праву приличные пункты“. Указом от 10 февраля 1736 года Беклемишеву предписывалось прислать пункты, по их составлении, в кид, «дабы здесь возможно в состоянии быть такое особливое право издать». С какою же целью?—С тою, чтобы «тем калмык от чинимой их наглости и воровских на российские жилища нападений единаче удержать»,—определенно высказывается кид и тем намечает направление, в каком Беклемишев должен был произвести работу по составлению судебных пунктов[10]. Они должны были ограждать русские интересы, оставляя в стороне калмыцкие права. Очевидно, „древние обыкновения“ калмыков в устах правительства были одной лишь фразой, говорившейся больше в утешение и успокоение калмыков,—реального содержания она не заключала в себе. Беклемишев не отступил от преподанной ему директивы; он написал пункты в желательном для правительства направлении, „по слабейшему своему мнению“, и отправил их в кид 23 апреля

[9] АКА, д. 1722 года, № 11, л. 148 и об. и лл. 160 об.—161.
[10] Там же, л. 144 и об.

1736 года[11]. Познакомимся с ними и оценим, насколько они отвечали запросам калмыков.

Судебные пункты Беклемишева состоят из двух частей, с подразделением первой части (пп. 1—18) на два отдела. В первой части Беклемишев дает сведения о русско-калмыцких судебных порядках при хане Аюке (пп. 1—11) и при хане Церен-Дондуке (пп. 12—18). Во второй части (пп. 1—27) излагаются мероприятия, которые, по мнению Беклемишева, могли бы содействовать искоренению разного рода преступлений и водворению более правильных отношений между русскими и калмыками при наличной социально-экономической обстановке.

Угон скота, в связи с незаконным пользованием пастбищами, и грабежи, сопровождавшиеся иногда смертоубийствами, служили причиной столкновений между русскими и калмыками, особенно участившихся с времен правления Церен-Дондука. Обыкновенно инициатива столкновений исходила от калмыков,—русские только отвечали на них местью. При хане Аюке для опознания участников отгона скота и грабителей обиженная сторона руководилась „следом", оставленным за собою виновными. К чьему улусу приводил след, в том улусе Аюка и „приказывал сыскивать" воров, а потом отдавал их в русский суд. При ненахождении воров, хан „правил" пропажу на калмыках всего улуса и тем удовлетворял истцов (п. 1). В случае отсутствия следа, но при указании истцами определенного улуса, к которому принадлежали те или другие грабители, бралась „вера" у знатных зайсангов, ответственных за поведение подвластных им аймачных калмыков и обязанных знать, что происходит в аймаках. Если зайсанг не давал „веры", т. е. не указывал виновных, пропажа взыскивалась на нем (п. 2). Для опознания виновного истцам достаточно было найти в улусе хотя бы одну лошадь из числа лошадей всего отогнанного табуна. По найденной лошади калмыки платили, соответственно общему количеству отогнанных лошадей, лошадь за лошадь. Число отогнанных лошадей, указываемое

---

[11] Там же, л. 170. Текста судебных пунктов Беклемишева в Калмыцком архиве не оказалось. Список с них, прокорректированный С. К. Богоявленским, доставлен мне, с разрешения Центрархива РСФСР, из Московского Древлехранилища, где он находится в Калмыцких делах 1736 года № 5. Считаю долгом выразить глубокую благодарность Управлению Центрархива и С. К. Богоявленскому за одолжение.

истцами, в данном случае не подвергалось сомнению и принималось за бесспорное (п. 3). Потрава сенных покосов на луговом берегу Волги вблизи городов и на островах составляла при Аюке редкое явление, но все же отдельные случаи бывали и тогда; за потраву «правили» на калмыках (п. 4). К торговым оборотам между русскими и калмыками, производившимся на городских базарах, приставлялись особые судьи с русской и с калмыцкой стороны для разбора всяких ссор и пререканий продавцов и покупателей. При обнаружении на калмыцком базаре товаров, покраденных калмыками у русских, хотя бы со времени покражи прошел месяц, и было известно, что похитителем являлся не тот калмык, у которого оказался покраденный товар, все равно: «на нем калмыцкие судьи взыскивали» и не только забирали у него найденное, но и требовали возврата всего того, что было заявлено как пропавшее (п. 5). В летнюю пору калмыки располагались кочевьями по левому берегу Волги,—правый берег реки был для них недоступен, поэтому хан не заявлял претензии русскому суду, если русские били и грабили калмыков, перебравшихся на правый берег. Никакие об'яснения и отговорки калмыков не принимались во внимание, так как всем было ясно, что калмыки пошли на правый берег не для своих каких-нибудь нужд, но для воровства (п. 6). Русским рыбопромышленникам на станах по луговому берегу Волги калмыки вообще мало причиняли обид (п. 8). Русских торговцев сопровождал в улус калмыцкий дарга, по назначению владельца; дарга нес ответственность за правильное разрешение споров о скоте, если таковые возникали у продавцов с покупателями (п. 9). В качестве одного из верных средств возместить обиду русских калмыками коменданты городов нередко прибегали к баранте. Но случалось, что и калмыки русских «за баранту лавливали, только»,—говорит Беклемишев,—„не так много, как ныне. А больше оное чинили зайсанги, а не владельцы, и не допущали до хана и до калмыцких дел“, улаживая дело судом коменданта (п. 10). Русские истцы, при возмещении убытков от угона табунов, потравы хлебов и сена, грабежей и краж, ставили в своих жалобах большее число голов табуна и вообще указывали большее количество своих потерь, учитывая то обстоятельство, что калмыки, при платеже лошадью за лошадь, отдавали вместо, напр., двадцатирублевой лошади лошадь в

полтора и два рубля; кроме того, русские присчитывали сюда убытки от судебной волокиты, „ибо калмыцкие владельцы судом весьма продолжают, и определенные от них судьи с истцов берут взятки не малые, а иск отдают всегда вполы, а другим многие иски и не отдавали“ (п. 11).

Так было при хане Аюке, но иные порядки пошли при его преемнике Церен-Дондуке. В правление Церен-Дондука, „калмыки российском обиды делали не малые отгоном скота и всяким грабежом, потравою хлеба и сена“, даже и «смертные убивства“ учиняли. А когда русские являлись в улусы „просить у владельцов о довольной сатисфакции“, то с их стороны не встречали заступничества и готовности удовлетворить справедливые жалобы. Владельцы отговаривались незнанием действительных виновников преступления и требовали у истцов вполне точных указаний, кто именно из калмыков учинил им ту или иную обиду, сколько калмыков участвовало в грабеже и разбое, на каких лошадях были калмыки и т. д. Если истцы не давали подобного рода точных указаний, владельцы отпускали их «ни с чем» и говорили: „как де можно сыскать воров“, при отсутствии явных улик. Таким образом, прежний порядок ответственности зайсангов за аймачных калмыков потерял силу при Церен-Дондуке (п. 12). При этом же хане не стало применяться опознание отогнанного табуна посредством обнаружения в улусе одной лошади из целого отогнанного табуна Пойманный с лошадью калмык отговаривался или тем, что нашел лошадь в степи, или отбил ее у воров, или что она—его собственная, или что он купил или сменял ее у русских проезжих людей, „а коего города русской человек, или как ево зовут, скажет: не знает“. В качестве своего свидетеля калмык обыкновенно выставлял или владельца, или зайсанга в полной уверенности, что они выскажутся в его пользу. Действительно, и владелец, и зайсанг всегда подтверждают показания калмыка, так что если он уверял, что нашел спорную лошадь в степи, или отбил ее у воров, то владелец свидетельствовал это, как очевидец, или указывал на своих служителей, как на очевидцев; если калмык говорил, что лошадь его собственная, владелец и зайсанги подтверждали это, заявляя, что „означенную лошадь знали у него в жеребятах“. Истцы уходили ни с чем из улуса, и редко бывало, «чтоб иск платили» калмыки, а если они когда и пла-

тили, то—„не по истцовой сказке, а по своему хотению: сколько хотят, столько и отдадут". Подобным же образом у владельцев творится суд за потраву хлебов и сена калмыками (п. 13). Захваченные на месте преступления калмыки принуждены бывают называть своих соучастников, и русские командиры требуют у владельцев выдачи этих калмыков, но владельцы не удовлетворяют требований русских; они отвечают представителям русской администрации: пойманный калмык—в ваших руках, и вы можете оговорить, кого угодно, можете посредством жестоких пыток вынудить у калмыка такие показания, каким совсем „и верить де не надлежит". Вообще, у владельцев всегда готовы разные отговорки и по этим отговоркам они «пропалого не возвращают», от пойманного же калмыка „отступаются" (п. 14). Потрава сена на луговом берегу Волги и на островах стала составлять теперь заурядное явление; на указания незаконности такого поступка, калмыцкие владельцы прямо отвечают русским: „что де вам до луговой стороны и до островов дела? Луговая сторона наша, а не ваша" (п. 15). На базарах калмыки вступают в крупные ссоры с русскими, часто их грабят, даже убивают и при том „калмыки многие говорят: мы де ныне узнали, как с русскими людьми жить",—им „какие обиды не сделай, или ково до смерти убей, за нами де всегда пропадет". Жалобы, приносимые владельцу на его калмыков, успеха не имели,—владелец или требовал указания определенных лиц, совершивших преступление, или отвечал: „неодного де моего владения торговали". А если истцы указывали на тех калмыков, „которые хвалились об убивстве русских людей", от владельца следовал ответ: „то де хвалились худые люди", этого у них и „слушать не надлежит" (п. 17). Обращение за содействием к Церен-Дондуку бывало бесполезно: если он даже и отправлял своего посланца к тому или другому владельцу с приказанием разобрать дело, владелец ему не повиновался. Сам Церен-Дондук избегал принимать непосредственное участие в судебных делах, он поручал их судьям, те же „волокитою время продолжали, редким пограбленное возвращали, а больше истцов без платежа отпускали" (п. 18).

Таковы, в существенном, наблюдения и замечания Беклемишева по части русско-калмыцких судебных порядков его

времени. В столкновениях между русской и калмыцкой сторонами он склонен считать обиженной больше русскую сторону, изображая дело так, что русские почти совсем не находят у владельцев защиты себе, и что на калмыков нет никакой теперь управы. При Аюке хоть существовала порука зайсангов за аймачных калмыков, почему русские могли питать некоторую надежду на возмещение убытков, причиняемых им калмыками. При Церен-Дондуке не только зайсанги, но и владельцы оказались потворщиками и укрывателями преступников. Беклемишев почти не говорит об обидах калмыков русскими людьми; он бросает лишь общую фразу, что „градские командиры давали им (калмыкам) суд справедливой“ (п. 10; ср. п. 16). Между тем, имеются документальные данные, позволяющие утверждать, что судом „градских командиров“ калмыки не всегда оставались удовлетворенными, они нередко заявляли протесты и указывали не только на отсутствие беспристрастия на этом суде, но отмечали и то, что суд градских командиров проводил исключительно русскую точку зрения на то или другое деяние и не считался с бытовыми особенностями калмыков, почему они и добивались получить от русского правительства такое уложение, где бы, на ряду с охраной интересов тяжущихся сторон, учитывались и особенности калмыцкого кочевнического быта, а равно—и тяжелые экономические условия, в какие попали калмыки после междоусобий 1723 года.

Какие же меры предлагает Беклемишев во второй части своих судебных пунктов для водворения нормальных русско-калмыцких судебных порядков?—Прежде всего, он находит необходимым, чтобы „главный калмыцкий командир“ в летнее время всегда кочевал по левому берегу Волги, вблизи ее. Если будет известно, где приблизительно кочует калмыцкий командир, то „обидимой всякой может к нему ехать и о своей обиде просить“, тогда как, если он „в дальнем расстоянии будет кочевать, то истцом о своих обидах просить весьма будет ехать опасно, к тому ж не всякой и поедет“ (п. 1). Таким образом, Беклемишев мыслит главного командира калмыков, которым с 1735 года стал Дондук-Омбо, тою калмыцкою властью, к какой должны обращаться истцы, минуя владельцев и зайсангов. Очевидно, Беклемишев предполагал, что Дондук-

Омбо сумеет поставить владельцев и зайсангов в прежние рамки подчиненности главному калмыцкому командиру и ответственности за подвластных им калмыков, как это было при хане Аюке. Заявляя калмыцкому командиру о своей обиде, каждый истец обязан был с тем вместе «немедленно в канцелярии извет записать», иначе жалобе его «верить не надлежит», и от промедления иск может пострадать (п. 2). Калмыки, уличенные в отгоне русского скота, а также в воровстве и грабеже, должны платить по стоимости скота, а не голова за голову, как это водилось раньше, и по стоимости покраденной вещи. Стоимость лошадей и вещей определяется «сказкой» потерпевших, а не голосом посторонних людей, тем более не отзывом калмыков, если только сами истцы не пожелают вопрос об оценке «на веру отдать» кому либо (п 3). Поданный в канцелярию иск должен быть обоснован; без обоснований иск не следует принимать. Факт отгона скота и количество последнего удостоверяются путем расспросов соседей и работников-пастухов, „по присяжной должности". При заявлении о краже товара, „надобно справиться с выписью, было ль у него (купца) столько товару. А буде скажет, что и выпись означенные воры взяли, то надлежит справиться с тою таможнею, откуда он (товар) отпущен". Покражу сбруи, одежды и пр. подтверждают свидетели, по указанию истца. Командир записывает в канцелярии показания истца „без прибавки" и после того „те письма с вышеписанным истцом отправляет к тем владельцам, на ком они иски ищут" (п. 4). Виновные в том или ином преступлении разыскиваются по следу: в чей улус он приведет, тот улус и должен отвечать. Если бы след привел к пустому месту, то ответственность падает на улус, который „к следу ближе" (п. 5) Убийца наказывается смертной казнью. Беклемишев находит, что денежный платеж в качестве компенсации за убийство семье убитого, практиковавшийся раньше, на котором калмыки продолжают настаивать и теперь, не должен дозволяться. „Убийцу—самово смертию казнить",—пишет Беклемишев и прибавляет: „а буде ево (убийцу) калмыцкие владельцы не отдадут, и сами смертию не казнят, то бы означенного вора велеть в городах по калмыцким торгам смотреть и приказать ево ловить". Но преступник может не появиться на базаре; в этом случае Беклемишев предлагает прибегнуть к такой мере: „ево (убийцы) аймаку поймать другова калмыче-

нина, кто бы он ни был, и требовать у владельца того вора на размену. А ежели в три месяца означенного вора не поставят, то пойманного калмыченина на калмыцком торгу повесить в том городе, к которому городу их улус ближе будет кочеваться, для того, что они в аймаке кочуются всею своею роднею,—чужих с ними не имеется" (п. 6). Безусловно следует запретить торговлю с калмыками по селам и деревням,—от нее происходят одни только „драки и воровство", унять которые там некому (п. 7). Базарных надзирателей следует назначать указами из губернии, а не от городовых командиров: тогда „они будут смотреть свое дело смелее". Их необходимо снабдить клеймами для прикладыванья к купленным и проданным на базаре лошадям. Разыскиваемая лошадь, оказавшаяся без клейма, бесспорно отдается истцу (п.п. 8 и 9). Владелец улуса, прикочевавшего к городу, обязан присылать от себя на калмыцкий торг судью (даргу) и знатных зайсангов с приказанием, „чтоб калмыки русским никаких обид не чинили, и сенных покосов не травили". Судья взыскивает с виновных калмыков за обиду русских и за потраву у них покосов (п. 10). Русские торговцы, отправляющиеся в орду, входят в соглашение с владельцем того или другого улуса о наряде к ним дарги. Они уплачивают дарге по 5 алтын в день за время деятельности по наблюдению порядка и разрешению споров при торговле. Дарга едет на собственной лошади, но пищевое довольствие получает от торговцев. Какая бы то ни было пропажа, случившаяся у торговцев, взыскивается с улуса, где производилась торговля. Если же пропажа произошла бы при переезде торговцев из одного улуса в другой, то „которой улус ближе, на том и взыскивать" (п. 12). Не следует запрещать калмыкам рыбную ловлю, даже и сетями, в казенных, откупных и оброчных водах летом и зимой; следует также дозволить им рубку леса зимой по обоим берегам Волги вверх и вниз по течению реки на протяжении 20 верст (пп. 13 и 14) В целях предупреждения вооруженных нападений калмыков на русских, „свинцу, и пороху, и железа во всяком деле им, калмыкам, не продавать, и в подарок не давать". Наблюдение за исполнением этого постановления Беклемишев возлагает на базарных надзирателей. „А кто будет в продаже пойман с свинцом и с порохом, то б таких казнить смертью",—проектирует Беклемишев; „а буде кто пойман будет с медью, или с железом, или

кто в подарки отдаст, то таких за первой привод бить кнутом нещадно, а за другой привод бить же кнутом и сослать в каторгу“ (п. 15). Командиры городов обязаны давать справедливый суд калмыкам по жалобам их на русских, и если бы при погоне за русскими ворами, или для определения следа калмыкам понадобилось бы переправиться на правый берег Волги, то их следует перепускать у городов и для погони за ворами давать им в провожатые русского человека. „И ежели воров не угонят, а к кому след придет, и след не отведет, то на них иск и править“ (п. 16). С разрешения владельца, дозволяется летом и зимой оставлять „скудных калмыков“ при городах для пропитания, „только б в летнее время на горах не были“. Если бы кто из таких скудных калмыков вздумал заняться торговлей, то это можно дозволить и даже „с них пошлин не (надо) брать“ (п. 17) Отдача калмыку в долг товара или денег должна происходить с ведома владельца,—он обязан выдавать на то свое письмо с печатью. „И буде оной долг на срок калмыченин не отдаст, то надлежит ловить тово улуса правых и взыскивать (с них) оной долг“. Без наличия владельческого письма кредитор не может „ловить правых“,— ему остается подавать иск на своего должника в суд (п. 18). На базары в казачьих станицах по Волге между Царицыным и Камышенкой необходимо назначать базарными надзирателями дворян, по указам, и иметь там караул из солдат; к купленным и проданным лошадям базарные надзиратели в станицах тоже должны прикладывать клейма (п. 19). Ссоры между калмыками и казаками разбираются в городских судах (п. 20). Продажа калмыками их детей не допустима без писем владельца и зайсанга; при подобной продаже на базаре должен присутствовать дарга п. 23). Русские не имеют права обучать калмыков кузнечному, медному и серебряному ремеслам, даже если бы то были калмыки, выходившие из улусов в русскую сторону для крещения (п. 24). Не имеют права русские продавать и дарить лодки калмыкам, а также провозить калмыков на лодках чрез Волгу „промеж городов“, под угрозой безпощадного избиения кнутом (п. 25). В случае, если бы сами калмыки стали переправляться чрез Волгу „на пустых местах“ между городов, „таковых надлежит причитать за воров, которых всякого звания русским людем велеть на плаву, где ни из‘ехав, бить и ловить“ (п. 26). Одни владельцы могут просить командиров городов о разрешении

переправы чрез Волгу их посланцам по делу; свою мотивированную просьбу владельцы обязаны излагать в письменной форме,—иначе „посланным их, ежели будут на словах говорить, к тому их словесному об‘явлению не (следует) верить“ (п. 27).

Как видим, во второй части своих пунктов Беклемишев до некоторой степени возвращается к русско-калмыцким порядкам времен хана Аюки, но с тем вместе предлагает и новые, вызванные изменением условий калмыцкой жизни, преимущественно падением дисциплины и ухудшением экономического состояния калмыков, почему у них участились грабежи и разбои, сопровождавшиеся иногда убийствами русских людей. Беклемишев — сторонник прежней поголовной ответственности улуса, или аймака, если преступник не обнаружен, и имеются данные считать преступника принадлежащим именно к этому, а не к другому улусу и аймаку. Беклемишев придает полное значение отыскиванию преступников и пропажи по оставленному следу, приводящему истцов к определенному улусу или аймаку. Относя разбор русско-калмыцких тяжебных дел к компетенции суда городских командиров, он обращает внимание на процессуальную сторону тяжбы: требует подачи в суд аргументированных, но не голословных исков, спроса свидетелей под присягой, тщательной проверки сведений о пограбленном у купцов товаре, оценки последнего, как и всяких других уворованных вещей и скота, доверяясь голосу потерпевшего. Прежний порядок возмещения убытков, когда за лошадь платили лошадью без разбора, какова действительная ценность уворованной лошади,—вещь за вещь и пр., Беклемишев отвергает, как порядок несправедливый. Приговор суда посылается к владельцу улуса для исполнения; главный калмыцкий командир, прежде всего осведомляемый истцам и в содержании их претензии, оказывает содействие по выполнению владельцем судебного приговора. В мерах наказания Беклемишев суров: он настаивает на смертной казни убийцы, а при ненахождении его требует казни любого калмыка из того улуса и аймака, откуда происходит убийца; за невыплаченный калмыком долг он рекомендует „хватать“ даже и правых. В качестве предупредительных мер против калмыцкого разбоя и грабежа, он указывает на необходимость запрещения продажи калмыкам свинца, пороха, железа и других металлов, из которых возможно изделие оружия; не дозволяет обучения калмыков работе по металлу;

запрещает продажу и дарение калмыкам лодок, на которых они могут ездить по рекам и учинять нападения на русских путешественников; вводит базарные клейма для лошадей; требует непременного присутствия базарных надзирателей и калмыцких судей при учинении разного рода торговых сделок между русскими и калмыками; особенно он рекомендует усилить надзор на базарах в казачьих станицах, а судебные тяжбы между казаками и калмыками передавать на разбор городских командиров, но не казацкой старшины. Отмечая упадок калмыцкого благосостояния по сравнению с недавним прошлым, когда, напр., потравы хлебов и сена, нападения на рыболовные станы и пр. калмыками почти не производились, Беклемишев считает необходимым предоставить калмыкам некоторые экономические льготы: ловлю рыбы сетями, за отсутствием лодок не угрожающую превратиться в калмыцкий промысел,—рубку леса в определенном районе, поселение «скудных калмыков» возле городов, где они могут найти заработок у хозяев и в казенных предприятиях, мелкую торговлю тех же скудных калмыков с освобождением их от уплаты в казну торговых пошлин. Но при всем том у Беклемишева нет стремления как-либо сблизить калмыцкое и русское понимание юридических основ, установить между ними известное взаимоотношение и изобрести такие формы суда, которыми в равной мере были бы удовлетворены и калмыки и русские. Главным поводом к разногласиям оставался по прежнему вопрос о наказании за убийство. Беклемишев не придавал никакого значения калмыцкому взгляду на достаточность материальной компенсации за это преступление. Не говоря уже о чисто калмыцком суде, к которому в случае нужды могли бы обращаться и русские в тяжбах с калмыками, Беклемишев как будто не признавал необходимости в смешанном русско-калмыцком суде, существовавшем раньше. Он представлял себе единственно правомочным судом для калмыков с русскими суд городских командиров,—суд по русским законам, приговоры которого должны были приводить в исполнение владельцы под контролем и при содействии главного калмыцкого командира. Даргу он допускает на улусных базарах в качестве больше блюстителя порядка, чем настоящего судьи, а на городских и станичных базарах ограничивает его значение присутствием базарного надзирателя, определяемого к этой должности указом из губернии. В свои

судебные пункты Беклемишев включает только приемы калмыцкого розыска и, в известном случае, поголовную ответственность улусных и аймачных калмыков за преступника из их среды.

Судебные пункты не давали того, что нужно было калмыкам, и, соображая это, Беклемишев в докладе от 23 апреля 1736 года высказывал кид мнение, что издание „особливого права“ следует „до времени удержать“, так как калмыцкий народ еще „в твердое состояние не пришол“ после нестроений при хане Церен-Дондуке. Об'явленные права могут оказаться „противными“ калмыкам, вызовут возражения с их стороны и подадут повод к заявлениям новых требований; если последние не будут уважены правительством, то калмыки „озлобятся“. В виду такого рода опасности, Беклемишев предпочитает держать калмыков пока, до некоторого времени, в состоянии ожидания. Как видно, кид приняла в резон соображения Беклемишева, потому что распоряжения о проведении в жизнь судебных пунктов не последовало. Да и сами по себе эти пункты не могли не наводить кид на сомнения. Хотя, по предположению кид, Беклемишев должен был знать «древние обыкновения» калмыков, но, вероятно секретарь кид В. М. Бакунин, гораздо более осведомленный в старинных судебных порядках калмыков, по своей долговременной предшествующей службе в калмыцкой степи в качестве переводчика[12], доложил кид, что пункты Беклемишева отступают от древних калмыцких обыкновений, зарегистрированных в уложении 1640 года, и кид обратила внимание на это. Чтобы не оказаться в ложном положении относительно Дондук-Омбо, которому было обещано прислать «особливое право» на предварительный просмотр, кид решила ознакомиться с подлинным уложением 1640 года чрез посредство, конечно, того же самого Бакунина, в совершенстве владевшего калмыцким языком. 29 июля 1736 года кид предписывает Беклемишеву добыть копию калмыцкого уложения «на простом калмыцком языке», даже с уплатой за это денег, если бы понадобилось. Беклемишеву удалось получить список калмыцкого уложения чрез посредство переводчика Я. Самсонова, которого он командировал 14 августа на поиски в

---

[12] С 1720 года. Свою биографию В. М. Бакунин рассказывает в челобитной об определении его в секретари калмыцких дел, от 12 февраля 1726 года; АкА, д. 1726 года, № 22, лл. 86—88.

улусы ханши Дарма-Балы и владельца Дондук-Даши, дав на необходимые расходы Самсонову 20 рублей. Привезя копию уложения, Самсонов рапортовал, что он достал ее в улусе Дондук-Даши «секретно» при содействии одного знатного зайсанга и дарги Арасланга и уплатил дарге за услугу 10 рублей; кроме этого расхода, пришлось дать 4 рубля Чюрюм-бакши, у которого хранилось уложение, и 1 рубль писарю Унзат-гецюлю за переписку. 89 копеек пошло на угощение Арасланга вином и арбузами. Всего израсходовано 15 рублей 89 копеек. Добытую копию калмыцкого уложения, или, по выражению Беклемишева, «право на калмыцком языке» он препроводил в кид с толмачем коллегии Марком Семеновым 7 октября 1736 года[13].

Итак, в распоряжении кид оказались пункты Беклемишева и список древнего уложения 1640 года. На лицо был и искусный переводчик, В. М. Бакунин Тем не менее, издания „особливого права", ожидаемого калмыками, не последовало, и преемнику Дондук-Омбо, Дондук-Даши, вновь пришлось просить правительство в 1742 году „о сочинении права для разобрания между российским и калмыцким народом судных дел"[14]. Но на основании чего же, по каким законам, имели судиться друг с другом русские и калмыки до издания „особливого права"? На этот счет имеется довольно бессодержательное указание в грамоте Анны Ивановны астраханскому губернатору И. П. Измайлову от 10 февраля 1736 года в п. 6: „Происходящие между россиян и калмык ссоры, до постановления особливого права, разбирать вам и подполковнику Беклемишеву по силе учиненного здесь Дондук-Омбе ответа, и обидимым обоих сторон довольствовать немедленною справедливостью"[15]. Между тем, калмыков волновало именно отсутствие справедливости на суде, и она составляла предмет исканий Дондук-Омбо, который, вместе с калмыцкой массой, мыслил возможность судебной справедливости лишь при наличии „особливого права" для калмыков. Поэтому, грамотой 10 февраля

---

[13] АКА, д. 1736 года, № 75, л. 142 и об. В печати в русском переводе уложение 1640 года впервые появилось в 1776 году. „Едва ли можно сомневаться в том",—пишет *В. Л. Котвич*,—„что Бакунин причастен... к старому русскому переводу монголо-ойратских законов 1640 г."; цит. изд., стр. 1207.

[14] АКА, д. 1750 года, № 219 л. 103.

[15] АКА, д. 1722 года, № 11, л. 165.

1736 года в сущности оставлялся в полной силе прежний, не удовлетворявший калмыков порядок суда.

23 V 24.
14 VI. 27.

2

Поручение В. Н. Татищеву работы по составлению русско-калмыцкого уложения.

(1742—1745 г.г.).

Идея особого калмыцкого судебного права,—как мы видели,—встретила еще в 1736 году правительственную апробацию, но не нашла себе осуществления при хане Дондук-Омбо, возбудившем вопрос об издании такого „особливого права“. Дондук-Даши, преемник Дондук-Омбо по управлению калмыками, в бытность свою при дворе в 1742 году, в июне того же года подает Елизавете Петровне „лист“ с изложением калмыцких нужд по пунктам и в п. 3 просит о предоставлении калмыкам возможности иметь особое уложение. „Понеже“, —пишет Дондук-Даши,—„между россиан и калмык в больших и малых, явных и тайных делах суд и расправа производится не одинаково, но разными образы и по подобию жребия, от чего в. в-ства подданной калмыцкой народ несет великую тягость, и хотя россиане нашего человека явным образом убьют до смерти, то мы в том справедливости получить не можем,—того ради в. в-ство всепокорно прошу для произведения между нами справедливого суда и расправы во всех местах единым, а не разными образы пожаловать—выдать письменное право, а волжских городов командирам в. в-ства указом наикрепчайше подтвердить, дабы оные по тому суд производили без продолжения времени“[16].

Как и подобное представление Дондук-Омбо, просьба Дондук-Даши не встретила принципиального возражения со стороны правительства,—напротив, она, казалось, нашла самый сочувственный отклик себе. 31 августа того же 1742 года

---

[16] АКА, д. 1742 года, № 140, л. 123 об. Ср. *Н. А. Попов*, цит. изд., стр. 312.

в грамоте на имя астраханского губернатора В. Н. Татищева, по поводу изложенного п. 3 „листа“ Дондук-Даши, писалось: „О постановлении для лучшего разобрания между россиан и калмык происходящих ссор особливого права напредь сего и хан Дондук-Омбо писал, и мы оное за весьма потребное признаваем“. Возлагая на Татищева, по его „искусству и по способности тамошней бытности сочинение“ такого права, правительство дает указание, как исполнить задачу: «Надлежит оное право сочинить из наших российских и калмыцких прав, употребя к тому пристойные указы предков наших, имеющиеся о калмыцких делах в астраханской губернии, и древние между калмык же и татар с тамошними нашими пограничными россианы в судах происходимые обыкновения; и для того можете приказать в астраханской губернской канцелярии и с прежними калмыцкими делами бытности при оных Артемья Волынского, которые все имеются в Царицыне у бригадира и тамошнего коменданта Кольцова, справиться и к тому потребное выписать, и от реченного бригадира Кольцова и полковника и саратовского воеводы Беклемишева, яко давно у тех дел обретающихся, забрать их мнения. А при сем, для вашего известия, посылается перевод с их калмыцкого и мунгальского права, постановленного 1640 года, из которого усмотрите: 1-е, что у них за убивство человека положена плата, а смерти нет. 2-е, за кражу, вместо наказания ворам, великая плата ж. 3-е, что ежели кто покраденного скота след приведет в улус, которой того следа в другое место не отведет, то оной платить повинен. А в новом праве для суда калмык с россианы, кажется, надобно постановить: 1-е, о убивстве по нашим правам, из'ясня при том бываемые случаи. 2-е, за краденых с обе стороны лошадей и другой скот написать не малую цену, дабы тем бываемое пред сим калмыцкое обыкновение, что они вместо всякой лошади, которая хотя б и великой цены была, платили лошадь за лошадь и такими, которые меньше дву рублев стоили. Сверх того, весьма надобно включить, дабы и ворам за отгон и за кражу чинить жестокое наказание. А 3-й пункт оставить в вышеизображенной силе, токмо оной гораздо из'яснить». Татищев, по составлении калмыцкого уложения, должен был представить его в кид, до тех же пор, пока оно не будет составлено, губернатор, по сношению с калмыцким наместником, должен был «немедленно сочинить» и разослать во все города астраханской

губернии особые пункты в качестве руководства комендантам городов при производстве суда между русскими и калмыками, „дабы во всех местах производим был равной и не пременной суд", за чем „для облегчения" Татищева имел наблюдать бригадир Кольцов. „А каковы те пункты сочинены и в городы разосланы будут, со оных для известия прислать сюда, в кид, копию»,—требовала грамота от Татищева[17]. Об аппробации просьбы относительно калмыцкого уложения Дондук-Даши извещался особой грамотой, где упоминалось и о распоряжениях, данных Татищеву по части составления уложения и судебных пунктов временного характера[18].

Таким образом, по планам правительства калмыцкому уложению должна была предшествовать работа по сочинению временных судебных правил, имевших целью удовлетворить ближайшие запросы калмыков и внести однообразие в русско-калмыцкую судебную практику, на отсутствие которой жаловался калмыцкий наместник, сравнивавший наличное судопроизводство с метанием слепого жребия. На Татищева возлагались две серьезные задачи, но они не встречали сочувствия с его стороны, так как, подобно Беклемишеву, он был приверженцем идеи чисто русского суда для калмыков и не был склонен принимать во внимание их бытовые особенности. Он считал лишней даже национальную ханскую власть у калмыков, проектируя замену ее русской властью. Поэтому, Татищев не исполнил ни той, ни другой порученной ему задачи, а между тем отсутствие хотя бы временных судебных правил влекло за собой крупные недоразумения между русскими и калмыками и вызывало калмыцкого наместника на резкие выпады против астраханского губернатора. В 1742 году произошло несколько случаев убийства калмыков русскими. Татищев присудил виновных не к смертной казни, а к вырыванию ноздрей и ссылке в селитряную работу. Наместник требовал денежной компенсации за убитых калмыков. В 1743 году шестеро русских убили трех калмыков на сенокосе. После троекратного розыска, Татищев опять определил преступникам рванье ноздрей и ссылку в селитряные работы. Извещая наместника о судебном реше-

---

[17] Там же, лл. 119 об.—120 об. Сокращенно у *Н. А. Попова*, цит. изд., стр. 314—315.

[18] АКА, д. 1742 года, № 140, л. 127 об.

нии, губернатор писал, что следовало бы назначить виновным более легкое наказание, но он не остановился пред суровым „для удовольствия“ наместника. Напротив, последний находил, что, по русским даже законам, убийц следовало наказать строже. Ссылаясь на судебные порядки времен Петра I и Аюки, наместник в письме от 16 октября ставил на вид Татищеву, что его решение не соответствует прежней практике и не согласно с действующими русскими законами: „Как при жизни г—ря им—ра Петра В. и нашего хана даже и до днесь суд происходил, оное вы не против того решили, и чтоб такие дела особливо как решить, такого указу не имеется, и оным вашим судом я недоволен“[19]. Татищев ответил, что решить дело по калмыцким законам и присудить убийц к денежному штрафу он не мог, но его постановление „учинено точно, как по суду надлежит“. 12 ноября наместник пишет губернатору, что причиной недовольства губернаторским решением служит не то, что убийцы судились не по калмыцким законам: „чтоб то дело по калмыцким правам решить, я вам не представлял“, говорит наместник; странно то, „как тех трех человек убийц, всех шестерых содержа и про то ведая, по вашим правам не умертвили?! Или—так, как при г—ре им—ре Петре В. и даже до сего времени между россиан с калмыками суд происходил“, судили бы. „И того не учиня, но токмо бив и вырвав ноздри, определили их в работу: тем подлинно я недоволен, о чем и ныне об‘являю то ж“[20]. Надо сказать, что с восшествием на престол Елизаветы Петровны смертная казнь стала применяться на судах реже и реже. Новые веяния были известны Татищеву, и еще до издания указа от 7 мая 1744 года—присылать экстракты из судебных дел с смертными приговорами и не приводить в исполнение эти приговоры впредь до особых распоряжений сената, астраханский губернатор находил возможным иногда смягчать суровые судебные приговоры. В 1744 году русские убили четырех калмыков, ехавших к наместнику с медведем. Наместник пред‘явил иск за убитых калмыков, а Татищев, разбирая дело, потребовал от наместника присылки калмыков—свидетелей преступления. В ответ на это требование Татищев получает 10 мая следующее письмо от наместника:

---

[19] АКА, д. 1743 года, № 163, л. 305 об.
[20] Там же, л. 395.

„В убивстве четырех человек русскими людьми едущих с моим медведем чтоб для доказательства к суду прислать их товарищей,—на оное вам ответствую: хотя мне тех людей к вам и послать можно, однако вы и прежде сего явных убийц дело не так решили, как при г—ре им—ре Петре В. происходило, ибо вы показанных убийц только, бив кнутом и вырезав ноздри, отдали в работу. Того ради мои калмыки мне представляют, что хотя де наши люди к доказательству и пошлются, токмо никакой им в том пользы не будет, что и я за истину быть признаваю“[21] Наместник не видит никакой пользы калмыкам от того, что губернатор бьет кнутом, рвет ноздри и ссылает в работы убийц. Калмыкам гораздо интереснее материальное возмещение за убитых, поэтому наместник соглашается с своими калмыками относительно бесполезности посылки на суд свидетелей, которые от того не могут рассчитывать на приобретение каких-либо реальных выгод себе. В письме Татищева от 5 ноября 1744 года к наместнику мы имеем аргументированное об'яснение астраханского губернатора по поводу невозможности исполнить требования наместника о денежном взыскании с убийц: „А что ж изволите упоминать—за смертное б убивство производить плату, оного по российским правам чинить не можно, ибо как и впредь у меня к вам писано, и ныне указами подтверждается, за убивство человека велено смертию казнить, и о приличившихся в смертном убивстве, чтоб им того миновать, и рассуждать не надлежит. Да[22] плата денег за смертное убивство—против всякого благорассудного закона и справедливости, которого основание в том состоит: кто кого чем обидел, должен равномерно сам то ж претерпеть, или и тягчае, как и ваши законы негде то утверждают; например, кто у кого что украдет, или повредит, положено вдвое платить. И тако мню, что сами изволите признать, что за живот человека никакой цены положить не можно, да и опасно, ибо богатой, надеяся на деньги, может легко на то дерзнуть, что хотя и обличат, заплатить чем имеет“[23]. В приведенном письме интересно отсутствие указания на приостановку исполнения смертных приговоров,—напротив, Татищев говорит о подтверждении прежних законов о смертной казни и даже доказывает их ра-

---

[21] АКА, д. 1744 года, № 170, л. 52.
[22] Отсюда и до конца черновик письма написан рукой Татищева.
[23] АКА, д. 1744 года, № 166, л. 257.

циональность; это он делает едва ли не с целью припугнуть наместника, а с другой стороны—представить себя более гуманным судьей, чем того требовала бы строгость законов. Но калмыкам было известно о приостановке смертных приговоров, и 31 декабря Татищеву пришлось вести разговор с наместниковым зайсангом Бордоном, чем целесообразнее было бы карать преступления в калмыцкой среде. Мысль Татищева склоняется к осуждению убийц-калмыков к принудительным работам: „Лучше б таковых присылать в Астрахань, которым можно сыскать удобное место, где могут работать, и в пропитании нужды им не будет“. Теперь, по словам Бордона, „наместник приличившимся в воровствах калмыком приказывает руки рубить, с которыми в улусех так и чинится, ибо по калмыцким законам“,—указывал Бордон,—„смертию казнить человека не можно, а производится плата“. По мнению Татищева, „ежели за смертное убивство только руки рубить, или платеж брать станут, то никак от воровства калмык воздержать нельзя, ибо каждой богатой, надеяся на деньги, может то легко чинить“. Предлагая свою меру взыскания за убийство, Татищев однако оговаривается: „оное состоит в воле его, наместника“, и он может поступать с преступниками в калмыцкой среде, как заблагорассудит[24]. Но другое дело, если здесь будет заинтересована русская сторона,—тогда калмыки должны подчиняться приговорам русского суда, хотя бы эти приговоры не отвечали взглядам владельцев и Дондук-Даши.

Разговор Татищева с Бордоном происходил в пору совершенно определившегося разлада в отношениях Татищева и калмыцкого наместника. Словами Бордона, что наместник находится в некотором недоумении, как поступать с преступными калмыками, ясно подчеркивалась нужда в калмыцком судебном уложении. Но если для Татищева не было возможности заняться уложением раньше, то поздно было приниматься за него теперь, когда уже протекло больше двух лет со времени получения грамоты от 31 августа 1742 года. За этот срок Татищев мог бы, если бы захотел, составить и уложение, и судебные пункты, но он предпочитал делать только вид, что занимается исполнением данных ему поручений, и тянул время.

---

[24] Там же, в „Журнале разговорам разным, содержащемся по иностранной экспедиции“, лл. 56 об.—57.

Из ближайших сотрудников по управлению калмыцкими делами Татищев заметно выделял вниманием поручика Сергея Неклюдова, исполнявшего секретарские обязанности еще в калмыцкой комиссии 1741 года, куда был назначен, по представлению Татищева от 3 августа того же 1741 года[25]. Видимо Неклюдова интересовали кочующие племена в низовьях Волги; 10 декабря 1741 года он обращается с представлением в астраханскую губ. канцелярию о присылке копий с договоров, на каких принимались в степи астраханского края калмыки, а также—сведений о землях и водах, принадлежавших татарам[26]. Указом кид от 4 декабря 1742 года Неклюдов, по представлению Татищева, был освобожден от секретарской должности по калмыцким делам и исключительно приставлен «к сочинению для лучшего разобрания между россиан и калмык происходящих ссор особливого права». Но указ кид застал Неклюдова тяжко больным; тем не менее, Татищев 28 декабря отдает следующий приказ: «Хотя поручик Неклюдов с сентября месяца находится болен, и за тем в сочинении калмыцкого права на него обстоятельно положиться не можно, однако, по силе ее и. в-ства указу, для сочинения оного права присланную при указе из кид октября 11 дня с переводу мунгальского и калмыцкого народов копию отдать ему, Неклюдову; и при том ему, Неклюдову, об'явить, чтоб он принадлежащие к сочинению оного справки собирал, и куда надлежит о посылке указов докладывал[27]». Не сообщая в кид о болезненном состоянии Неклюдова и не представляя о необходимости дать ему заместителя, Татищев, по букве указа, передает трудное и серьезное дело составления калмыцкого уложения заведомо больному человеку. Конечно, дело не двигается: Неклюдов не изучает текста законов 1640 года, не собирает необходимых справок. Проходит большая половина 1743 года. Наместник заявляет Татищеву, что, вследствие отсутствия уложения, в производстве судебных дел о калмыках происходит задержка, и что виноват в этом он, Татищев, так как «для калмыцкого суда он уложения не сочиняет». Татищев оправдывается тем, что сам наместник не присылает нужных губернатору справок, у него

---

[25] АКА, д. 1741 года, № 123, л. 2.

[26] АКА, д. 1741 года, № 119, л. 1031.

[27] АКА, д. 1742 года, № 148, л. 305 и об. В деле 1742 года № 140, на л. 119 об. имеется пометка об отсылке перевода мунгальского права к Неклюдову 12 января 1743 года.

же, губернатора, дело идет своим порядком. В письме от 27 сентября 1743 года Татищев дает Н. Г. Спицыну, с 14 июня назначенному состоять при калмыцких делах, такого рода указания на счет ответов наместнику в случае, если бы тот в разговоре с Спицыным стал упрекать губернатора в уклонении от составления калмыцкого уложения: «Понеже де в бытность ево, наместникову, в Астрахани о том ему об‘явлено, что уложенье сочиняется, и российские законы, к тому приличные, також какие в прошлых годах между россиан и калмык дела были и чем решены, собираются; точию ево, наместника, спрашивано было: уложенные калмыцкие пункты в той ли силе, каковы есть, состоят, или в чем премена есть,—на что он сказал, яко бы из того уложенья многие пункты отменены, а вместо того другие обстоятельства имеются, и обещал о всем к нему сообщить, но по тому ево обещанию и, особливо, по письмам, какие пункты отменены и вновь узаконены, по-ныне от него, наместника, не получено; и за тем де во окончании уложения остановка учинилась[28]». Из дальнейшего яснее можно будет видеть, насколько соответствовали действительности заявления Татищева о продолжающемся ходе работ по составлению калмыцкого уложения и выставляемая здесь как бы озабоченность губернатора скорейшим завершением этих работ. Но, с другой стороны, нельзя не удивляться и тому, что калмыцкий наместник отказывал Татищеву в доставлении просимых сведений. Упрекнуть наместника в неспособности, напр., произвести оценку пунктов уложения 1640 года нельзя, так как известно, что с ними наместник Дондук-Даши считался, когда составлял, спустя несколько лет после Татищева, свои законы, сохранившиеся и до настоящего времени. Между тем, от 21 октября 1743 года, вместо подробного ответа на запросы Татищева, наместник ограничился следующими строками в письме к губернатору: „Требуете вы, чтоб уложенье и по чему у нас суд происходит, написав, к вам прислать. А понеже мы судим по нижеследующему: ежели что явное, то по тому тако и решим; а буде же что не явное, то—смотря по свидетельству: ежели хороший свидетель, то—по его словам, а буде же не знатной свидетель, то, смотря по делу, решим присягами“. Наместник говорит здесь не о статьях уложения 1640 года и не о силе их в современной судебной калмыцкой практике, но о порядке

[28] АКА, д. 1743 года, № 156, л, 240 и об.

следствия на суде путем опроса свидетелей и истцов, указывая, что одним из них судьи верят на слово, а от других требуют присяги. Такими сведениями не исчерпывался запрос Татищева. Кроме того, Татищев просил наместника прислать полный текст уложения 1640 года и в том же письме получил такой ответ на свою просьбу: „Полное наше уложенье во время междоусобия нашего утрачено. Однакож, оставшееся от него буду отыскивать, а как отыщу, впредь до вас пришлю, точию полного сыскать невозможно. А понеже того уложенья половина имелась у ассесора Василья Бакунина, которого и у нас сыскать не уповаю[29]". Говоря об утрате полного калмыцкого уложения, Дондук-Даши, очевидно, разумел экземпляр, написанный на белой камке и хранившийся при ставке калмыцкого хана в кибитке, где собирался калмыцкий суд—зарго. В имеющихся теперь списках старинного калмыцкого уложения наблюдается то различие, что одни из них, вместе с законами 1640 года, содержат один первый указ джунгарского правителя Галдан-бошохту (1677—1697 г.г.), в других же имеется еще второй указ того-же Галдана, к всему этому юридическому материалу приложены и законы калмыцкого хана Дондук-Даши, составленные уже после того времени, к которому относится наш рассказ. Татищев, в бытность свою в оренбургском крае (1737—1739 г.г.), в феврале 1739 года выслал «Уложение калмыцкое с переводом» в академию наук[30]. Одна запись, уцелевшая в документах калмыцкого архива, позволяет предполагать, что это был экземпляр, препровожденный Татищеву из Царицына полковником Кольцовым 7 января 1739 года в ответ на ордер Татищева, которым тот требовал присылки, кроме уложения, еще и „калмыцкой гистории"[31]. Судьба этого экземпляра, по словам В. Л. Котвича, неизвестна[32], так что не приходится говорить и о его составе. Неизвестен и состав экземпляра, присланного Татищеву из кид. Но, во всяком случае, полный экземпляр уложения, который он просил у наместника, не мог дать больше двух указов Галдана, почти безразличных для прямой цели. Между тем, это несущественное обстоятельство Татищев склонен

[29] АКА, д. 1743 года, № 163, лл. 378 об. и 390.

[30] *В. Л. Котвич*, цит. изд., стр. 795—797.

[31] АКА, д. 1739 года, № 102, л. 2115 об. В присылке „калмыцкой гистории" Кольцову пришлось отказать; „за откочеванием ныне хана с улусы за Куму реку, калмыцкой гистории достать невозможно",—писал он Татищеву, но все же обнадеживал его, что „впредь к достатку той гистории старание будет".

[32] *В. Л. Котвич*, цит. изд., стр. 796, примеч. 2.

выставлять одной из причин, тормозящих работу. По жалобам наместника, КИД неоднократно напоминала Татищеву о необходимости поторопиться с составлением калмыцкого уложения, но Татищев мало внимал этим напоминаниям. На грамоту от 14 января 1744 года, где, между прочим, говорилось: „О сочинении для суда и расправы между россиан и калмык особливого права неоднократно указы наши к вам отправлены, и о скором оного окончании и сим вам подтверждается"[33],—Татищев хладнокровно отписывался 3 февраля: „Сочинение калмыцкого права более медлится за тем, что от наместника потребного к тому, каким порядком между ими при Аюке хане суд бывал, известия, которого обещал сообщить, не прислано; и по жалобам калмыцким, суд и расправа чинится без малейшего продолжения, и ныне ни одного дела не решенного не имеется"[34].

31 декабря 1744 года, как бы подводя общие итоги деятельности по калмыцкой комиссии, Татищев останавливается и на калмыцком уложении и, об'ясняя причины, почему оно до сих пор не приготовлено, пишет по этому поводу особое письмо к наместнику. Интересно познакомиться с редактурой этого письма. Татищев, как видно по черновому экземпляру письма, хотел выставить в качестве главной причины недоставление наместником необходимых материалов, о которых просил его, и написал: „требовал от вас к тому приличных законов, но от вас и по-ныне не получено". Но потом Татищев зачеркнул эту фразу и написал так: „О составлении уложения—сие дело важности не малой, и надлежит с довольным рассуждением сочинять, а я отягощен другими многими делами, и к тому же ныне нахожусь болен, и за тем делается не скоро. И для того приказал я во оном прилежать и по калмыцким делам исполнять ассесору Федору Черкесову". Дальше зачеркнуты характерные строки: „Того ради благоволите, если что к тому праву—примеры какие—в собрании есть, приказать прислать, дабы остановки не было"[35]. Соображая, что на требования „приличных законов" и каких-либо судебных „примеров" нельзя будет получить в ответ больше того, что сказано в письме наместника от 21 октября 1743 года, и что такого рода тре-

---

[33] АКА, д. 1744 года, № 168, л. 37.
[34] Там же, л. 232 об.
[35] Там же, л. 292.

бования привели бы калмыцкого наместника в еще большее раздражение, Татищев выставляет причиной медленности сочинения калмыцкого уложения обремененность занятиями по управлению губернией, а затем—тяжкую свою болезнь. Действительно, астраханская губерния, с ее большим, но не устроенным хозяйством, с множеством национальных групп, имевших каждая свои интересы, дипломатические сношения с Кавказом, Персией, Хивой и Бухарой, возложенные на Татищева, требовали от старика чрезмерной затраты сил и энергии. С большим неудовольствием принимал он назначение на должность астраханского губернатора и причины своего неудовольствия изложил в письме к А. И. Остерману от 27 декабря 1741 года[36]. Состояние здоровья было плохое,—Татищев не расставался с докторами и лекарствами. В болезненном состоянии он писал и вышеприведенное письмо к наместнику, а на другой день, 1 января 1745 года, „видя себя в болезни продолжительно, что уже от великой слабости правою рукою подписывать не может, а по нынешним обстоятельствам калмыцкие дела правлением времени терпеть не могут, и за тем в течении их не последовало б упущения, а паче вреда“, временно сдал должность ассесору Черкесову и ему же вменил в обязанность „калмыцкое право сочинять, ибо наместник ханства калмыцкого Дондук-Даши и по-ныне о скором совершении просит“[37].

Черкесов недолго позанимался сочинением калмыцкого уложения. 28 февраля 1745 года он докладывал Татищеву: „велено мне было для калмык сочинить уложение, которое мною и начато было. Но ныне, за отлучкою моею, как начатое уложение, так и указ кид, отданы мною переводчику Колышкину“[38]. Итак, из слов Черкесова видно, что только он положил начало составлению калмыцкого уложения: ни Неклюдов, ни другие возможные сотрудники Татищева не оставили никаких следов своей работы, и ясно, что до 1745 года дело „лежало под сукном“. Это хорошо было известно наместнику, и вот что он отвечает 21 января 1745 года Татищеву на его письмо от 31

---

[36] Письмо издано мною в статье: „К астраханскому периоду жизни В. Н. Татищева“ в „Известиях Рос. Академии Наук“ за 1925 год, стр. 204—206.

[37] АКА, д. 1745 года, № 171, л. 2. Под этим приказом Татищев подписался какими то каракулями.

[38] Там же, л. 160.

декабря 1744 года: „Что по указу ее и. в-ства велено вам калмыцкое право сочинять, изволите об'являть, что обязаны многими делами, к тому ж находитесь в болезни, и от того продолжается. И хотя сие ваше об'явление, что многими делами утруждены, и правда, токмо, провидя между подданных ее и. в-ства калмык и россиан такого несостояния справедливость, как костьми бросать, и на чем вскроется, по тому и справедливость происходит, я уповаю, что во учинении оного права будете прилежать, и по указу немедленно учините... Также показываете в сочинении между россиан и калмык права себя больным,—а понеже к сочинению оного, как прислан указ, тому уже минуло три года, а вы, как заболели, и трех недель еще не прошло,—прошу на сие меня уведомить"[39]. Трудно было опровергнуть замечание наместника, что на русско-калмыцком суде господствует произвол, и нет справедливости, так как, за отсутствием точных и определенных законов суда между русскими и калмыками, по однородным делам нередко полагались различные решения. Как при игре в кости, когда метанием их один раз вскрываются одни цифры, в другой раз—другие, выигрыш зависит от счастья игрока, так и в судебных приговорах дело решала слепая случайность, но не управляла им сила твердого закона. Фактическое положение вещей было именно таково, каким изображал его наместник: одно и то же дело один воевода судил так, другой иначе. Татищев, не имея в виду воевод по городам астраханской губернии, на несогласованность решений которых указывал наместник, мог сказать в ответ только о себе: „я всякие дела по правам государственным сужу, а не так, как вы изволите толковать, яко бы по бросанию костей, на чем вскроется"[40]. Но если даже Татищев судил калмыков «по правам государственным», т. е. по русским законам, то наместник имел право ожидать от губернатора суда по калмыцкому уложению, а его то и не давал Татищев калмыкам. Он говорил наместнику: «О правах вам об'являю,—хотя я их сочиняю, но тщетно законы писать, ежели их не хранить, как и ныне по многим делам требуют от вас, калмык, а вы не присылаете»[41]. В этих словах заключался упрек на-

---

[39] Там же, лл. 6 и 62.

[40] *Н. А. Попов*, цит. изд., стр. 351.

[41] Там же, стр. 350—351.

местнику и калмыкам, что они не могли сберечь своих старых законов и поэтому не представляют справок, какпе требует от них губернатор для сочинения уложения. Татищев даже дает намек обидного свойства, что и к новому уложению калмыки отнесутся с небрежностью, -потеряют его так же, как потеряли старое уложение, почему, пожалуй, и вообще для калмыков „тщетно законы писать",—труд составления уложения пропадет даром...

После этого прошло несколько месяцев в обоюдном молчании главы калмыцкого народа и представителя русской власти в астраханском крае. Наконец, наместник не выдержал и заставил Татищева заговорить, снова подняв вопрос о калмыцком уложении. Но он стал действовать не лично, а чрез посредство Спицына. 16 мая 1745 года Спицын докладывает губернатору, что наместник ему, Спицыну, „выговаривал" по поводу уложения, которое де „и до ныне, по многим ево требованиям, получить не может, и намерен представлять о том гкид, ибо де без уложения ежели производить суд по правам российским, то калмыки недовольны быть могут, а ежели по правам калмыцким, то россианом весьма обидно будет, и на меня де от того немалые нарекания произойдут"[42]. От 22 мая Татищев отвечает: „О сочинении калмыкам закона думает наместник, что сие—дело легкое. А по их обычаю, подлинно не трудно: что они сегодня сделав и утвердя, завтра переменяют. Но по важности сего дела, не малого рассуждения потребно, ибо все оное должно с законом естественным согласовать, а не на обычаях утверждаться, которые по местам и временам пременяемы, а естественное основание—не пременно. И для того, спешить опасно. К тому ж потребно примеры, какой в суде у калмык порядок бывал, ибо наш военный процесс и форма суда, чаю, с их несогласны, о чем я наместника прежде просил, токмо ничего не получил". Далее Татищев жалуется на свою «продолжительную и тяжкую» болезнь и упоминает о «тягости» возложенных на него „многих нужнейших дел": и болезнь, и дела „много о сем трудиться не допущают. Однако ж",—свидетельствует губернатор,—„многое сочинено, и когда которая часть ко окончанию придет, тогда призову вас и от наместника поверенных для рассуждения, дабы, не положа с ними на

---

[42] АКА, д 1745 года, № 175, л. 109.

мере, ко аппробации не посылать“[43]. Татищев как то невольно подкупает в свою пользу этим письмом и, в особенности, последними строками его; создается впечатление, что он действительно взялся за составление калмыцкого уложения и дал этому серьезную научную постановку, на которую был способен, по уму и образованности.

Спицын передал слова губернатора калмыцкому наместнику, и тот выразил желание познакомиться хотя бы с одной частью уложения по окончании ее обработки. „Наместник, рассуждая, говорил“,—пишет Татищеву Спицын от 2 июня,—„что которая часть того уложения ко окончанию приведена будет, ту б прислать к нему для аппробации со мною, и что надлежать будет до исправления, о том писать в. вп—ству, и как оное уже во всем аппробуется, то б он, наместник, подписал своеручно и послал для лучшего рассмотрения в гкид; однако, просил, чтоб оное не умедля сочинилось“[44]. Татищев оказался в довольно затруднительном положении,—дело начало принимать нежелательный для губернатора оборот. Чрез две недели, 17 июня он решил написать к наместнику письмо такого содержания: „Изволили в. вп—ние требовать, чтоб сочиняющегося для калмык уложения которая часть во окончание приведена будет, оную б, для аппробации прислать к вам. Ныне же оного несколько сделано, и я рассудил за полезно, чтоб сие при поверенных ваших прежде здесь освидетельствовать, при чем иногда что и переменить усмотрено будет, а потом для утверждения к в. вп—нию послать. Того ради прошу для оного ко мне не умедля прислать при Бордоне к такому делу людей способных, трех или четырех человек зайсангов“[45]. Того же 17 июня губернатор посылает шифрованное письмо Спицыну с об‘яснением причины, почему избран такой способ действия: „Хотя“,—пишет Татищев,—„наместник Дондук-Даши прилежно просил, чтоб для калмыцкого народа уложенье сочиненьем не медлить, но я довольно разумею, что то ныне об‘являть вредно, ибо опасно, чтоб он, взяв из оных несогласное с их законами, может к великому огорчению народа растолковать и калмык к беспокойству привесть. Особливо же рассудя, что чрез сие

---

[43] АКА, д. 1745 года, № 173, л. 58 и об.
[44] АКА, д. 1745 года, № 175, л. 189.
[45] АКА, д. 1745 года, № 174, л. 311 об.

ближе его намерение познать и зайсангов сюда заманить, писал я ныне к нему, наместнику, чтоб для рассмотрения сделанного того уложения некоторой части прислал ко мне при Бордоне поверенных своих зайсангов—человек трех, или четырех... А как у меня явятся, то уже из рук не вырвутся"[46]. Татищев находил опасным об'являть уложение в момент, когда циркулировали упорные слухи о подготовке калмыцкого наместника к уходу в Персию, или на Кубань, или еще куда то. Следуя в своей работе над калмыцким правом тенденции ограничения роли бытовых особенностей калмыков и старых их судебных порядков,[47] Татищев заранее знал, что наместник воспользуется новым уложением, как лишним поводом вызвать в калмыках недовольство русским правительством и тем удобнее поднять народ к решительному шагу. Надо было теперь же с точностью определить действительное настроение Дондук-Даши, и Татищев хочет сделать это посредством искусных расспросов зайсангов. Если бы от них удалось получить нужные сведения, то в дальнейшем задача губернатора облегчалась: ему не составило бы особенного труда свалить наместника, а после того навязать калмыкам русские судебные порядки[48]. Однако, Татищеву не удалось перехитрить наместника. В ответ на письмо губернатора, Дондук-Даши поручил Спицыну довести до сведения Татищева, что он, калмыцкий наместник, не может принять предложения о присылке зайсангов в Астрахань, так как это явилось бы нарушением указа, по которому наместник сам должен, совместно с губернатором, рассмотреть и обсудить проект уложения. «А как ныне он, наместник, от Астрахани не весьма в близости»,—докладывал Татищеву Спицын,—«то требует, чтоб та сделанная часть прислана была сюда на мои руки, и что надлежать будет до поправления, о том к в. ви—ству писать будет»[49]. Татищев получил доклад Спицына 24 июня и того же числа, как бы желая подчеркнуть отсутствие каких либо задних мыслей и показать особенную предупредительность, напи-

---

[46] АКА, д. 1745 года, № 173, л. 106 и об.

[47] Как догадывается и *А. А. Лебединский* в статье: „К истории калмыцкого права в 40-х годах 18-го столетия", в ж. „Ойратские Известия" за 1922 год, №№ 3—4, стр. 81.

[48] Татищев вообще держался взгляда, что единственное средство ввести калмыков в русло нормальной государственной жизни: „у хана власть отняв, более вверить губернатору",—так он писал барону Ив. Черкасову в начале 1745 года. *С. М. Соловьев*,—цит. изд., кн. 5., т. 22, стлб. 322.

[49] АКА, д. 1745 года, № 175, л. 355.

сал наместнику: „Часть сочиненного права, рассмотря довольно, для показания вам к подполковнику Спицыну пришлю“[50]. Татищев тем охотнее давал обещание наместнику, что ждал себе скорого освобождения от губернаторской должности; поэтому, его в сущности ни к чему не обязывало обещание, данное наместнику. Не увидев калмыцкого уложения, наместник остался при глубоком убеждении, что оно совсем не составлялось, и в сентябре 1746 года высказал это в письме к Спицыну: «Татищев, за своими непристойными делами, (так уложения и) не сочинил»[51]. На самом деле, занимался ли серьезно Татищев калмыцким уложением хотя бы в последний год службы в Астрахани? Составил ли он ту часть уложения, о которой писал Спицыну и наместнику Дондук-Даши?—Для ответа на эти вопросы, в качестве материала, могут служить сведения, представленные в кид преемником Татищева по губернаторской должности в Астрахани, И. О. Брылкиным. В указе кид на его имя от 24 декабря 1746 года, где изложена в коротких словах история вопроса об особливом праве для калмыков, высказывается как бы пожелание, что „ежели б оное право вами (Брылкиным) немедленно было сочинено, то б между россиан и калмык удобнее было справедливость чинить“, и тут же делается догадка, что среди калмыцких дел, подлежащих теперь ведению Брылкина, «и тому, т. е. Татищевым сочиняемому праву», которое он не окончил, «быть надлежит». Поэтому, Брылкин должен был отыскать это право, рассмотреть его и поправить, но о своей работе „наместнику ханства не объявлять, а впредь во время требований его чинить ему пристойные отговорки и снимать на доношения сюда“[52]. На этот указ Брылкин 2 февраля 1747 года отвечает кид, что, по справкам, среди калмыцких дел имеется копия перевода калмыцкого и мунгальского права, присланная Татищеву, „но сочинения его, губернатора, того права не имеется, токмо находятся при том к сочинению того права некоторые статьи, из уложения и указов выписанные, и то—малое число; и к тому многих еще справок не достает, и из прежних калмыцких дел приличные к тому выправки учинить должно, что все требует особливого прилежания“. Указывая далее на недостаточность штата „при-

[50] АКА, д. 1745 года, № 173, л. 117; д. № 174, л. 320 об.
[51] АКА, д. 1746 года, № 194, л. 315 об.
[52] АКА, д. 1746 года, № 195, лл. 48—49.

казных служителей" при канцелярии и на обострение в Астрахани своей болезни, но, тем не менее, обещая „к тому сочинению всеусердное прилежание употребить", Брылкин просит кид: «ежели сие дело скоро окончено не будет, чтоб в нерадение причтено не было» ему это[53]. Таким образом, по осмотру Брылкпна, среди калмыцких дел после Татищева остались только незначительные материалы для калмыцкого уложения, нуждающиеся в пополнении и обработке в течение продолжительного времени. О какой-либо законченной Татищевым части уложения Брылкин ничего не упоминает. Остается предположить одно из двух: или Татищев в письмах к Спицыну и Дондук-Даши давал совершенно не верные сведения, или если он говорил правду, то свою работу не захотел оставить в Астрахани и увез ее или в Москву, где у Татищева был дом, или в подмосковное сельцо Болдино, где и умер 15 июля 1750 года.

17.VIII. 24

15. VI 27.

3

Положение вопроса об особом калмыцком праве за время с 1745 года по 1772 год.

Промеморией от 4 декабря 1745 года кид, на основании имевшихся у нее сведений, сообщала по одному делу в военную коллегию, что «с 1741 года от бывшего между Дондук-Омбиною ханшею Джаном и другими калмыцкими владельцы бою убогих калмык весьма умножилось, и ныне таковых калмык, которые лошадей и другого скота не имеют, более 10 тысячь кибиток есть"[54]. Но надо сказать, что «убогие», или, как иначе их тогда называли, «скудные» и «бесскотные» калмыки появились раньше 1741 года. По документальным данным, междоусобие 1723 года выбросило из общей калмыцкой массы приблизительно 2 тысячи кибиток калмыцкой бедноты, принужденной искать пропитания себе ловлей рыбы[55]. Затем, численность калмыцкой бедноты увеличили смуты 1721 года: тогда значительная группа калмыков ушла с владельцем Дондук-Омбо на Кубань и в течение четырех лет пребывания там

[53] Там же, л. 50 и об.
[54] АКА, д. 1745 года, № 173, л. 387.
[55] АКА, д. 1723—1725 годов, № 14, л. 298.

испытывала такие лишения, что, по словам донского войскового старшины Данилы Ефремова в записке, поданной им в кид 6 января 1735 года, более состоятельные калмыки ели свой скот, «не проча (его) впредь», а «убогие» продавали кубанцам своих детей, чтобы на вырученные деньги купить проса и питаться им[56]. После междоусобий 1741 года кадр калмыцкой бедноты превысил 10 тысяч кибиток. Если доверять подсчету самих калмыков, то всех их в 1744 году не насчитывалось и 30 тысяч кибиток [57]; таким образом, беднота составляла тогда более трети калмыцкого населения.

Ухудшение экономического состояния калмыков сопровождалось увеличением среди них явлений преступности: воровства, грабежей, разбоев и убийств, нуждавшихся в пресечении. Обеднение скотом заставляло калмыков итти в наймы к русским рыбопромышленникам, и это потребовало мер к защите калмыцкого труда на промыслах, где в 1742 году работало 6400 калмыцких кибиток—семейств[58]. Наконец, калмыкам приходилось вступать в денежные обязательства, и здесь понадобились меры предохранения степняков от алчности кредиторов—армян, татар и русских. Старые законы 1640 года не могли быть полезны в данных случаях. Вообще скоро отставшие от жизни, как справедливо замечает Г. Е. Грумм-Гржимайло[59], они оказались совершенно неприменимыми в условиях русско-калмыцкой действительности XVIII века, и калмыки несомненно испытывали острую нужду в новом судебном уложении. Для острастки преступников калмыцкий наместник принимал с своей стороны некоторые меры. Так, в 1745 году он вводит в употребление наказание воров-калмыков 50 ударами плети, ломаньем рук и жжением щек посредством раскаленного железа. Кид одобрила мероприятие Дондук-Даши; от 4 декабря она писала наместнику: „сей ваш поступок здесь похваляется, ибо добрых и неповинных людей от такого умножившегося воровства и грабительства иначе оборонить невозможно“[60]. Но, конечно, это были мероприятия лишь частичного характера и при том они касались одной преступной стороны калмыцкой жизни, между

---

[56] АКА, д. 1735 года, № 72, л. 37 об.
[57] АКА, д. 1744 года, № 166, л. 35 об.
[58] АКА, д. 1741 года, № 130, л. 38. О рыбных ловлях, равно как и о денежных обязательствах калмыков будет особая речь в 3 части „Этюдов“.
[59] Г. *Е. Грумм-Гржимайло*, цит. изд., стр. 640.
[60] АКА, д. 1745 года, № 173, л. 386 об.

тем, и другие стороны ее требовали урегулирования законами. Татищев не дал калмыкам судебного уложения,—составление последнего поручается Брылкину, но, как мы видели, он сразу же стал бить отбой и 2 февраля 1747 года написал в КИД: „хотя я к тому сочинению всеусердное мое прилежание употреблять буду, но, за многоделием, приказным служителям того исправить будет трудно, а паче—всегдашние мои болезни, которыми я с приезду моего в Астрахань одержим, в том препятствовать могут, ибо часто случается, что никакого движения от лома в руках и ногах не имею, от чего и в делах не без остановки бывает“[61]. Брылкин прослужил в Астрахани 8 лет и не составил калмыцкого уложения. Его переписка с калмыцким наместником ограничивалась вопросами, выдвигавшимися в известный момент судебной практикой, и если наместник стремился касаться принципиальной стороны дела при обсуждении того или иного судебного случая, в особенности—о наказании за убийство, губернатор заметно воздерживался от выражения принципиального взгляда. Кроме того, неправильные с точки зрения наместника судебные решения дел о калмыках русскими судьями давали повод к письмам об этом наместника к губернатору, и последнему приходилось вступаться за своих сослуживцев.

Назначая такие суровые наказания калмыкам, попавшимся в разбое, как перелом руки, 50 ударов плетью и клеймение щеки[62],—о чем Дондук-Даши всегда сообщал Брылкину, наместник возмущался нередкими оправданиями на суде русских за убийство калмыков. 8 августа 1749 года Дондук-Даши заявляет губернатору протест по поводу решения дела об убийстве калмыка на рыболовной ватаге. Дело велось производством целый год и состояло в том, что во время ссоры русских с калмыками русский человек застрелил калмыка из ружья. Суд признал, что убийство было совершено в состоянии самообороны, и освободил убийцу от наказания. Но наместник находил, что убийца просто «лгал», когда в свою защиту говорил о самообороне, „потому он и прав учинен“. Если бы русские защищались от нападения калмыков, а последних было 20 человек, то удивительно, почему „ран и знаков на русских никаких“ не оказалось. „Посему признавается“,—писал наместник,—„что ваши

[61] АКА, д. 1746 года, № 195, л. 50 об.
[62] АКА, д. 1746 года, № 194, л. 40; д. 1747 года, № 198, л. 68.

дела правящие оной суд не по силе указов и без справедливости решили". Так как „подобных дел есть много", то „я многократно к вам и пишу",—высказывает Дондук-Даши Брылкину, „ибо ваши дела правящие как указов, так и ваших приказов не памятуя, тако поступают", а от отсутствия справедливости на суде калмыкам „много обид происходит". Калмыцкие бодокчеи,—продолжает наместник,—поставлены в русско-калмыцком суде в такое положение, что ничего не значат: „ваши дела правящие хотя наших бодокчеев в присутствие и сажают, но токмо дела решают, как угодно. И потому",—задается вопросом Дондук-Даши,—„нашим бодокчеям какая надобность уже при Астрахани быть?". Их мнениям суд не придает никакого значения,—он как бы заранее признает их за неосновательные, „и хотя кто человека умертвит, то завсегда русские бывают невиноваты". Судьи дают такое направление всякому, касающемуся интересов калмыка, делу, „чтоб калмык был виноват, и вам то представляют, а вы, судьям поверя, и признаваете, что калмыцкой ни в чем правды нет". Губернатор не присутствует на суде сам, но должен же он наконец обратить внимание на то обстоятельство, что в решениях губернских судей „из калмык ни одного правого, а из русских ни одного виноватого нет"[63]. В своем ответе от 12 августа Брылкин выражает прежде всего догадку, что наместника привело „в сумнение" неправильное освещение дела, „чему вы уверясь, изволили с нареканием ко мне писать, чего я от вас не уповал и весьма о том сожалею". К разбору дела губернатор определил не только своих подчиненных, но пригласил для производства следствия некоторых лиц из «другой команды». Все они, а также и калмыцкие бодокчеи, нашли, что русский человек застрелил калмыка, „необходимо обороняя себя". Драку начали первые—калмыки; они „нападением своим одному русскому человеку копьем руку покололи, да ватажному пастуху, калмыку Лоузану левую кишку копьем же ранили, которые раны в конторе свидетельствованы и описаны". Свидетелями побоища явились калмыки, занимавшиеся пастьбой по близости от места происшествия,—они при бодокчеях дали такие показания, что ими „русских оправили, а калмык винными, что они сперва на русских имели нападение, показали". Недовольства порядком судебных разбирательств губернатор не

[63] АКА, д. 1749 года, № 212, л. 208 и об.

слышал от бодокчеев. Напротив, если они высказывали свое мнение о необходимости пересмотреть дело, „я“—пишет губернатор,—„между ими сам разбирал“, как бы ни было малозначительно дело; признав справедливым решение губернатора, бодокчеи „все согласное чинили“. Письмо заканчивается уверением: я „никогда и ничего, чтоб правой обвинен, а виноватой оправлен был, не учиню, и всегда прилежу, чтоб калмыцкому народу ни малая обида показана не была“[64]. Губернатор находил, что по данным следствия решение суда—правильное, но наместника не удовлетворило ни это решение, ни об‘яснение губернатора. 16 октября Дондук-Даши писал Брылкину: „Хотя по словам русского, которой убил человека, 20 человек калмык, из которых один убит, обвинены, и убитой уничтожен,—я вашему суду удивляюсь и сожалею. Буде ж по сему вашему суду так быть надлежит, то русским, кто пожелает калмык убивать, будет свободно“. Убийца „по вашему суду и прав быть может, но по нашему суду—он не прав“[65]. Наместник хотел сказать, что по калмыцкому юридическому сознанию всякий убийца несет ответственность и должен платить вознаграждение семье убитого. Калмыцкое и русское представления вещей как в данном, так и в других подобных случаях не сходились. В письме к Брылкину от 30 октября 1749 года Дондук-Даши выражает свою мысль определенно: „ваши судные права с нашим имеют разность, почему и спору много бывает, чего для у государыни судного права я и просил, и г-ня оное аппробовать соизволила; что же чрез 8 лет оного в получении не имею, тому я сумневаюся“.[66] А в письме 10 ноября того же года прибавляет: „и ныне для истцовых дел, дабы, по силе прежнего указа, судное право сочинено было, чрез доношение просить я имею“[67].

Жестокие наказания не прекращали калмыцких грабежей и разбоев. По свидетельству наместника, ими занимались многие из „убогих“ калмыков, производившие набеги не только на русских поволжья, но и на донских казаков, а также на терцев и кубанцев Дондук-Даши предлагал сконцентрировать

---

[64] Там же, лл. 209—210
[65] АКА, д. 1749 года, № 2 0, л. 443 об.
[66] АКА, д. 1750 года, № 218, л. 457 об. и л. 460
[67] Там же, л. 4 7.

всю калмыцкую бедноту в Мочагах, но губернатор не согласился на это. Тогда наместник выбрал для кочевий убогих калмыков урочище Кигас между г. Красным Яром и Яиком, рассуждая, что они будут находиться в некотором отдалении от почтовых и торговых трактов и лишатся возможности учинять нападения на почтарей, торговые караваны и на жителей по Дону, Тереку и Кубани. Теперь,—пишет Дондук-Даши Брылкину 17 декабря 1749 года,—занимающиеся грабежом калмыки „живут от нас во отдалении за Волгою и—подобно таким людям, которые владельцов и зайсангов не имеют, а морскую воду и камыши имеют себе за крепости". Наместник посылает к ним посланцов для производства расследования разных преступлений, „но они не токмо что краденое, но и свой скот в такие места за воды и в камыши упрятывают, что человеку того никак признать не можно, и живут так, яко бы ничего у себя не имеют". Разыскивание среди них преступников очень трудно; „некоторые хотя и сыскиваются, но мы их штрафуем по древнему нашему обыкновению, от чего им подлинно уняться и в чувство притти не можно, чего для у в. г—ни судного права я и прошу"[68]. По поводу предположения Дондук-Даши сгруппировать всю калмыцкую бедноту между Красным Яром и Яиком по Кигасу Брылкин 20 декабря отозвался, что нельзя привести этого в исполнение без особого разрешения высшей власти, и что имеется пока определение „при Яике реке калмык оставить токмо тысячу кибиток, а излишних затем перевесть и уместить на Волге, где будет возможно". Для прекращения же грабежей Брылкин посоветовал наместнику определить к убогим калмыкам „добросовестных зайсангов, дабы они у них в надлежащем смотрении и от воровства в содержании были"[70]. В письме от 31 декабря, по поводу ограбления калмыками двух почтарей выше г. Черного Яра, наместник повторяет частично высказанное в письме к Брылкину от 17 декабря: „Всякое воровство",—пишет он губернатору,—„весьма не хорошо, а особливо, что с делами в. г—ни ездящих курьеров грабят; в том подлинно страх и стыд состоит, чему я весьма соболезную. Того ради у в. г—ни многократно судного права и прошу, ибо по нашим древним правам хотя мы их и штрафуем, токмо калмыки прежде еще до

---

[68] АКА, д. 1749 года, № 210, л. 528.
[70] АКА, д. 1750 года, № 218, л. 30 и об.

меня, по междоусобным ссорам и убожеству научася худых нравов, от того не унимаются. И тако я желаю, дабы для того в. г—ни о том строгое право воспоследовало, которое прошу чрез ваше старание мне исходатайствовать"[71]. 17 января 1750 года Брылкин, не открывая, кому давно уже поручено составление особливого калмыцкого права, рекомендует наместнику, „применяясь к прежним примерам, наказание умножить" калмыкам-ворам, так как, по мнению губернатора, это способно будет унять калмыков от продерзостей[72]. Дондук-Даши сам был склонен к „умножению наказания" за воровство и грабеж, но, с другой стороны, он сознавал, что одними карательными мерами нельзя устранить те печальные явления, от которых, по выражению наместника, обо всех вообще калмыках „худая слава разглашается"[73]. В целях устранения их первопричины, надо было создать лучшие условия жизни для „убогих" калмыков,—надо было поправить их до чрезвычайности тяжелое экономическое состояние, надо было предоставить им возможность нормального заработка и с тем вместе позаботиться об обеспечении продуктивности самого труда калмыцкой бедноты. Наместник надеялся, что с новым уложением последует решительный поворот к лучшему в калмыцкой экономике; по представлению наместника, уложение должно было дать гарантию незыблемости калмыцких прав, а также указать средства и способы охраны калмыцкого труда и благополучия. В 1750 году он вновь возбудил пред правительством ходатайство об особливом праве для калмыков, и от 23 января 1751 года получил такой ответ канцлера А. П. Бестужева-Рюмина: „Постановление для лучшего между россиан и калмык происходящих ссор разобрания особливого права и здесь за потребно признано, и велено о скором оного окончании старание иметь, и вы в том накрепко обнадежены быть можете, что такое право всемерно выдано будет"[74]. От того же 23 января 1751 года последовал указ кид на имя Брылкина с „наикрепчайшим" подтверждением распоряжения от 24 декабря 1746 года о составлении губернатором особливого права для калмыков, „дабы таковое право всемерно вскоре окончано и сюда на рассмотрение прислано было". В это право должны были войти

[71] Там же, л. 33.
[72] Там же, л. 36 об.
[73] АКА, д. 1750 года, № 218, л. 29.
[74] АКА, д. 1750 года, № 220, л. 87 об.

такие ранее посланные указы наместнику, как: „о приходящих для крещения калмыках и о долгах, также и о увозе калмычат и прочие, тем подобные“. Внимание Брылкина обращалось на то, что калмыцкий наместник об особливом праве „и доныне... докучно просит, почему и отсюда уже неоднократно тем обнадежен, толь наипаче, что сие право, по здешнем дополнении и аппробации, имеет послано быть к нему, наместнику ханства, чтоб ко оному как он, так и прочие владельцы калмыцкие приложили свои печати, что и на будущие времена пользою и на калмыцкой народ лучшим обязательством быть может“, почему Брылкин должен был озаботиться скорейшим выполнением поручения[75].

В 1751 году Дондук-Даши возбуждает старые дела об убийстве русскими двух калмыков в 1736 году: одного—на р. Бузане при урочище Хабардан, другого—при урочище Балчикчи. Наместник пользуется этими делами, решенными в пользу русских, как поводом выразить недовольство судом тогдашнего астраханского обер-коменданта, бригадира Юнгера[76], подчинявшегося влиянию секретаря Чирикова, который и при Татищеве, и при Брылкине состоял у судебных дел. Раньше 1751 года Дондук-Даши добился отстранения поручика Ильи Григорьева от калмыцких судебных дел, теперь же он был занят планом сместить Чирикова. „После того“, т. е. после убийства калмыков в 1736 году, „и по днесь русские моих людей много побили“,—пишет Дондук-Даши Брылкину 1 января 1751 года и просит губернатора запретить Чирикову вступаться в калмыцкие дела[77]. 31 января того же 1751 года Брылкин ответил наместнику, что он сам рассмотрел судебное производство по убийству калмыка при урочище Балчикчи и нашел, что решение суда постановлено правильно: русский застрелил калмыка, „обороняя себя“. Другого судебного производства об убийстве калмыка на урочище Хабардан ни в губ. канцелярии, ни в конторе татарских и калмыцких дел не отыскалось, но губернатор предполагает, что и это убийство было совершено при самообороне. Принимая во внимание давность происшествий,—„тому минуло лет 15“,—и то, что решения суда известны наместнику, губернатор высказывает удивление, почему

[75] Там же, л. 69 и об.
[76] „Пьяница и худой человек“,—аттестует Юнгера Дондук-Даши.
[77] АКА, д. 1751 года, № 221, лл. 2—3.

наместник вспомнил о них теперь и требует пересмотра. С вступления в управление губернией,—пишет Брылкин,—я „крайне стараюся, чтоб калмыки в правде их ни от кого обижены не были“. А что касается порицания наместником разных лиц, состоявших раньше и состоящих теперь при губернских и калмыцких делах, то за ними,—свидетельствует губернатор,—„никакого непорядка мною не усмотрено“, и порицание их „между умными людьми кажется мне не прилично, да и весьма непохвально“. Порицая сотрудников губернатора, наместник тем самым бросает упрек и ему в недостатке „смотрения“ за подчиненными,—„этого я“, говорит Брылкин, „от вас не уповал и весьма сожалею того, что по моим уверительным письмам в рассуждение принять не изволите, что я поступаю в делах по указом ее и. в-ства самою справедливостию, а не по прихотям чьим, и никогда того и ни для чего не учиню, чтоб правой обвинен, а виноватой бы оправлен был, и всегда прилежу, чтоб калмыцкому народу ни малая обида показана не была. И для того“,—заключает Брылкин свое письмо наместнику,—„дружески вас прошу: впредь таковых нарекательных писем ко мне не писать“[78]. 7 февраля Дондук-Даши об‘ясняет Брылкину, что напрасно он принимает „поношение“ на свой счет,—оно касается только Чирикова и Григорьева и вполне ими заслужено. Они принудили калмыка Черень-Менко заплатить индейцу лишние деньги по иску, а Чириков слишком легко наказал конторского солдата часового, осмелившегося прошлой осенью порубить палашом руки знатного зайсанга Ботохоя, бывавшего при дворе царицы и „много“ допущенного до ее руки: солдата „Илья приказал в платье только разов 5 или 6 зашибить“[79]. 28 февраля Брылкин отвечает наместнику, что по делу Черень-Менко со стороны Чирикова и Григорьева „никакой несправедливости нет“,—виноват наместников зайсанг Бордон, вошедший в сделку с индейцем и заставивший Черень-Менко признать за собой лишний долг; губернатор заставил индейца вернуть Черень-Менко взятые у него излишние деньги. А относительно Ботохоя дело было так: зайсанг хотел пройти „в колодничью избу“, у которой стоял на часах солдат с обнаженным палашом в руках. „И хотя тот

[78] Там же, лл. 18—22.

[79] Там же, л. 50 и об.

часовой неоднократно ему говорил, что он без позволения судейского в избу его не допустит, но он, зайсанг, не взирая на то, паки стал усиливаться". Часовой оттолкнул его тогда от дверей „и имеющимся у него в руках обнаженным палашом плашмя ударил его по плечу, а того, чтоб он ево, Ботохоя, порубил, не было". Григорьев в это время в контору еще не приходил, а когда явился и выслушал жалобу Ботохоя, то велел наказать часового палкой, „которое наказание ему и учинено. И по моему усмотрению",—замечает Брылкин,—„оное наказание произведено надлежащее, токмо следовательно и зайсанг Ботохой, по ево усильству, находился виною, но что он, яко человек степной и обыкновения российского не ведающий, оная вина ему отпущена, и к вам не писано". Брылкин пользуется при этом случаем сообщить наместнику о жалобах татар на бодокчея Рабтан-гецюля, вследствие пьянства не приезжающего в контору на разбор тяжебных дел татар с калмыками, почему дела замедляются производством[80].

Знакомясь с письмами Дондук-Даши к Брылкину по вопросам судебной русско-калмыцкой практики, мы не встречаем в них требований о составлении калмыцкого уложения, подобных тем, какие Дондук-Даши пред'являл в свое время Татищеву. Очень понятно,—почему: кид не доводила до сведения наместника о поручении Брылкину выработать это уложение, не сообщал и Брылкин об этом наместнику. Не заметно, чтобы губернатор требовал у калмыков каких-либо юридических материалов из области национального калмыцкого права. С каким же материалом в руках решил он работать? Трудно ответить на этот вопрос, так как в нашем распоряжении нет никаких следов работы Брылкина над калмыцким судебным уложением. Правда, кид предписала ему ввести в уложение указы, дававшиеся наместнику в ответ на его представления о калмыцких нуждах и в удовлетворение просьб о тех или иных льготах калмыкам. Этим материалом Брылкин располагал. Но при всем том надо было серьезно считаться с бытовыми особенностями калмыков и знать их обычное право. Сама кид, в виду просьбы Дондук-Даши, от 8 ноября 1750 года, определить ранги калмыцких властей, чтобы удобнее было пред'являть

---

[80] Там же, л. 53 и об.

иски в случаях личного оскорбления[81], вменила в обязанность Брылкину указом 23 января 1751 года внести в проектируемое уложение и пункт о взыскании за „бесчестие“ владельцев и зайсангов, „сыскав приличное к тому из уложения (русского) и из собственного их калмыцкого права из дел, прежде с калмыками происходящих“[82]. Конечно, одни „дела“ не могли дать исчерпывающий материал по поставленному вопросу,—для него, как и для ряда других вопросов, приходилось обращаться к практике.

О своих постановлениях по части мер взыскания за преступления калмыков Дондук-Даши сообщал и в Петербург к двору, и в Астрахань к Брылкину. Так, в конце 1750 года, в связи с делом о разграблении калмыками богатого каравана, следовавшего из Оренбурга, наместник учинил «в калмыцких улусах публикацию и присягу калмыцким владельцам о искоренении калмыцкого воровства» и при том установил: «ворам за первое воровство колоть по одному глазу и давать им по 50 ударов плетью, а ежели явится вторично в воровстве, выколоть и другой глаз, а украденное без остатку возвратить истцам; а ежели которой зайсанг о воровстве, за подлинно ведая, не донесет, а про то сыщется до пряма, у такого отнять аймак». По поводу этого постановления, от 29 января 1751 года на имя наместника последовал указ «с похвалою»[83]. Дондук-Даши рассчитывал ограничиться теми же мерами наказания и по отношению к убийцам-калмыкам. 7 февраля 1751 года он известил Брылкина о том, что убийцам татарина Коштек-Мергеня он присудил выкалывание одного глаза и 50 ударов плетью, обязав при этом убийц возвратить семье Коштек-Мергеня все пограбленное добро[84]. 28 февраля Брылкин ставит на вид Дондук-Даши, что, прежде исполнения такого приговора, ему следовало просить указа кид, «повелено ль будет тем убийцам за умерщвление показанного татарина ту казнь учинить»[85]. Затем губернатор, принимая в соображение сенатские указы,

---

[81] АКА, д. 1750 года, № 220, лл. 16 об.—17.

[82] Там же, л. 15. В письме к Дондук-Даши от 23 января 1751 года Бестужев-Рюмин проводил мысль, что меркой достоинства оскорбленного владельца, как и по русскому закону, должен служить оклад его годового жалованья, а детей его—половина жалованья; там же, л. 22 и об.

[83] АКА, д. 1754 года, № 242, л. 170 и об.

[84] АКА, д. 1751 года, № 221, л. 50.

[85] Там же, л. 58.

дозволявшие жителям Астрахани— иноверцам „суд и расправу иметь по их законам и по прежнему обыкновению“, затребовал от татарских судей письменную справку, „какая казнь смертоубийцам по их закону положена“. Справка, представленная юртовским казыем Утеп-Магомет-Хаджи Аскаровым на татарском языке, в русском переводе гласила: „В книге мугаметанского закона показано: ежели мусульманина, или армянина кто умертвит ножом нарочным делом, то оного смертноубийцу позволяется убитого наследником самого умертвить; а буде наследники похотят того убийцу в той вине простить, или за убивство положенное за кровь взять диать, т. 10 тысячь диргемов серебра, которое все состоит по нынешней цене в числе 750 рублев, или из оного что уступят, то все сие в их воле состоит. И вышепоказанной штраф—диать за убивство мусульманина ль, или армянина, или какого чужестранного человека чинить равной»[86]. 8 марта 1751 года, изложив данные переписки с Дондук-Даши по делу об убийстве калмыками татарина Коштек-Мергеня и упомянув о справке из мусульманского закона о наказании за убийство, Брылкин вошел с докладом в кид, в котором выразил опасение, как бы Дондук-Даши, уже приведший в исполнение приговор об убийцах-калмыках, не стал и в дальнейшем назначать «такую легчайшую казнь», особенно—в виду полученной аппробации относительно меры взыскания за воровство и уже заметной тенденции наместника применять ту же меру наказания за убийство. Но если калмыки,—рассуждает Брылкин,—«за смертное убивство такую легчайшую казнь усмотрят, (то) могут для своей корысти или злости и более смертное убивство и чиновным людем причинять». Поэтому губернатор просил указаний кид, „каким образом в смертноубивстве как с русскими, так и с иноверными, коим убивство от калмык учинится, поступать..., а к нему, наместнику ханства калмыцкого, Дондук-Даше о том дать знать»[87]. Решение кид по вопросу, поставленному Брылкиным, последовало в 1754 году в связи с делом об убийстве калмыками сержанта астраханского гарнизона В. Н. Матрохина и находившихся при нем гусара, солдат и татар, в числе 7 человек, которые везли в Астрахань почту из Москвы.

---

[86] Там же, л. 59. Перевод татарского текста на русский язык сделан был переводчиком Абдрахман Карабаевым.

[87] Там же, л.л. 63—65.

Обстоятельства этого дела выяснились на суде, происходившем в губ. канцелярии в 1756 году в присутствии губернатора А. С. Жилина, его товарищей Языкова и Гнеушева, при бодокчеях Лекшите и Басанге. Летом 1754 года, сын зайсанга Замутова улуса Луцереня, по имени Тергун, собрал несколько человек аймачных калмыков и начал вести с ними разговор о крайней бедности их аймака,—калмыки дошли до такого „убожества“, что не в состоянии платить подать наместнику и даже не имеют, чем пропитаться. Затем Тергун выбрал 8 человек калмыков и приказал им составить партию, «сколько надлежит», чтобы «ехать в лодках на воровство, где им удастся». Образовалась партия в 24 человека. Взяв две четырехвесельные лодки и вооружившись сайдаками и дротиками, партия поехала вверх по Волге. „И будучи об урочище Калмыковского ухвостья, в полудни усмотрели они ехавшую по Волге сверху почтовую лодку“ и напали на нее. В лодке находились Матрохин и его спутники. Хотя они стреляли по калмыкам из трех ружей, но отбить нападение не смогли и даже не причинили никакого вреда выстрелами. Овладев лодкой, калмыки перебили русских и татар дротиками и веслами, а затем подвели почтовую лодку к берегу «и мертвые тела на луговой стороне, в урочище Казыяре зарыли в землю, а в лодке бывшее переложили в свои лодки, и тое почтовую лодку затопили тут же в воду». После этого калмыки вернулись на лодках, нагруженных добычей, в аймак и всю добычу «без остатку» представили Тергуну. Взяв себе „несколько денег и вещей», Тергун отдал остальное калмыкам, а те поделили добычу между 48 кибитками. Тергуну калмыки рассказали все, ничего не скрывая. Самого Луцереня в аймаке тогда не было,—он ездил к наместнику по делу,—а когда вернулся и узнал о добыче, то потребовал и себе «на кафтан 10 рублев». Деньги были собраны с калмыков и вручены зайсангу. Но чрез некоторое время Луцереном овладело беспокойство,—он стал опасаться, „чтоб о воровстве их не было об'явлено“ наместнику посторонними людьми, и решил сам сообщить ему о происшествии. Наместник приказал произвести розыск пограбленного «скарба». Кое-что удалось найти в аймаке, и, кроме того, Луцерен собрал с 48 своих кибиток по 51 руб. 50 коп. с каждой, для чего пришлось продать человек 50 аймачных калмыков в другие улусы, «да для отвозу в Крым на продажу же тамо отдано зайсанга Шонхолдока сыну

ево, Бюрбе, 8 человек»[88]. Наместник считал дело законченным и 30 августа 1754 года писал Спицыну, что, в виду донесения зайсанга Луцереня, калмыки-убийцы освобождены от дальнейшего штрафа, так как раньше, с согласия Спицына, наместник сделал в улусах «публикацию» о снятии с калмыков-преступников особого штрафа, в случае донесения о них зайсанга. Но выяснилось, что убийцы Матрохина оказались теми же самыми злодеями, которые пред тем убили армянина Хачатура и русского казака, а теперь, после убийства сержанта Матрохина, они „наивящее бешенство оказывать начали». Это уже возмущает наместника, хлопотавшего об улучшении материального благосостояния калмыков и имевшего в этом направлении известные достижения; поэтому он ставит пред Спицыным вопрос о необходимости назначения особого штрафа «таковым взбесившимся дьяволам»[89]. Спицын не мог дать наместнику какого-либо серьезного совета без сношения с губернатором, но Жилину калмыцкие дела пока еще не были поручены, и сам Спицын оставался пока в неопределенном положении. Жилин же только по своей должности «главного командира» в губернии обращал внимание Дондук-Даши на калмыцкие грабежи и разбои и писал наместнику о необходимости прекратить их имеющимися средствами. 5 ноября 1754 года Дондук-Даши ответил на указания губернатора: «О калмыцких воровствах ко мне вы неоднократно писали, но и по-ныне калмыки по Волге воровство чинят,—оное вы предаете на мое рассуждение. На оное ответствую: у всех имеется некоторая одна пословица,—говорят: как в гористых местах невозможно волкам не быть, так и в народе невозможно ворам не быть же. Тому подобное воровство везде есть, и я не желаю, чтоб воровство не прекращать, ибо прежде чего в обыкновении калмыцком хотя и не бывало, но я, стараяся искоренить воровство, издал новую публикацию», направленную к более легкому разысканию воров. «А воровство—где не бывает? И нынешним летом у вас одного армянина запертую лавку, с улицы подкопав, покрали. Еще ж у некоторого татарина дом покраден. Також... в нощное время одного вашего караульщика убили».. На дому у самого губернатора Брылкина «украдено было хорошее ево платье». «В военной колле-

---

[88] АКА, д. 1756 года, № 253, лл. 183 об.—186.
[89] АКА, д. 1754 года, № 240, л. 23 и об.

гии каменную палату, снаружи подрывся, до прочих золотых и серебряных вещей не касаясь, украдено 500 рублев грошевиков. Також еще в Москве прошлого года, чему мой посланец—самовидец, пришед воры и хозяев бив дубьем до упаду, три или четыре дома покрали. В 1738 году в зимнее время идущую из деревни бабу с одним малым ребенком в Ямской в ночное время конные об'ездные убив, в снег закопанная нашлась». Да и вообще о разбоях в русском народе на суше и на воде «беспрерывно слышно», хотя начальство и предпринимает свои меры. «Ежели же у вас в государстве таких плутов корень не искоренен»,—пишет Жилину Дондук-Даши,—«то у нас как искоренить возможно?! Однакож мы всякими мерами приличившихся в том тягчайше наказываем и штрафуем»[90]. Сознавая, однако, недостаточность имеющихся средств борьбы с преступлениями, Дондук-Даши 25 ноября того же 1754 года спрашивает Жилина, не находит ли он допустимой продажу злодеев-калмыков «на восток: в кайсаки, в Хиву, в Бухары, или на запад: в Крым и в Турки», хотя и существуют указы, запрещающие продажу людей в иностранные государства, а „я, по моему мнению, к прекращению воровства сие конечно за полезно признаваю“,—пишет наместник[91]. 29 ноября губернатор ответил, что, согласно указам, ни калмыков, ни кого-либо из других, состоящих в «ведомстве» наместника людей, попавшихся в злодействе, «за границу в другие области или земли продавать и ни под каким претекстом туда доставлять никак невозможно», и что за этим «надлежит накрепко наблюдать». Да эта мера и не принесла бы пользы: «прибрав к себе таковых же воров», проданные за-границу калмыки стали бы делать набеги на калмыцкие и даже на русские жилища и чинить по прежнему «и смертное убивство, и взятье в плен людей, и отгон лошадей и скота, и грабительство». «А по моему мнению»,—говорит Жилин,—«для пресечения того злодейства, и чтоб смотря другие таких злодейств чинить не отваживались, надлежит таких людей отсылать за крепким караулом сюда, а отсель посылаться будут в дальные российские городы в казенную работу, отколь из них сюда пробраться уже ни одному человеку не можно, и тем воровство и злодейство пресечься лучше

---

[90] Там же, л. 174 и об.
[91] Там же, л. 183.

может»[92]. Продолжая обсуждать вопрос о мерах взыскания за тяжкие преступления, Дондук-Даши посвящает этой теме письмо от 7 декабря 1754 года к Жилину, уже вступившему тогда в управление калмыцкими делами. Наместник находит справедливым, по учинении телесного наказания калмыку-убийце, отправлять его на каторжные работы. Но русский человек, убивший калмыка, «по состоявшемуся во время первого великого императора праву, (должен) нам за убивство производить денежную плату»,—говорит Дондук-Даши и обращается с просьбою к губернатору: „Оные два права как соединить, и об оных смертоубийцах одно что быть определя, не умедля ко мне пишите, ибо от недавнего времени оное стало быть, что ежели ваши россиане умертвят калмыка, за убивство денежную плату производить пресекли, и чтоб в том нашем старом обыкновении нас оставить, с просьбою к вам и писал“[93]. От 14 декабря последовал ответ Жилина: «Такого указа, чтоб за смертное убивство производить денежную плату, здесь не имеется, и для того я к вам писал, чтоб смертноубийц присылать сюда, которые для пресечения того злодейства отосланы будут в дальные верховые города, что и ныне то ж вам сообщаю»[94]. Интересно, что калмыки твердо стоят на своем праве взыскивать денежную плату с русского убийцы, определенно утверждая, что такое право было получено ими при Петре I. Поиски документа, который доказывал бы это право, не привели ни к чему: в губ. канцелярии не оказалось нужного калмыкам документа. Не было его и в кид, потому что она 23 июля 1750 года требовала от губ. канцелярии копии договорных статей с калмыками, упомянутых в инструкции астраханскому губернатору А. П. Волынскому от 1720 года,[95] и получила бы из губ. канцелярии копию также и указа о денежной пене за убитого калмыка. Из дальнейшего мы увидим, что правительство отрицало существование такого указа, хотя и допускало возможность старинного договора между русскими и калмыками об уплате пени потерпевшей стороне—русской, или калмыцкой. Таким образом, если не было писанного указа о праве калмыков на пеню за убитого, и, тем не менее, они взимали ее с русского убийцы,

[92] Там же, л. 184 и об.
[93] Там же, лл. 208 об.—209.
[94] Там же, л. 219 об.
[95] АКА, д. 1749 года, № 213, л. 159.

без протеста с его стороны, как и сами платили за убитого, то не был ли такой порядок санкционирован Петром устно в бытность его у калмыков в 1722 году?

Дело Матрохина само по себе не возбуждало вопроса о пене, так как потерпевшей являлась здесь русская сторона, — только калмыки домогались получать денежное вознаграждение за своих убитых. Дело Матрохина было первым случаем применения к калмыкам-убийцам ссылки в каторжные работы на ряду с прочими убийцами—русскими подданными. 22 декабря 1754 года канцлер пишет особое письмо к Дондук-Даши, располагая его исполнить закон, обязательный для всех. «Хотя напред сего за убийство калмыками россиян и, напротиву того, россиянами калмык плата по взаимному согласию, может быть, и производилась",—пишет Бестужев-Рюмин,—„однакоже такое обыкновение указом никогда не подтверждено, и здесь о том и известно не было, а чаемо было, что с убийцами и ворами поступается по российским законам". Мера взыскания за воровство калмыков, принятая наместником с 1750 года, была одобрена правительством в указе 29 января 1751 года, но „оной указ до смертноубийц не касается", и если наместник желает присуждать то же самое наказание убийцам, что и ворам, то это „уже с справедливостью весьма сходно быть не может, а надлежит в том поступать и с калмыками, яко с подданными ее и. в-ства, таким же образом, как в том поступается по законам российской империи и с прочими здешними подданными". Переходя к делу Матрохина, канцлер отмечает, что убийство сержанта и его спутников было умышленное, и виновные в убийстве калмыки подлежали бы смертной казни, если бы она вообще раньше не была приостановлена особым указом и теперь не была заменена ссылкой в казенные работы, после заклепания убийцы в кандалы, учинения ему жестокого наказания кнутом, вырезания ноздрей и постановки клейма на лбу и на щеках[96]. Наместник должен передать калмыков-убийц полковнику Спицыну, или тому, кто будет от него прислан за калмыками, „и при том—попечение возыметь, чтоб и пограбленное ими, кому надлежит, возвращено было; но при таких обстоятельствах, и будучи оное убийство умышленное,

[96] По представлению сената, в 1753 году; *Соловьев*, цит. изд., т. 5, кн. 23, стлб. 760—761.

Денежная плата, на которой настаивает наместник, „по здешнему рассуждению... к воздержанию калмык от умышленного убивства довольною отнюдь не признавается, да и указом ее и. в-ства такой платы утвердить не можно, будучи и по здешним правам и пользе совсем противно». А так как другого «посредства» в данном случае найти нельзя, «то иного и делать не осталось, как приводить калмык к последованию в том здешним правам“, что особенно зависит „от успеха при нынешнем первом случае“. Сознавая всю важность задачи, Спицын должен ехать к наместнику и, лично вручив ему письмо канцлера, „крайнее старание употребить к склонению его, наместника ханства, к отдаче на руки (Спицына) выпеписанных злодеев, что здесь к особливому удовольствию принято быть имеет“. Чтобы привлечь на свою сторону влиятельных владельцев и зайсангов, Спицын получает разрешение сделать подарки нужным лицам деньгами или товарами из имеющихся в его распоряжении казенных сумм и запасов, сколько полковник заблагорассудит, „токмо чтоб одержать“. На „особливое попечение“ Спицына возлагается и отправка в Астрахань калмыков,—их надо было заковать „в крепкие кандалы“ и отправить в путь „за безопасным конвоем“, чтобы они не могли уйти с дороги, или не были отбиты другими калмыками[98]. В указе Жилину от того же числа проводится мысль, что хотя канцлер и обещал одинаковый суд русских за убийство калмыков с судом калмыков, но приводить в исполнение это обещание губернатор должен был только в том случае, „ежели и от наместника ханства в отдаче вышепомянутых убийц-калмык затруднения не будет“, и он пришлет калмыков в Астрахань[99].

Действительно, „затруднения“ возникли. На представление Спицына о немедленной выдаче калмыков наместник отвечал разного рода отговорками. 9 августа 1755 года он послал в кид „лист“, что издавна, вплоть до 1753 года, держался у калмыков и русских обычай платить друг другу за убийство знатного человека 100 рублей и 50 рублей за простолюдина, и калмыки никогда не отказывались от уплаты за убитого ими русского человека. Теперь астраханский губернатор заявляет, что такой порядок утверждался не на законе, а существовал сам собою.

[98] Там же, л. 173 и об.
[99] Там же, л. 167 и об.

Но если будет отменена плата за убийство калмыка, то наместник опасается, что русские „их, калмык, по своей воле убивать будут". Спицыну же наместник в конце концов ответил, что, пока не получит из кид резолюции на свой лист, до тех пор не выдаст калмыков русским. По сообщению Спицына в кид о положении дела, канцлер принужден был послать к Дондук-Даши 7 сентября 1755 года новое письмо, подтверждающее силу всех прежних распоряжений, данных в письме от 22 декабря 1754 года. За умышленное убийство,—писал канцлер,—калмыки должны нести ответственность, одинаковую с прочими подданными России, „ибо я никакого резона не вижу, для чего бы из того пред всеми другими калмыки выключены были. Да и в целом свете того нет в обычае, чтоб за такое тяжкое преступление, каково умышленное смертное убивство, равным подданным, а разное наказание чинено было". По поводу опасения Дондук-Даши, что отмена платы за убитого поведет к увеличению убийств калмыков русскими, канцлер, повторяя прежние слова об отсутствии особого указа на этот счет в прежние времена и ненадобности издавать подобный указ теперь, доказывает, что, при осуждении убийц на вечные казенные работы, злодеи не будут уже в состоянии „таковых же продерзостей делать". Наоборот, введение одной платы за убийство не избавило бы от последующих злодеяний убийц, уплативших штраф. Примером могут служить убийцы Матрохина, совершившие ряд убийств только потому, что были оставлены на свободе, „каковых злодеев рода человеческого, по сему важному резону, для общей пользы и безопасности всемерно от сообщества добрых людей отлучать и искоренять надлежит". Вследствие этого,—обращается канцлер к наместнику: „я вторично от вас чрез сие требую, дабы вы тех смертноубийц-калмык, убивших сержанта Матрохина с прочими, с ним бывшими, разбойнически и, следовательно, умышленно для отсылки в Астрахань и наказания тамо и употребления их в казенную работу, по указам ее и. в-ства, отдали полковнику Спицыну, и при том совершенно уповаю, что вы, в рассуждении вышеозначенных резонов, а при том и для того, что о наказании смертноубийц такое высочайшее ее и. в-ства соизволение есть, яко верной ее и. в-ства подданной, непременно по тому поступить и тем ее и. в-ства милость и впредь заслуживать не преминете. Что же касается до такого смертноубийства,

которое произойдет не умышленно, и в том каким образом поступать, о том такожде точное определение имеет быть вам сообщено впредь"[100]. Спицыну кид от того же 7 сентября предписывает по содержанию письма канцлера к наместнику „еще сильное домогательство о получении оных убийц в наши руки у наместника ханства учинить". Спицын в своих речах наместнику мог даже сослаться на особый именной указ, обязывающий Дондук-Даши неуклонно выполнить то, о чем писал ему канцлер,—в противном де случае можно опасаться, „со всем тем аймаком, в котором оные убийцы были, не сделалось бы чего жестокого"[101].

После столь сильного нажима, наместнику оставалось повиноваться воле правительства и выдать убийц-калмыков в Астрахань. Промедлив несколько месяцев, он прислал наконец 3 марта 1756 года 7 человек, участвовавших в убийстве Матрохина, с Серкис Мамашиевым во главе; 4 марта Спицын направил калмыков в распоряжение губернатора[102]. 24 апреля Спицын, передавая содержание показаний Серкис Мамашиева на суде, доводит до сведения наместника о требовании губ. канцелярии прислать в Астрахань для наказания и употребления в казенные работы остальных калмыков из числа 24 человек, учинивших убийство Матрохина и его спутников, а также —взыскать с всего их аймака недостающие деньги в уплату пограбленного у убитых добра[103]. Семеро калмыков оставались в Астрахани до осени 1757 года. В виду высказанного губ. канцелярией опасения, что они могут бежать с казенных работ подобно двум калмыкам, которые раньше бежали с работ на казенных рыбных ловлях, будучи присуждены к этого рода работам тоже за смертоубийство,—кид указом от 9 октября 1757 года приказала препроводить калмыков в Рогервик, „да и впредь как из астраханской, так и из оренбургской губерний калмык, также и мухамедан, которые почему либо в вечную каторжную работу осуждены будут, по тому ж, не задерживая тамо, отправлять в Рогервик"[104]. 14 октября 1756 года Жилин

[100] Там же, лл. 416—419.
[101] Там же, л. 420 и об.
[102] АКА, д. 1756 года, № 253, л. 67 об.
[103] Там же, л. 186.
[104] АКА, д. 1757 года, № 266, л. 236 и л. 239.

требует от Спицына домогаться у наместника присылки в Астрахань остальных виновных калмыков, так как имеется просьба наследника убитого Матрохина, «положенного в оклад подушной» А. И. Матрохина из с. Николаевского, Галицкого уезда, о выдаче ему наследства после убитого сержанта[105]. Но, вероятно, домогательство Спицына не имело успеха,—наместник не выдал остальных калмыков; по крайней мере, чрез год в Рогервик было отправлено из Астрахани только те 7 калмыков, какие фигурировали на суде в губ. канцелярии в апреле 1756 года.

Таким образом, дело составления особого русско-калмыцкого судебного уложения, несколько раз обещавного ханам Дондук-Омбо и Дондук-Даши, дальше разговоров не пошло,—калмыки не получили его. В 1754 и 1755 годах верховная власть уже определенно высказала свою точку зрения на вопрос, указав Дондук-Даши, что она не видит оснований делать какие либо исключения по части суда над убийцами, а Спицыну было вменено в обязанность „приводить наместника к последованию в том здешним правам". Меры наказания за воровство, выработанные Дондук-Даши в 1750 году, хотя и получили аппробацию правительства, но трактовались им, как временные и имеющие силу только до особого указа. Но указа на этот счет так и не последовало, вследствие, может быть, заметного сокращения калмыцкого воровства в последние годы правления Дондук-Даши. По крайней мере, только в 1768 году, по случаю нападения калмыков под Сусловым ильменем возле урочища Рычи на расшиву калужского купца М. Рукавишникова[106], губернатору Н. А. Бекетову пришлось восстановить раз‘езды воинских команд на лодках по рекам. В приказе от 18 июля 1768 года Бекетов, напоминая о существовании подобных раз‘ездов по Волге в прежнее время, говорит: «а как настало время спокойное, то за тем оной раз‘езд был и уничтожен, а ныне как от тех калмык, так и от других злодеев по оной реке и по другим местам началось паки воровство, так что рыболовные ватаги и при Астрахани в татарской на Цареве реке слободе, обывательские дворы разбивая, чинят смертное убивство», то, «в прекращение того злодейства и делателей ево»,

[105] АКА, д. 1756 года, № 257, л. 524.
[106] АКА, д. 1768 года, № 348, л. 17.

необходимо «учредить ныне на прежнем основании раз'езд» в 20 человек солдат, которые должны «совсем солдатской вид переменить, а называться работными купецкими людьми, и волосы остричь по-бурлацки". Солдаты-раз'ездчики одевались «в рубахи чувашские», обувались в лапти и покрывали голову шляпой[107]. 10 ноября 1771 года Бекетов обсуждал мнение багацохуровского и дербетовского владельцев и калмыцких зайсангов о необходимости прибегнуть к прежней мере наказания калмыков—выкалыванью глаз и нанесению 50 ударов плетью «по причине умножившегося между калмыками скоту воровства». Бекетов нашел, что выкалыванье глаз составляет наказание „не токмо самое тяжкое, но и тиранское, и ежели и за первое воровство такое наказание чинить, то, кажется, ни с какими законами согласно быть не может". Губернатор обращал внимание калмыцких владельцев и зайсангов еще на то обстоятельство, что хотя в 1769 году за побег из армии 20-тысячного калмыцкого войска зачинщикам побега—калмыкам „в общенародном калмыцком правительстве положено было учинить наказание по 50 ударов плетью и заклеймить на щеках горячим огнивом", однако, «последнее сие наказание, признав мучительным, отменить велено". Тем более, выкалыванье глаз за воровство „весьма оставить надлежит", ограничившись ударами плетью и „к 50 ударам хотя еще столько ж прибавить", а в назначении количества ударов сообразоваться с степенью виновности уличенного в воровстве калмыка[108].

Но надо сказать, что вопрос об особом праве не заглох у калмыков окончательно. О нем калмыки поговаривали и по уходе большей их части из России в 1771 году. Учитывая это обстоятельство, Бекетов в письме к канцлеру Н. И. Панину от 27 августа 1772 года предлагает вызвать в Астрахань ненадежных владельцев под «претекстом, что желательно ее в-ству их калмыцкое уложение, поправя сходственно с нынешним их состоянием общих их со мною согласием утвердить и выдать оное печатью для сведения и точного исполнения по нем при всех их судах как между калмыками, так и российскими людьми, дабы все и каждой, особливо учрежденные заргачинеры, имея к кому-нибудь каковое-либо пристрастие не могли судить

[107] АКА, д. 1768 года, № 344, л. 67 и об.
[108] АКА, д. 1771 года, № 373, лл. 247 об.—248.

по своей воле, ссылаясь на обыкновение, нигде еще порядочно не описанное, а высоч—шею властью с потребною для их благоденствия подробностию не утвержденное; сие угодно ее в-ству учинить в знак их непоколебимой верности, не только не нарушая их прежние преимущества, но еще с большим прибавлением в их пользу ими самими избранного». Бекетов высказывал уверенность, что владельцы, „в противность своей пользы", не откажутся от предложения прикочевать к Астрахани, а что касается самого составления уложения, то, полагал Бекетов, это дело можно тянуть без конца: „во первых, переводом оного уложения на русской язык, а потом медлительными с ними (владельцами) о том рассуждениями"[109]. В предложенной Бекетовым мере нужды не оказалось: беспокойные владельцы были вызваны в том же 1772 году в Петербург и тем изолированы от калмыков, на которых оказывали влияние[110].

Идея русско-калмыцкого уложения воскресает у калмыков в 1822 году.

20. VI. 27.

---

[109] Там же, л. 245 и об.

[110] „Очерк", стр. 92.

IV.

Калмыцкое посольство в Тибет в 1755 году.

О своем желании отправить посланцов в Тибет калмыцкий наместник Дондук-Даши в первый раз сделал представление правительству 7 июля 1742 года в Москве. Он намечал послать к тибетскому далай-ламе 10 человек своих калмыков и просил об особой грамоте к китайскому богдыхану с ходатайством о дозволении калмыкам свободно проехать китайскими владениями к месту назначения. Мы уже знаем, что китайские власти противились пропуску посланцов хана Дондук-Омбо чрез границу, и те продолжали оставаться в Селенгинске в ожидании окончательного решения их дела[1]. Правительство, принципиально согласившись удовлетворить представление Дондук-Даши и, сообщив ему о том в грамоте 31 августа того же 1742 года, с тем вместе постановило возвратить из Селенгинска в калмыцкую степь посланцов Дондук-Омбо, а пограничному командиру бригадиру Якобию приказало «у китайского двора возыметь домогательство», чрез посредство мунгальского Тушету-хана, о пропуске 10 посланцов Дондук-Даши „по соседственной дружбе". Окончательная формулировка всех правительственных постановлений по делу о калмыцком посольстве была утверждена сенатом 13 декабря 1743 года, а 13 марта 1744 года кид разослала соответствующие указы. 10 апреля 1745 года селенгинский бригадир Якобий доносил, что он два раза писал к пограничному генералу Джунвану, заменившему собой умершего Тушету-хана, о пропуске калмыков чрез границу, но тот «ответствовал, что в мирном трактате, состоящем во 11 пунктах, не написано, чтоб российских подданных до далай-ламы пропущать, и что со оными посланцами будут ли российские люди, того, також и имен оным посланцам, не показано, и за тем ему в мунгальской приказ писать не безопасно, и чтоб уведомить его в тех десяти человеках, которые следуют до далай-

[1] См. 1 ч. „Этюдов", стр. 238—255: „Отправка калмыцкого посольства в Тибет в 1737 году".

ламы, кто имяны, и какого чину, да сверх того, чтоб о том от российского сената в их мунгальской трибунал писано было с ясным показанием». Стольник Соном, привезший ответ Джунвана, на словах говорил Якобию, что калмыцкие посланцы должны иметь при себе «обыкновенной пас», с обозначением их имен и с государственной печатью. 10 мая 1746 года канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, сообщая калмыцкому наместнику о выезде посланцов Дэндук-Омбо из Селенгинска в калмыцкую степь, доводил до сведения Дондук-Даши о безуспешных «сильных домогательств» иркутского в.-губернатора Ланга и селенгинского бригадира Якобия пред китайским двором по части пропуска наместниковых посланцов в Тибет[2].

Потерпевши первую неудачу, Дондук-Даши 12 августа 1746 года посылает из урочища Монтохой «лист» к Елизавете Петровне с просьбой отправить калмыцких посланцов в Тибет тою дорогою чрез Хиву и Бухару, которую показывал по ландкарте Остерман посланцу Дондук-Омбо, Абуджи. Согласие было дано на это, но канцлер 10 апреля 1747 года счел нужным указать наместнику на крайнюю трудность и опасность этой дороги, хотя она и близка. «Как и вам не безызвестно»,—писал канцлер,—«в 1732 году из Астрахани с Гарбером отправленной в Хиву и Бухарию российской караван.. в пути ограблен; також и в 1738 году из Оренбурга отправленной в Ташкент караван в дороге разграблен же; и потому не чаятельно, чтоб посланцы ваши до далай-ламы доехать могли». Канцлер предоставлял самому наместнику сообразить, можно ли посылать калмыков в Тибет этою дорогою «мимо живущих тамо многих разных и злых народов», а кид от того же 10 апреля дала распоряжение астраханскому губернатору Брылкину, чтобы он, в случае решения калмыков ехать в Тибет чрез Хиву и Бухару, отправил их морем «на пристойном судне» до Мангишлака, снабдил кормовыми деньгами на 1 месяц и разрешил беспошлинный провоз товаров на 3 тысячи рублей[3]. Путь на Мангишлак не понравился калмыкам. 29 мая Дондук-Даши писал канцлеру, что ехать на Мангишлак—«невозможно за тем, что тамо, в Мангишлаке, живут немногие и убогие трухменцы,

---

[2] АКА, д. 1753 года, № 237, лл. 17 об.—21 и л. 22.

[3] АКА, д. 1746 года, № 195, лл. 64 об.—65, 66 об.—67; д. 1753 года, № 237, л. 25.

от которых верблюдов и лошадей, на чем ехать, достать и покупать весьма трудно, и не токмо чтоб посторонних они в том удовольствовать могли, но и сами они с малым числом своего скота в тамошних крепких местах с нуждою пробавляются». Дондук-Даши настаивает на предоставлении калмыкам ехать прямою степною дорогою и при этом просит снабдить посланцов проезжей грамотой за государственной печатью, ибо,—рассуждает наместник,—«не чаятельно, чтоб без того хивинской и бухарской ханы посланцов пропустили»[4]. Грамотой от 28 октября просьба Дондук-Даши удовлетворяется: «Посланцы ваши к далай-ламе, по желанию вашему, и сухим путем чрез Яицкой Гурьев городок пропущены будут. Но что принадлежит до проезжей им ее и. в—ства грамоты за государственной печатью, то таковые пасы даются отсюда только чрез союзные всероссийской империи государства, а чрез такие народы, с которыми не токмо союза, но и знаемости нет, никому таковых пасов не дается; того ради и вашим посланцам, к далай-ламе отправляемым, которые за Хивою и Бухарами весьма дикими и здесь неизвестными народами ехать будут принуждены, такого паса давать было и не пристойно,—однако же, во особливое показание к вам и ко всему калмыцкому народу высоч—шей ее и. в—ства милости, таковой пас дан быть имеет; и для того потребно вам прислать сюда известие, кто именно из посланцов ваших главным будет отправлен, и сколько именно человек всех товарищев его при нем будет»[5]. Готовность правительства итти на встречу желаниям и просьбам Дондук-Даши, с подчеркиваньем при этом особенного внимания к калмыцкому народу и к наместнику, находит об'яснение в обстоятельствах того момента: тогда именно, с мая 1747 года, стали ходить слухи о сборах Дондук-Даши к уходу за-границу. Правда, правительство не придавало серьезного значения этим слухам и считало их вздорными, но, тем не менее, на всякий случай, считало необходимым, в целях приласкания наместника, оказывать ему известные знаки внимания и по возможности удовлетворять его просьбы и представления. Так, по ходатайству астраханского губернатора Брылкина, с калмыков-посланцов Дондук-Омбо, возвратившихся с китайской границы, был снят таможен-

---

[4] АКА, д. 1746 года, № 195, лл. 390—391.
[5] Там же, лл. 396 об.—397.

ный сбор, взятый в мае 1747 года царицынским комендантом А. Микулиным в сумме 125 рублей за привезенные китайские товары[6]. Правда, просьба Дондук-Даши о сложении с калмыков таможенного сбора, взятого в Сибири, не была уважена правительством; посланец наместника Габунг, отправленный по этому делу в Петербург с «листом», не был допущен к двору «сперва—за частыми ее и. в—ства отсюда в Петергоф и в другие увеселительные места походами, а пред отпуском его за тем, что в одной квартире с ним бывшие дербетовых владельцев посланцы ели мертвечину»[7],—тем не менее, правительство постаралось обставить отказ приличными об'яснениями, проводя в них мысль, что только по особой милости к наместнику и калмыцкому народу было дозволено вывезти китайские товары в степь, тогда как по закону их следовало конфисковать в казну, или же передать наследникам Дондук-Омбо. В указе от 7 сентября 1748 года кид писала Спицыну: «ежели наместник ханства, или кто другой из владельцов, зайсангов и попов калмыцких будет говорить о взятых с посланцов их в Сибири пошлинах, об'являя, яко напред сего с калмык их нигде пошлин не брано,—и на сие им говорить по силе учиненной здесь резолюции, обвиняя во всем том поступки посланцов их, и что все те товары не конфискованы из высоч—шей ее и. в—ства к калмыцкому народу милости, и какое о том в народе их будет разглашение, о том вам сюда и губернатора астраханского при оказии репортовать»[8]. С содержанием правительственной «резолюции» нас знакомит письмо канцлера Бестужева-Рюмина к Дондук-Даши от того же 7 сентября 1748 года: «по всесветским правам», все калмыцкие товары, за незаконную их продажу без пошлины, следовало бы конфисковать в Сибири в казну, или, в крайнем случае, отдать наследникам Дондук-Омбо,—писал канцлер; «но»,—прибавлял он,—«из сего ни первого, ни

---

[6] АКА, д. 1747 года, № 198, лл. 460—481.

[7] Калмыки, проживавшие на Вас. Острове по 14 л. на Канцелярском дворе и пользовавшиеся казенным довольствием, взяли у русских людей мертвую корову, которую те везли на роспусках в лес, чтобы зарыть в землю, разрезали на части, принесли в квартиру и, „по их калмыцкому обыкновению", ели, а „достальное на верху покоев развесили"; между тем, летом 1748 года на В. Острове был падеж рогатого скота, и отданы были распоряжения немедленно зарывать в землю павшую скотину. Когда поступок калмыков стал известен, их заставили собрать в мешки оставшееся нес'еденным мясо, отнести „в отдаленное от жилья место" и там зарыть в землю. АКА, д. 1748 года, № 207, лл. 390—391.

[8] Там же, л. 357.

другого из высоч—шей ее и. в—стра к вам, и к прочим владельцам, и ко всему калмыцкому народу милости не учинено, яко же и взятые в Царицыне с тех же товаров обыкновенные пошлины еще до прошения вашего, по представлению г—ра астраханского и по посланному отсюда указу, велено вам возвратить»[9].

2 октября 1747 года, одновременно с ходатайством о сложении сибирского таможенного сбора, Дондук-Даши просит канцлера об исправлении старого тангутского ланцета и изготовлении 4—5 ланцетов, „из хорошего железа и искусным мастером" по прилагаемой модели, так как у калмыцких „лекарей хороших и острых ланцетов не имеется", да и хорошего железа нет. 28 ноября того же года просит прислать «академического доктора» и того доктора, который лечил наместника от лихорадки в 1741 году, так как „болезнь весьма жестоко меня схватила и не таким уже подобием, как напредь сего случалось, но отменным", при том „сия болезнь не токмо по продолжительном времени, но и в одном дни различным образом во мне переменяется",—жалуется он канцлеру и, указывая, что от тяжелых приступов болезни „в великом страхе находится", просит прислать, кроме доктора, лекарств по списку[10]. 27 февраля 1748 года, в связи с отправкой посланцов в Тибет чрез Хиву и Бухару, просит нарисовать и прислать „находящимся на сем свете великим государствам и знатным местам ландкарту, с надписью на калмыцком языке[11]. Просьбы были удовлетворены так или иначе. Тангутский ланцет был „припущен"; по присланной модели, „из хорошего железа и добрым мастерством" изготовлены новые ланцеты. Относительно докторов канцлер сообщил, что лечивший наместника в 1741 году доктор уехал в свое отечество и уволен от службы, а других докторов в столице

[9] Там же, лл. 382—383.

[10] В списке значатся: „1, В слоновой печенке растет лекарство, подобное яичному желтку. 2, Красное и белое сандаловое дерево. 3, Белое, черное и пестрое алойное дерево. 4, зверя, называемого по калмыцки дом, желчь; которой зверь подобен медведю и черен, токмо тем разнствует от медведя, что у него душкою имеется не великое белое пятно, и с хвостом, а медведь бывает без хвоста. 5, особливо весьма потребно лекарство, называемое манцен (*на полях*: по об'явлению морской аптеки аптекаря, оное называется опиум). А понеже"—прибавляет Дондук Даши в письме к канцлеру,—„вам о таком звании не известно"—речь идет о манцен,—„и для того оного лекарства малую часть, во особливую бумажку завернув, при сем прилагаю. А о трех алойных и двух сантальных деревьях надеюсь, что и Унзат (на полях: Павел Болучин) известен" там же, л. 368 и об.

[11] Там же, лл. 364; об.—367, 378.

не много, но Дондук-Даши может требовать к себе доктора из команды астраханского губернатора, у которого их „довольно“. Из просимых лекарств посылается сантальное и алойное дерево, а также опиум, „но токмо оные деревья, по объявлению здешних докторов, к каменной болезни“, которою страдал Дондук-Даши, „не принадлежат, а особливо-опиум в случае оной болезни и вредителен“; опиум принимается „по малому числу, а именно-величиною с одну или две маленькие горошины в сутки“. Прочих требуемых лекарств не нашлось. Послана была к наместнику и „ландкарта круга земного“, на пяти листах, но без калмыцких подписей, так как „оную на калмыцкой язык переводить (было) некогда“. Кроме того, Бестужев-Рюмин прислал в подарок наместнику готовальню с бритвами и разными другими инструментами.

Но особенно канцлер обрадовал Дондук-Даши присылкой с Габунгом панцыря—казан, с шишаком и наручами, которыми после хана Аюки преемственно пользовались Церен-Дондук и Дондук-Омбо, и которые ханша Джан, вдова Дондук-Омбо, отдала было своим братьям, кабардинским владельцам. Дондук-Даши давно уже хлопотал о возвращении ему этих знаков (инсигний) главного правителя калмыцкого народа. Теперь они препровождались ему при пояснении канцлера, что русская власть также рассматривает их, как знак „чина наместника ханства калмыцкого“, и что после Дондук-Даши они должны быть переданы тому, „кто по высоч—шему ее и. в—ства соизволению учрежден будет главным над калмыцким народом управителем“[12].

На посылку панцыря к Дондук-Даши как раз в то время, когда он просил о сложении с калмыков сибирского таможенного сбора, нельзя смотреть, как на случайное обстоятельство; напротив, этот приятный подарок был сделан с рассчетом парализовать чувство недовольства за отказ в удовлетворении просьбы наместника. В нашем распоряжении имеется „Выписка о калмыцких ханах, и о их наследниках, сочиненная в июле 1761 года“. Это—оффициальный документ, приложенный

[12] Там же, лл. 384 об.—385, 388, 383 об.—384. Получив панцырь—казан, Дондук-Даши с 1749 года стал добиваться отдачи ему кабардинским владельцем Магометом Каргокиным еще других панцырей: ак-бюршак и бир-тана. В 1750 году ак-бюршак был получен. Дондук-Даши подарил его владельцу Замьяну, женатому на Дон-Араши, сестре наместника, но после ссоры с Замьяном отобрал у него этот панцырь в 1757 году. АКА, д. 1749 года, № 213, лл. 45—46 об.; д. 1750 года, № 220, л. 84; д. 1750 года, № 219, л. 159; д. 1758 года, № 270, л. 1 об.

к указу кид от 12 августа 1762 года о порядке провозглашения Убуши, сына Дондук-Даши, в звании калмыцкого наместника. В „Выписке“ по поводу этого панцыря сообщается следующее: панцырь „казан“, представленный в кид кабардинскими владельцами, братьями Джан, „в 1748 году, при случае происшедшего от него, наместника ханства, прошения о возвращении взятых в Селенгинску пошлин с отправленных еще от Дондук-Омбы к далай-ламе посланцов, у которых было деньгами и товарами на одиннадцать тысячь, на шесть сот, на тридцать на семь рублев, отослан вместо того к нему ж“[13]. *Отослан вместо того*, т. е. как бы в виде своего рода компенсации за уплату калмыками большого таможенного сбора в Селенгинске.

27 февраля 1748 года Дондук-Даши отправляет к Елизавете Петровне „лист“ о посланцах в Тибет; он намечает в состав посольства 113 человек, во главе с Зоучи-гелюнгом, Хошоучи-Цойджипом Тайджиным, Шарап-Дорджи и Абуджи. Из указанного числа посланцов, 23 калмыка имели остаться в Тибете для образования. Наместник просил написать „проезжий лист“ по русски, по калмыцки и по татарски; последнее необходимо было в виду предстоявшего пути „по землям бусурманских народов“. В провожатые до Бухары наместник просил дать 100 калмыков. Кроме того, ссылаясь на крайнюю бедность калмыков, которые „знатного чего не имеют“ для подарка далай-ламе, Дондук-Даши испрашивал „на такую потребность милостивой подачи“. Своих посланцов наместник предполагал отправить в дорогу или во второй половине мая, или в первой половине июня, „когда касаки с улусы своими откочуют вверх, а осенью оные касаки паки приходят на низ и бухарскою дорогою не дают проезда“[14]. 10 марта того же года Дондук-Даши возбуждает ходатайство об отправке к китайской границе посланца Даши с двумя спутниками. Даши был присоединен к посольству Дондук-Омбо после смерти в Петербурге бывшего калмыцкого хана Церен-Дондука, последовавшей 1 февраля 1738 года, и ехал к далай-ламе с поминальными подарками. После того, как посольство было возвращено из Селенгинска в калмыцкую степь, и Даши приехал сюда

---

[13] АКА, д. 1762 года, № 301, л. 87; „Выписка“ обнимает лл. 76—97 названного дела.

[14] АКА, д. 1748 года, № 207, лл. 371 об.—372.

вместе с прочими калмыками. Тем не менее, ему, как и некоторым другим, удалось, не заявляя китайцам о том, тайно послать в Тибет „знатную часть“ подарков далай-ламе с верными людьми, и он их получил, в замен же прислал бурханов и книг в трех ширях, которые тоже тайно от китайцев калмыкам доставили верные люди. Ожидалась еще посылка—„побольше первой“, но калмыков заставили уехать из Сибири. Теперь Дондук-Даши и просит об отправке посланца Даши с двумя товарищами на китайскую границу, так как ожидаемые от далай-ламы вещи—„весьма потребные“, и надо спешить их получением, иначе, „ежели оные вещи в чужих руках продолжатся, то не без утраты быть может“. Он надеется, что правительство даст распоряжение иркутскому в.-губернатору и селенгинскому бригадиру, „дабы они во взятьи удобным образом оных вещей из Кяхты оному Даше вспомоществование учинили“[15]. 7 сентября 1748 года Бестужев-Рюмин ответил на оба представления Дондук-Даши, что правительство согласно на посылку в Тибет только 40 человек калмыков, т. е. такого же числа их, какое было снаряжено в 1729 году. Паспорта будут даны посланцам на русском, калмыцком и татарском языках. Большее число людей „за благо не рассуждено“ посылать, „чтоб те люди напрасно не пропали“, следуя опасной дорогой. С этой же точки зрения правительство не находит резонным отправлять с посольством 100 провожатых калмыков, о которых просил Дондук-Даши, потому что если „на тех посланцов нападет сильная воровская партия, от тех ста человек обороны им быть не может, но паче таковым людством подадут причину тамошним народам о себе думать, что они едут с богатым караваном, и тем к вящему разбою их поострят“. Если бы нападения не произошло, то на обратном пути некоторые из сотни калмыки не утерпят учинить воровство в киргиз-кайсацких улусах и тем подадут „новую причину к сильному их на калмыцкие улусы приходу“. В качестве провожатых до Бухары посольству достаточно иметь трех человек, которым паспорта выдаст астраханский губернатор. Канцлер рекомендует наместнику послать калмыков от Астрахани до Мангишлака морем,—этот путь будет „способнее“, но Дондук-Даши может поступить в данном случае, как заблагорассудит, только с посланцами не следует отправлять вещей и товаров на

[15] Там же, лл. 374—375.

большую сумму, „ибо“,—пишет канцлер,—„я и доныне надежды не имею, чтоб оные до далай-ламы благополучно доехать могли“. Что касается отправки Даши к китайской границе для получения вещей от далай-ламы, то препятствий к тому со стороны правительства нет, но наместник должен будет послать Даши на свой, а не на казенный счет, так как отправка посольства Дондук-Омбо обошлась правительству около 30 тысяч рублей, и канцлер „удобного времени не нашол“ доложить императрице о новой просьбе калмыцкого наместника[16].

Не имеем сведений, отправил ли наместник посланца Даши к китайской границе, но, во всяком случае, астраханскому губернатору был дан указ от 7 сентября 1748 года, что „ежели наместник ханства похочет от себя человек двух или трех послать в Селенгинск на своем коште, то ему, губернатору, придать к ним одного толмача, и дать им паспорт и подорожную за их одинакие прогоны, и о том в сибирскую губернскую и в иркутскую провинциальную канцелярии писать, и сюда репортовать, и в прочем чинить по данной отсюда наместнику ханства резолюции“[17]. По поводу же отправки посланцов в Тибет чрез Хиву и Бухару Дондук-Даши вошел в переписку с оренбургским губернатором Неплюевым, чтобы получить от него сведения, где было бы удобнее посольству переправиться чрез Яик, и в каких местах больше кочуют киргиз-кайсаки в летнюю пору. Неплюев не дал никакого ответа наместнику, почему намерение его отправить посольство летом 1749 года не осуществилось. 1 мая 1750 года Дондук-Даши еще раз послал Ноувата с письмом к Неплюеву о тех же самых сведениях. 4 августа, заручившись предварительно указаниями высшей власти, Неплюев ответил наместнику в том смысле, что вопрос о переправе посольства чрез Яик для него—новое дело, не имеющее прецедента в оренбургской административной практике, и что об этом лучше будет наместнику справиться в Астрахани. О киргиз-кайсаках же он может сообщить следующее: они „не только повсюду, но и близь самой здешней линии и от Оренбурга до самого Каспийского моря, а от оного и до Хивы, также и вверх по Яику и выше оной близ Уя и Тобола рек и далее кочуют“. Кроме того, их кочевья располагаются „близь самой Хивы, и Бухары, и дру-

[16] Там же, лл. 385 об.—387.
[17] АКА, д. 1753 года, № 237, л. 33.

гих степных же и своевольных народов". Наместник сам знает, „сколь легкомыслен тот народ"; при проезде чрез киргиз-кайсацкие улусы нельзя ни на кого из киргиз-кайсаков понадеяться и считать себя в полной безопасности, а по линии, „от продерзостей их", приходится иметь „всегдашнюю осторожность". Русские купцы избегают ездить в киргиз-кайсацкие улусы с торговыми караванами; киргиз-кайсаки сами приезжают в Оренбург и здесь приобретают все, что им нужно. Выше Гурьева городка Неплюев не может пропустить калмыцкое посольство чрез Яик без особого указа, а „Гурьев городок и ниже оного места—уже не оренбургского, но астраханской губернии ведомства"[18]; так писал наместнику Неплюев. По получении этого ответа, Дондук-Даши 27 сентября 1750 года обратился с просьбою к Елизавете Петровне дать указ Неплюеву о свободном пропуске калмыцкого посольства чрез Яик, или если „киргиз-кайсаки и впредь будут кочевать в тех местах, и тем и бухарскую дорогу запрут", то было бы разрешено посольству отправиться в Тибет чрез Тобольск „на собственном еоште", с указанием в проезжем листе, что „оные его (наместника) люди на собственном их коште к далай-ламе отпущены чрез Тобольск по мунгальской дороге". Предоставление посольству возможности ехать на собственные средства придаст поездке характер частного паломничества и будет сопровождаться благоприятными результатами для калмыков: так как „всякому человеку по закону своему моления отправлять никто запрещения не чинит", то,—рассуждает Дондук Даши,—„и китайской хан оных людей его, яко для моления отправленных, по мунгальской дороге без задержания пропустит, а прежде китайской хан не пропустил их, может быть, по той причине, что те посланцы отправлены были почтенным образом и на казенном коште". Свою просьбу Дондук-Даши повторил еще раз 23 марта 1751 года, когда уже стал заметно склоняться к мысли о мунгальской дороге, как более удобной[19]. В письме к Неплюеву от 15 марта 1751 года он определенно заявляет, что, „за опасностью от киргиз-кайсак", для него стало „сумнительно" отправлять калмыков чрез Хиву и Бухару, и он хлопочет теперь о разрешении „к

---

[18] Гурьев городок был передан в ведомство оренбургской губернии уже позднее, 1 января 1753 года, по указу сената от 25 мая 1752 года. *В. Н. Витевский*, цит. изд., вып. 2, Казань, 1890, стр. 267, и вып. 4, Казань, 1895, стр. 739—740.

[19] АКА, д. 1753 года, № 237, лл. 33 об.—37 об.

тому Зоу отворить ту дорогу, которою (калмыки) и прежде езжали", т. е. „из Астрахани прямо уже чрез мунгалы". Собираясь раньше отправить посланцов бухарскою дорогой, наместник закупил в Астрахани „не мало разных товаров" и собрал верблюдов. Вследствие дешевизны товаров в Монголии и отсутствия нужды в верблюдах для поездки чрез Сибирь, и то, и другое теперь необходимо распродать, в избежание напрасного убытка. „И для того", —пишет Дондук-Даши Неплюеву,— „ныне послал (я) все оное для промену в Оренбург и велел на него доставать хивинского серебра и червонных, ибо оному в Оренбург привоз бывает всегда не малой". Дондук-Даши просит оренбургского губернатора, „чтоб оной товар без запрещения, и неудержно, и без пошлинных денег продан был,... дружеское старание употребить, и посланных от меня для того калмык к скорой промене тех товаров принуждать, и как скоро променяют, то им поскоряя ко мне и отпустить"[20]. Надо сказать, что калмыки были освобождены от уплаты таможенного сбора в Оренбурге по особому представлению Дондук Даши, выражавшего недовольство по случаю взимания этого сбора с калмыков в Оренбурге, тогда как раньше, „с начала приходу их на Волгу, ни в котором городе пошлин с них не брано". Указом кид от 8 августа 1750 года Спицыну дается знать об освобождении калмыков и подвластных им ногайцев и трухменцев от пошлинного сбора при продаже скота и товаров в Оренбурге тамошним обывателям и русским купцам, равно как и при покупке от них скота и товаров, при чем было предписано „со всего того надлежащую по указом одинакую или двойную пошлину брать с русских купцов и других обывателей, как то в Астрахани и в других тамошних городех издревле чинится, а в пошлинном сборе казне ее и. в ства от того ущерба не бывает, и впредь быть не может". Калмыки и подвластные им ногайцы и трухменцы не освобождались от пошлин в том случае, если они, переехав Яик, являлись на тамошний Меновой Двор для торговли с киргиз-кайсаками и другими азиатскими купцами; это было установлено в тех рассчетах, „чтоб российские купцы, астраханские юртовские татары и другие иноверцы своих товаров под калмыцким именем беспошлинно менять и продавать не могли"[21]. О невзимании с калмыков пошлин-

[20] АКА, д. 1751 года, № 221, л. 222 и об.
[21] АКА, д. 1750 года, № 218, лл. 301 и 303.

ных денег Дондук-Даши и напоминает Неплюеву в письме от 15 марта 1751 года, которое тот получил 28 апреля.

В «листе» к Елизавете Петровне и в письмах к канцлеру Бестужеву-Рюмину и в.-канцлеру Воронцову от 7 апреля 1752 года[22] Дондук-Даши, оставляя мысль об отправлении посланцов бухарскою дорогой в виду опасности со стороны киргиз-кайсаков, просит разрешить калмыкам поездку в Тибет на собственные их средства мунгальскою дорогою[23]. При этом в письме к Бестужеву-Рюмину, в качестве побудительных причин к скорейшей отправке посольства, он указывает на свои преклонные годы («век мой за половину уже перешел») и на застарелую болезнь, от которой не находит помощи от врачей. Последнее обстоятельство заставляет Дондук-Даши просить канцлера о присоединении к посольству еще двух человек калмыков, которые купили бы в Кяхте лекарств и тут же возвратились бы в калмыцкую степь[24]. 15 октября 1752 года кид определила: „Понеже оной наместник ханства калмыцкого Дондук-Даши почти с самого его в наместники определения, а именно с 1742 года и тако чрез десять уже лет о таком позволении, чтоб посланцов его к далай-ламе отправить, усиленным образом домогается, в чем ему по-ныне не только не отказывано, но в 1747 году и позволение дано было учинить такое отправление в сороке человеках морем чрез Мунгышлак, или сухим путем чрез Яицкой Гурьев городок, и потому ежели ныне в прошении его не удовольствовать, то тем как ему, наместнику ханства, так и всему калмыцкому народу, яко в принадлежащем до закона их деле, которому они, по своему суеверию, известным образом весьма преданы, крайнее огорчение учинено будет, тем наипаче, что напред сего от всех ханов калмыцких таковые к далай-ламе посланцы чрез Сибирь отправляемы были еще на здешнем казенном коште,—того ради за потребно признавается и при нынешнем случае на вышеупомянутое прошение поступить, особливо же—что при том не только казенного убытка быть не имеет, но еще и польза от сбору с них пошлин будет, и для того дать оным его посланцам и потребной к тому проезжий за государственною печатью указ, в

[22] По калмыцкому обозначению времени: „обезьянина года, лошадиного месяца' 4-го дня".
[23] АКА, д. 1753 года, № 237, лл. 38 об.—46.
[24] Там же, лл. 41 об.—42.

котором и ныне против прежнего ж написать, что отпущено их 40 человек и на их собственном конте; а при отправлении тех посланцов к далай-ламе, также и при возвращении их оттуда, с товаров, при них будущих, по указу... 1719 года февраля 26 дня с 3 тысячь рублев не брать, а что сверх той суммы при них будет, с тех товаров в оба их проезда взять указные пошлины"[25]. О разрешении отправить двух особых посланцов до китайской границы, с целью приобретения лекарств для Дондук-Даши, говорится в указе кид в астраханскую губ. канцелярию от 16 октября 1752 года на ряду с предписаниями касательно порядка отправления посольства. До Тобольска калмыков должен был сопровождать надежный офицер с искусным толмачем и тремя—четыремя солдатами на калмыцких лошадях и верблюдах. Маршрут назначался на Казань, Верхотурье и. Тобольск. С Тобольска офицер с толмачем и солдатами возвращался обратно на прогоны из астраханской губ. канцелярии «из убылых калмыцких владельцом окладов»[26]. В указе кид от того же числа в сибирскую губ. канцелярию сказано, что по прибытии калмыцких посланцов на границу „о свободном их до далай-ламы чрез мунгалы проезде со здешней стороны никакого домогательства чинить не надобно, а имеют о том сами они стараться; и для того, на границе ли, или в Иркутску между тем быть они похотят и такого позволения от китайского двора ожидать, оное оставить на их волю, и отвесть им надлежащие квартиры". В случае непропуска калмыков чрез границу, им разрешалось распродать имевшиеся у них товары, но только—с уплатой пошлины [27]. В „пасе", дававшемся калмыцким посланцам за государственною „меньшею" печатью, упоминалось о следовании их до далай-ламы на собственном коште и необходимости свободного и без задержки пропуска повсюду, где бы они ни ехали, „за что каждым обласгям в таковых случаях во всероссийской империи воздано будет"[28]. 16 октября Бестужев-Рюмин письмом известил наместника о разрешении калмыцкому посольству ехать в Тибет мунгальскою дорогой, а двум калмыкам следовать к китайской границе и в благодарность за присланные два персидских изор-

[25] Там же, лл. 46 об —47 об.
[26] Там же, лл. 48—49.
[27] Там же, лл. 51—52.
[28] Там же, лл. 53 об.—54.

бафа „большой руки" и черкесский сайдак, презентовал наместнику антал-венгерского вина, 10 ланцетов и «лекарство, какое здесь по полученным образцам сыскано»[29]. Воронцов за подобные же подарки наместника посылал ему „готовальню яшмовую и табакерку бергамотовую", а жене наместника „коробок для женского убора да ящичек с конфектами"[30]. Посланец наместника Бекболот с двумя товарищами были отпущены из столицы с наградой: Бекболот получил в «жалованье» 50 рублей денег, два его товарища получили 14 и 12 рублей. Во время пребывания посланцов в столице, Бекболоту выдавалось по 20 коп. кормовых денег на день, его товарищам по 14 и по 12 коп.; на дрова и свечи всем им было положено в летнее время по 4 коп., зимой—по 6 коп. на день. Кормовые деньги в обратную дорогу были определены в размере «против здешней дачи в полы, по 23 коп. в день», всего же на 60 дней дороги посланцам было отпущено 13 рублей 80 коп. кормовых денег[31].

От'езд калмыцких посланцов из степи в Тибет в ближайшее время однако не состоялся. Чтобы увеличить численность своего посольства почти до нормы посольства Дондук-Омбо, которое состояло из 70 человек, Дондук-Даши стал хлопотать о присоединении к 40 человекам, ехавшим на калмыцкий счет, еще 20 человек на казенный счет. В конце концов, ему удалось добиться этого в марте 1754 года[32]. Отправка 60 калмыков сначала была намечена 5 октября 1754 года[33]. Но потом она была отложена на осень следующего 1755 года, когда действительно и состоялась. 3 сентября 1755 года Спицын выдал посланцам калмыкам подорожную и сообщил об отправке 60 человек калмыков в Сибирь и дальше в Тибет казанской, сибирской и иркутской канцеляриям. 4 сентября он подписал инструкцию из 15 пунктов для капитана астраханского гарнизона Л. Голявинского в руководство при сопровождении калмыков до Тобольска. При Голявинском состоял толмач; команду со-

---

[29] Там же, лл. 54 об.—56.

[30] Там же, л. 56 об.

[31] Там же, л. 57 и об.

[32] АКА, д. 1755 года, № 243, л. 64.

[33] АКА, д. 1754 года, № 240, л. 16.

ставляли солдаты и драгуны в числе 12 человек. На путевые расходы команды и 20 человек калмыков, ехавших на казенный счет, капитан получил 1101 руб. 17 коп.[34]. При том же посольстве ехали и два калмыка, в том числе Бекболот, для закупки лекарств наместнику, но теперь им было разрешено искать лекарства не только на китайской границе, но и в Монголии[35]. Отправив посольство, Дондук-Даши написал канцлеру, что дал поручение этим двум специальным посланцам просить у монгольского хутухты искусного лекаря, но теперь сомневается, пропустят ли его чрез границу русские власти. Письмом от 26 марта 1756 года канцлер рассеял сомнения Дондук-Даши, сообщив, что „о пропуске оного мунгальского лекаря ныне отсюда в Иркутск и указ отправлен“[36]. Две партии лекарств для наместника—одна в двух ящиках, другая из 14 названий в одном ящике последовательно прибыли в Москву и отсюда были препровождены к Дондук-Даши с особым курьером, о чем кид давала знать Спицыну 18 апреля 1756 года[37]. 26 августа того же года в Астрахани была получена промемория сибирской канцелярии от 14 марта, что 18 марта калмыки, посланцы наместника Дондук-Даши, в составе 61 человека выехали из Иркутска на китайскую границу в сопровождении капитана сибирского гарнизона Шарыгина и команды из 9 человек. Во главе калмыцкого посольства стоит Хошоучи-Цойджип, заменивший Зоучи-гелюнга, умершего в пути[38]. Потом, кроме Зоучи-гелюнга, посольство потеряло еще трех человек, которые умерли «в китайской стороне». Посланцы Дондук-Даши не задержались на Д. Востоке. Они довольно скоро закончили там свои дела и меньше, чем чрез три года, вернулись в калмыцкую степь. Между тем, поездка Намки-геленя в 1729 году заняла почти четыре года до момента прибытия его с Д. Востока в Енисейск, а если присоединить сюда еще время изоляции Намки, по приезде из-заграницы в самой России, то получится почти шесть лет его отлучки из степи[39]. 2 декабря

[34] АКА, д. 1755 года, № 246, лл. 242, 233 об.—241, 244—250, 152 об.—153.

[35] Там же, л. 99.

[36] АКА, д. 1756 года, № 257, л. 273.

[37] Там же, л. 293. Реестр лекарств см. в приложении.

[38] Там же, лл. 482—485.

[39] См. в 1 ч. „Этюдов“ стр. 76—100: „Поездка калмыков на Дальний Восток в 1729 году“.

1757 года посольство Дондук-Даши уже переступило русско-китайскую границу и было принято в Кяхте пограничным русским начальством от китайского зургучея Улюмчая[40]. Дондук-Даши не надеялся на скорое возвращение посланцов и был очень удивлен, когда в конце марта 1758 года к нему явился первый вестник из состава посольства с сообщением, что остальные его товарищи—уже в Соликамске и ожидают открытия водного пути, чтобы следовать в калмыцкую степь. Чрез прибывшего калмыка Дондук-Даши получил некоторый запас тибетских лекарств[41] и узнал от него, что далай-лама „от сего света преселился в Тараланговo место", но в Тибете уверены, что „скоро оной паки возродится"[42]. На другой день по приезде посланца Дондук-Даши поспешил поделиться новостью с Спицыным в письме к нему, которое тот получил в Енотаевской крепости 2 апреля[43]. 18 июля подпоручик енисейского пех. полка А. Чижов, сопровождавший из Сибири посольство до степи, рапортовал Спицыну о прибытии его в Черный Яр, откуда оно проследовало к хану, кочевавшему верстах в 40 от этого города[44]. От хана Спицын получил известие о приезде посольства 22 июля[45].

Преследовало ли посольство 1755 года—помимо поклонения далай-ламе и всего того, что с этим связано—какие-либо политические цели; ограничилось ли оно путешествием только в Тибет, не заезжая в Пекин; руководился ли Дондук-Даши

---

[40] АКА, д. 1758 года, № 267, л. 815.

[41] Главная партия лекарств—трав в 13 посылках была направлена в Москву, где, по освидетельствовании лекарств аптекарем главной московской аптеки Я. Юргенсом и признании их не ядовитыми, они были выданы кид калмыку Ороджуду 9 янв. 1759 года под роспиcку для отвоза к Дондук-Даши. АКА, д. 1758 года, № 274, л. 252 и л. 255.

[42] Умерший, седьмой по счету далай-лама назывался с-Кал-бсан-рГья—мцо; его преемнику было имя г-Ло-бсан—беДан-бай-дВан-чжук-Чжам-дБал—рГья—мцо; *А. М. Позднеев*—„Сказание о хождении в Тибетскую страну мало-дерботского Базабакши. СПБ. 1897; стр. 209, прим. 73. Если калмыцкие посланцы Дондук-Даши 2 декабря уже прибыли из Тибета в Кяхту, привезя с собой известие о смерти далай-ламы, то указание А. М. Позднеева, правда—приблизительное, как и сам он оговаривается, о смерти седьмого далай-ламы в 1758 году, требует поправки.

[43] АКА. д. 1758 года, № 267, лл. 362 об.—363.

[44] Там же, л. 821.

[45] Там же, л. 824.

при выборе дороги для посольства сначала чрез киргиз-кайсацкие и средне-азиатские степи, а затем чрез Монголию, рассчетами политического свойства, или в данном случае играли роль одни лишь соображения большего удобства пути,—все эти вопросы мы должны оставить без ответа, за отсутствием в нашем распоряжении положительных документальных данных. А. М. Позднеев, основываясь на сохранившемся у калмыков предании, будто Дондук-Даши был страшно угнетаем неимением ханского титула, говорит, что он домогался отправки посольства к далай-ламе с целью выпросить у него этот титул[46]. Но если так, и если посланцы Дондук-Даши застали еще в живых далай-ламу с-Кал-бсан-рГья-мцо, то странно, почему они не выхлопотали у него ханского титула для Дондук-Даши и ханской печати; особенно это странно в виду того, что дербетовский владелец Галдан-Церен, прозывавшийся Чжичжэтэн, получил грамоту и печать, хотя, положим, грамота дана была ему не самим далай-ламой, а от его имени Дэму хутухтой[47] В 1758 году 20 февраля Дондук-Даши был об'явлен в ханском звании русским правительством, но и ставши ханом, он прикладывал к своим официальным бумагам ту же печать, какая была у него раньше, как у владельца и как у наместника. И Дондук-Омбо, не имея ханского звания от далай-ламы, а получив его от русского правительства, очевидно, тоже не решался заменить прежнюю свою владельческую печать другою. Напротив, Церен-Дондук, возведенный далай-ламой в «чин» Дайчин-Шаса-Бюджа-хана, стал тогда же прикладывать к своим «листам» новую печать[48].

Говорят, что вернувшиеся из Тибета калмыки привезли в степь указание далай-ламы, что калмыцкому народу необходимо оставить Россию и возвратиться к сородичам на Д. Восток, при чем будто бы далай-лама наметил и „счастливые годы“ к тому: 1770 и 1771. Переводчик М. С. Везелев, захваченный калмыками при побеге их в 1771 году, а потом освободившийся от плена и вернувшийся в Астрахань, показывал в калмыцкой экспедиции, что, как слышал он в плену от многих калмыков, их уход произошел „более по подзыву боготворимого ими

---

[46] *А. М. Позднеев*, цит. изд., стр. 121, прим. 1.

[47] Там же, стр. 121—122 и стр. VI—XI.

[48] См. 1 ч. „Этюдов“, стр. 98.

духовного далай ламы, которой де еще в то время, когда от бывшего хана Дондук-Даши и вообще от всего калмыцкого народа отправлены были к нему, далай-ламе, для поклонения калмыцкие посланцы, прислал к ним чрез оных подзывную свою грамоту, которою, обещая их к себе принять, дал им знать, что, по его пророчеству, не прежде им сие намерение в действо произвесть надлежит, как в 1770 или 1771 годех для того, якобы оное время к побегу их счастливым быть может, чем будучи калмыцкие владельцы уверены хотя и прежде ево, хана, по возвращении тех посланцов к побегу склоняли, но он, признав оное за неполезно, в том с ними не согласился"[49]. Подзывная грамота далай-ламы береглась у калмыков, а знаменательные годы прочно запечатлелись в их памяти. Несколько иное сообщает астраханский губернатор Н. А. Бекетов в докладе Екатерине II от 17 февраля 1771 года, касаясь причин бегства калмыков: он, между прочим, пишет: „Посланные не вдавне и без позволения, как прежде ими чинено было по указам, с подарками к далай-ламе, их первому богу, люди, по прибытии своем, чрезвычайно хвалили милость тамошнего богдыхана к пришельцам"[50]. Важно отметить то обстоятельство, что Бекетов писал приведенные строки до появления Везелева в Астрахани, со слов владельца Замьяна, вполне осведомленного в калмыцких делах. Бекетов говорил о каком то нелегальном путешествии в Тибет, совершенном калмыками, очевидно, после смерти Дондук-Даши[51], не задолго до ухода калмыков. Ничего не упоминая о воздействии далай-ламы, Бекетов указывает на впечатление, произведенное на калмыков милостями богдыхана к пришельцам. Таким образом, если в той части об'яснения причин ухода калмыков, которая относится к дальневосточному воздействию на них, Везелев полагает центр тяжести в влиянии далай-ламы, у Бекетова этот центр переносится на богдыхана. Впрочем, то и другое об'яснение можно соединить, приняв во внимание, что в тот исторический момент политика богдыхана в отношении к приволжским калмыкам сводилась к одному: он стремился привлечь калмыков к Джунгарии, потерявшей уже свою независимость, и расслоить

---

[49] АКА, д. 1771 года, № 359, л. 19. „Очерк", стр 72.

[50] АКА, д. 1771 года, № 360, л. 151 об.

[51] Последовавшей 21 января 1761 года.

ими население страны, с трудом примирявшееся с новым положением и готовое в каждую минуту поднять знамя восстания против деспотической власти богдыхана. Поэтому, если посланцам Дондук-Даши подавалась в Тибете мысль о необходимости ухода из России, то та же мысль развивалась пред приезжими калмыками и впоследствии, при чем она аргументировалась указаниями на милости, какие может ожидать калмыцкий народ от богдыхана. Впечатление, оставленное на калмыках „подзывом" далай-ламы при Дондук-Даши[52], еще раз было подогрето Тибетом, а может быть, и Монголией, в лице ее хутухты, во времена преемника Дондук-Даши, его сына Убуши не задолго до 1771 года.

24. VI. 27 г.

---

[52] По поводу поездки калмыков в Тибет к далай-ламе в 1755 году дербетовский владелец Галдан-Церен сложил песню, которую А. М. Позднеев слышал и записал в М. Дербете; цит. изд., стр. XI.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

АКА, д. 1756 года, № 257, лл. 294—295.

Реэстр сысканным лекарствам ламою Цаганом, по обязательству ево, и которые за чем не сысканы, также пишутся ниже сего.

В сообщенной из Иркутской канцелярии при промемории с реэстру наместника ханства калмыцкого Дондук-Даши лекарствам копии написаны названия следующие.	**Из оных же названий некоторые при здешнем переводе признаны именуемыми быть на Тангутском же языке по нижеследующему.**	**Оные же лекарства и по мунгальски.**	**Из оных лекарств некоторые именуются по настоящему российскому названию следующими речьми.**	
Бонгай Гарбо Ганчей	Бумга Гарбо	Цаган Бунмга	Корень травы, называемой Бумга Гарбо.	Оные четырнадцать званиев лекарства сысканы в Селенгинском ведомстве.
Дикда Намба Нара	Дикда Намбани	Хоюр Дзул Дикда	Цветок травы, называющийся Дикда, кой видом лазоревой, еще ж бывает и вишневой.	
Башагай	—	—	Трава, называющаяся Башагай	
Гадур	—	—	Трава, корень названием Бад	
Реджакба	—	Далантуру	Корень травы белой	
Банджидова	—	—	Листья зеленые травы Банджидова	
Аджак Цергнон	Ажак Цергнон	т о ж	Листья травы, называющейся сим названием	
Гарбу Чиктун	—	—	Трава, названием корень мужик	
Микман Санджи	—	Бурханай Нюдун Цыцик	Лекарство, именуемое божий глаз	
Медок Люкмин	Медок Люкмин	Хонниней Нюдун Цыцык	Цветок, называемый овечий глаз	
Дали Медок	—	—	Цветки видом малиновые, растущие на малых кустах	
Чюза	—	Чишунен Уядусу	Корень, называемой черенковой ревень	
Дюдзилома	—	—	Освященная ветвь	
Бракшун	—	—	Мумия, текущая из каменных гор	
ИТОГО 14.				
Дарбу	—	Чецаргана	Красные ягоды дерева Чецарганы	Лама Цаган-Эмчи об'явил, что оных лекарств не нашол за тем, что оные в нынешнем 755 г. не родились.
Реми Гесар	—	—	Трава, на которой растут шишки с семенем, названием Реми Гесар	
Домкри	—	Домин Чусу	Желчь зверя, называемого Дом, он же и медведь	Оные достаются, и как получено будет, тогда пошлются в иркутскую канцелярию
Доликбу	Лардзей	Кударин Зар	Мскус, оное берется от зверя Хабарги	
Бонгар	—	Цаган Куку	Ладан кадильный	
Зидарага	—	—	Стручки перца астраханск.	

V.

Прикочевка джунгарцев в калмыцкую степь в 1758 и 1759 годах.

После смерти джунгарского хун-тайджи Галдан-Череня в сентябре 1745 года и кратковременного правления его сына Цеван-Дорджи-Намджяла, убитого братом Лама-Дорджи в 1750 году, в Джунгарии начался период междоусобий, завершившийся, при активном участии Китая, политическим ее падением в 1757 году.

Лама-Дорджи, завладевши властью, встретил себе соперника в лице Дабачи, сына Церен-Дондуба старшего, приходившегося племянником джунгарскому хану Сэнгэ, предшественнику Галдана-бошохту. Дабачи, при поддержке ближайшего родственника Амурсананя, внука по матери Цеван-Раптану, который правил Джунгарией после Галдана-бошохту, справился с Лама-Дорджи, но отдалил от себя Амурсананя, так как замечал его стремления перехватить власть. В 1754 году Амурсанань едет в Пекин, получает от богдыхана звание цинвана, т. е. принца первой степени, и с китайскими войсками разбивает Дабачи в начале 1755 года. Однако, его надежды стать правителем Джунгарии, о чем он мечтал так страстно, что, по выражению китайских историков, у него «слюни текли из рта", —не сбылись. Пекин не вручил ему власти над страной, и Амурсанань решил добиться ее сам при помощи своих приверженцев-джунгарцев и при содействии киргиз-кайсаков. Но задача оказалась непосильной; после ряда сложных перипетий побежденный Амурсанань вышел на русскую границу, где и умер от оспы в Тобольске 21 сентября 1757 года»[1].

[1] *И. Бичурин*—цит. изд., ч. IX, стр. 78—97. *Г. Е. Грумм-Гржимайло*—цит. изд., стр. 676—682. У *Н. Н. Бантыш-Каменского*—„Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1792 год. Изд. В. М. Флоринского. Казань. 1882", стр. 267—298, приведена переписка 1758—1760 г.г. между китайским трибуналом и русским сенатом по поводу домогательства китайского правительства получить труп Амурсананя для совершения над ним обрядов смертной казни, положенной государственным преступникам, к которым был причислен Амурсанань за измену.

Русское правительство внимательно следило за тем, что происходит в соседней с Сибирью Джунгарии. Уже в 1752 году, когда происходила борьба между Дабачи и Лама-Дорджи, и первые удачи были на стороне Лама-Дорджи, так что Дабачи с Амурсананем должны были спасаться бегством в Баклы-Гирейский род киргиз-кайсаков Средней Орды,—13 августа этого года кид предписала оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву употребить «крайнее старание» относительно привлечения джунгарских нойонов в Оренбург, воспользовавшись при этом и содействием Аблая, салтана Средней киргиз-кайсацкой орды. Бригадир А. И. Тевкелев должен был уверить джунгарцев, что они ни в коем случае не будут выданы из России джунгарскому правителю, а нойону Дабачи, «при удобном случае», «искусным образом и наедине внушать и то, (что) ежели он в здешнюю сторону ныне прибежище свое возымеет, то, может быть, подастся впредь случай чрез здешнюю помощь учинить его, яко ближнего наследника, и всего зенгорского народа владельцем». Так как в Оренбурге, не подалеку от арены политической борьбы в Джунгарии, которой заинтересован и Китай, выходцам-джунгарцам будет не удобно проживать, то Неплюев имел предложить им переезд на время в Казань, или на Волгу к калмыкам, обнадеживая выдачей кормовых денег по 50 коп. нойонам, по 20 коп. зайсангам и по 10 коп. их служителям в день. В случае, если бы джунгарский правитель заявил требование о выдаче нойонов и зайсангов с их людьми, Неплюев должен был дать ответ в том смысле, что «оные чрез Оренбург только проехали в здешний подданный торгоутский народ", и что этому нельзя было препятствовать «в рассуждении того, что в 1701 году при сыне Аюки-хана Санжипе из здешнего подданного торгоутского народа в зенгорский народ приняты такие ж нойоны: Данжин, Сюкеев сын, и его сыновья: Аю, Малай и Араптань, да его ж Данжиновы племянники: Дадна-Гара и Дарма с 20 тысячами кибиток улусных калмык". По поводу сообщения Тевкелева от 9 июля 1752 года о желании киргиз-кайсаков Средней орды принять беглых джунгарских нойонов и наделить их правами как бы своих владельцев, кид дает указание Неплюеву, что этого никак нельзя допускать, как дела, несходного с интересами русского правительства: если бы Дабачи почувствовал за собою столь твердую почву, то ему не трудно было бы уже склонить на свою сторону киргизов и

действовать вместе с ними для осуществления своих целей помимо русского правительства и во вред русской политике. Посылки Тевкелева уполномоченных к Аблай-салтану осенью 1752 года и весной 1753 года не сопровождались успехом: Аблай с явным неудовольствием отнесся к предложению переговорить с Дабачи, Амурсананем и другими влиятельными нойонами о приезде их в Оренбург, так как был сторонником плана наступления киргиз-кайсаков на Джунгарию совместно с нойонами[2]. Да и Дабачи не имел в виду уходить в Россию. Скоро ему удалось свергнуть Лама-Дорджи и взять в свои руки, хотя и не на долго, правление Джунгарией.

В 1753 году Неплюев доложил правительству о желании одного из джунгарских нойонов, Намки-Дорджи присоединиться к волжским калмыкам с 10 тысячами своих кибиток. Учитывая все более и более осложняющееся положение Джунгарии, как и заинтересованность в ней Китая, правительство дало указание оренбургскому губернатору «до времени не мешаться» в дело кого бы то ни было из джунгарцев-нойонов, и если бы Намки-Дорджи «собою в близость к р. Иртышу на степную сторону прикочевал, в том ни дозволения, ни запрещения ему не чинить". Приход на Волгу джунгарского владельца с его 10 тысячами кибиток, правда, усилил бы волжских калмыков, а это не желательно, но, с другой стороны, важно, что „зенгорской народ может чрез то ж притти в некоторую слабость. Итак",—решало правительство,—«ежели он чрез киргиз-кайсаки проберется, и будет просить пропуску чрез Яик, то... и пропустить его». Однако, Намки-Дорджи раздумал выходить в Россию и предпочел остаться в Джунгарии, вероятно, надеясь, что Дабачи сумеет отстоять политическую независимость страны. Но в 1755 году судьба Джунгарии была уже предрешена,—ей приходилось стать китайской провинцией, а так как это уязвляло национальное чувство джунгарцев, то среди многих из них обозначается тенденция покинуть страну и уйти за ее пределы в соседнюю Россию, хотя бы на время, в ожидании лучшего будущего. 21 ноября 1755 года Неплюев доносил правительству по рапортам полковника Дегариги и г.-м. Крофта—командиров колыванской и кузнецкой линий, что 15 джунгарских зайсангов «с своими волостьми имеют прилежное жела-

---

[2] *В. Н. Витевский*—цит. изд., вып. IV. Казань. 1895, стр. 742—748.

нее быть в подданстве нашем, обещаясь и ясак наперед хотя за три года отдать и впредь оной против прочих платить, и требуя, во обнадеживанье их, присылки к себе нарочного человека, об'являя при том и сие, что к мунгалом в подданство итти они не желают». Неплюев посылал для разведки драгуна Шебалина в двоеданские телеутские волости, куда явился и джунгарский зайсанг Канзан Бектелеев; по уполномочию других зайсангов в числе 11 человек, Бектелеев заявил, «что они, 11 зайсангов, во убежание от подданства мунгальского, все имеют ревностное желание с людьми своими в подданстве нашем быть, и ясак противо прочих ежегодно платить, а сверх того, такое ж желание имеют и еще 8 зайсангов, и просили, чтоб их в нашу империю принять, и мунгальскому войску о том, что они имеют нам ясак платить, об'явить, чрез что б могли они от их мунгальского подданства спастись». Кроме того, о желании принять русское подданство поступило заявление от зайсанга Омбо, кочевавшего вблизи Чакверской крепости; в его подчинении состояло свыше 500 кибиток урянхайцев и бухарцев, которые боялись, что их «в китайскую землю без остатку погонят», почему и просили о приеме в Россию «в скорости, дабы от той китайской силы возыметь свободу». Неплюеву казалось не бесполезным удовлетворить просьбу джунгарцев, потому что «такая их преданность ныне, при случае киргиз-кайсацких и башкирских дел, к лучшему оных успеху служить бы могла», но, с другой стороны, он не знал, «куда их (джунгарцев) девать и как, по приеме, содержать». Военных сил в пограничных крепостях было мало и в случае погони за джунгарцами оборонить их от неприятеля не представлялось возможности. Неплюев проэктирует выстроить ряд новых крепостей по озеру Зайсанг и в верховьях Иртыша, от чего получилась бы двоякая польза: не надо было бы содержать колыванскую и кузнецкую линии, а главное, «хотя б те калмыки, которые б в нашу протекцию были приняты, после и ушли, из того убытка не было же, но довольно того, чтоб желаемая граница утвердилась, которую б ныне основать можно под образом им, калмыкам, защищения от киргиз-кайсак и прочих». В докладе от 17 декабря, по поводу указания правительства препровождать выходцев-джунгарцев под охраной за Иркутск к братским калмыкам, или на Волгу к торгоутским калмыкам, Неплюев замечает, что у джунгарцев нет намерения итти ни к братским, ни к торгоутским

калмыкам,—они хотят быть только в черте русской границы. На представления оренбургского губернатора правительство отвечало ему грамотой от 27 января 1756 года: «Желающих вступить в подданство наше зенгорских зайсангов на таком основании, чтоб их допустить пребывание иметь при сибирских линиях, в нашу протекцию принимать за полезно не рассуждается»,—читаем в грамоте: «ибо когда они, при настоящем на тех линиях малолюдстве военных людей в такой близости от прочего зенгорского народа будут, то надобно рассуждать, что с зенгорской, или киргиз-кайсацкой стороны едва ли оставят их в покое. А хотя б, по нынешнему того зенгорского народа междоусобию и изнеможению, сего не случилось, но их на границах наших к поселению привесть невозможно, а по кочевому их состоянию не надежно, чтоб они надолго в тех местах ужились, толь наипаче, что они и о протекции нашей принуждены ныне просить токмо для того единого, чтоб чрез то им от мунгал спастись, а впредь паки быть свободным, в каковом намерении толь охотно и подать вперед за три года дать обещают, которую в другое время и природным своим владельцам с принуждения платят». Что касается до постройки новых крепостей по озеру Зайсанг и в верховьях Иртыша, то, даже при неудобствах производить эту постройку на глазах у джунгарцев, правительство считает это весьма полезным делом, в особенности—если район крепостей не будет черезчур обширным и расположение местности, как ее представляет Неплюев, совпадет с точными исследованиями геодезистов: „такое заступление ныне и без того претекста (т. е. защиты джунгарцев, вышедших в русское подданство) учинить удобное время настоит по причине продолжающегося в зенгорском народе междоусобия и утеснения их с китайской и киргиз-кайсацкой стороны“. В виду донесений селенгинского коменданта, бригадира Якобия от 17 июня и 28 августа,—сибирской канцелярии от 23 сентября и сибирского губернатора г.-л. Мятлева от 7 октября 1755 года о движениях с китайской стороны „многих мунгальских войск против зенгорцов“, почему „яко бы зенгорской народ уже в китайское подданство и предаться был принужден“,—правительство отменяет прежнее распоряжение о направлении выходцев-джунгарцев «за Иркутск в братские народы», так как они «с мунгалами смежны», и можно опасаться, «что с китайской стороны, видя их в такой к мунгалом близости,

а зная совершенно о малолюдстве в тамошней стороне наших военных людей,... и силою их к себе не захватили». Да джунгарцы, конечно, и сами не пойдут к братским калмыкам. Поэтому, чтобы „нынешним зенгорского народа замешанием и междоусобием, ежели оной от того и подлинно пришол в бессилие, воспользоваться, здесь за благо рассуждено тех, желающих нашей протекции зенгорцов, принимать в подданство наше на такой кондиции: ежели они похотят перейти на Волгу к торгоутским калмыкам, ибо которые из них единаче туда зайдут, тем уже к обратному побегу никакого способа совершенно не будет. А при том, как с китайской, так и с зенгорской стороны прием их в здешнюю сторону столько чувствителен быть не может, нежели когда б они в близости от них находились“. Выходцев-джунгарцев следует прямо, без всякой задержки, направлять на Волгу для соединения с тамошними калмыками, и хотя бы от прихода к ним джунгарцев, приволжские калмыки несколько и поусилились,—«что однакоже едва ль быть может, потому что нечаятельно, дабы многие из зенгорцов на Волгу перейти похотели»,—все же надо предпочесть «ослабление зенгорцов усиливанию волжских калмык». В целях лучшего склонения джунгарцев к переходу на Волгу, правительство признало „за потребно“ обратиться к ним с особым „призывом“, чрез посредство подвластных калмыцкому наместнику Дондук-Даши посланцов-калмыков, «однородцов и одноэаконцов с ними, которых об‘явлению они, уповательно, скорее, нежели тамошних пограничных командиров поверят“[3].

27 января 1756 года канцлер Бестужев-Рюмин обращается с письмом к Дондук-Даши относительно ожидаемого прихода джунгарцев в калмыцкие кочевья. Сначала канцлер информирует наместника по части общего положения дел в Джунгарии, которое таково, что «ныне тот зенгорской народ находится в крайнем смятении, и есть ли у них главной владелец, о том здесь неизвестно». Затем Бестужев-Рюмин передает о просьбе

---

[3] АКА, д. 1756 года, № 257, лл. 42—49. В указе Мятлеву, от того же 27 января 1756 года, кид распоряжается отправить геодезиста и положить на карту, „коль велико расстояние от Устькаменногорской крепости до Зайсан-озера, также и Саянские горы по самое ли то озеро простираюгся, или как далеко до оного не доходят, и какие чрез те горы проходы, и пред сим около тамошних мест не было ль зенгорского кочевья, и где именно“. В случае невозможности послать геодезиста, надо со слов знающих людей „поправить одну из прежних ландкарт, чтоб на оной можно было основаться“, и прислать в сенат и в кид. Там же, лл. 50—51.

некоторых джунгарских зайсангов принять их в русское подданство и дозволить расположиться кочевьями «внутри тамошних сибирских границ», с обещанием «платить и подати всякие, какие с прочих тамошних сибирских народов в казну ее и. в-ства собираются». Но содержать джунгарцев на сибирских границах «сумнительно, ибо они со временем возвратно уйти могут». Между тем, необходимо пользоваться «нынешними зенгорского народа обстоятельствами» и возместить на счет прихода джунгарцев убыль, понесенную калмыками в 1701 году с отходом в Джунгарию 15 тысяч кибиток. Джунгарцам предложено перекочевать на Волгу в калмыцкие улусы, при условии принятия вечного подданства России, «но нечаятельно здесь, чтоб зенгорцы тамошним российским командирам в руки отдаться могли и им поверили, что их в российских жилищах не раскосуют», подобно тому, как были раскассированы среди джунгарских улусов приволжские калмыки в 1701 году. Поэтому, пишет канцлер наместнику: «здесь заблагорассуждено о всем том сообщить вам с таким требованием, чтоб вы немедленно выбрали из лучших ваших зайсангов одного человека, а к нему другого из попов ваших, на которых бы обоих верность и искусство совершенно положиться можно, а к ним и еще человек до 10 определили из рядовых калмык, такожде людей надежных, которых полковник Спицын имеет отправить в Тобольск на казенных подводах и с дачею им из казны кормовых денег, а именно: зайсангу и попу каждому по 25, а прочим калмыкам по 15 копеек. А такие деньги они и по возвращение их к вам в улусы калмыцкие получать имеют». В Тобольске калмыки будут снабжены инструкциями от губернатора Мятлева, а из Тобольска отправятся на казенных подводах до ближайших джунгарских улусов. Калмыки-посланцы должны адресоваться там в первую очередь к тем зайсангам, которые уже заявили о желании принять русское подданство, и сообщить им об условиях приема, уверив при этом, что джунгарцы будут освобождены от податей, и что их не раскассируют по калмыцким улусам на Волге. Путь назначается им по сибирским и оренбургским линиям и по р. Яику до самых кочевий волжских калмыков. От места до места джунгарцам будет даваться «пристойный конвой». «А понеже при первом случае на их верность в том положиться будет невозможно, чтоб они при таком их прохождении российским жили-

цам и подданным какого вреда не причинили, для того, при вступлении их с зенгорской стороны в здешние границы должны будут они, т. е. зайсанги зенгорские, несколько из детей своих с небольшим числом людей оставить в залог у пограничных командиров, от которых оные их дети отправлены будут после их к вам же в калмыцкие улусы. А что те их дети, у пограничных командиров оставляемые, по вступлении самих их к вам, в калмыцкие улусы, отданы им будут назад, а до того содержаны быть имеют в добром призрении, равным образом и сами они по линиям проходить могут со всякою от здешней стороны безопасностию, в том посланные ваши такожде, ежели б было надобно, и они и в том от них уверения формального требовать стали, и присягу дать им могут без всякого сумнения». Находясь в ближайших джунгарских улусах, посланцы-калмыки могут проезжать отсюда и вглубь Джунгарии, в целях разведки и агитации, «под претекстом каких-либо других дел», но только-когда это будет безопасно и непременно с ведома пограничного командира[4]. В указе кид Спицыну, от того же 27 января 1756 года, полковнику вменяется в обязанность при отправке калмыцких посланцов приложить «надлежащее старание, чтоб всемерно к тому назначены были люди надежные и понятные, дабы нынешнее зенгорского народа состояние чрез них заподлинно сведать и по тому пристойные меры принять было можно»[5].

14 февраля Спицын в письме к Дондук-Даши рекомендовал отправить в Джунгарию зайсанга Нуугута и гелюнга Джамбо-Джамсо, из которых в особенности считал подходящим для выполнения серьезной задачи последнего, «по бытности ево в тамошних местах[6]». Наместник, однако, предпочел ему Бюктер-гиин гелюнга и не возражал против Нуугута. 19 марта оба посланца с 10 служителями, при толмаче П. Бишахаеве и переводчике Пар. Прок. Девятияровском, выехали к сибирской границе, держа путь на Казань и Тобольск[7]. 26 марта Спицын рапортовал об этом в кид[8].

---

[4] Там же, лл. 35—38.
[5] Там же, л. 32 и об.
[6] АКА, д. 1756 года, № 253, л. 36 и об.
[7] Там же, лл. 87—91.
[8] АКА, д. 1756 года, № 256, лл. 58 об.—61.

Калмыцкие посланцы и переводчик Девятияровский не оказались на высоте положения. По приезде в джунгарские улусы, собирая зайсангов к отправке в Россию, они принуждали их собирать долги и записывать в списки джунгарцев даже упалый скот. А когда те не стали соглашаться на это, то Нуугат обратился к угрозам; он говорил, что, по приходе на Волгу, „всех их в холопи раздаст, а и до отправления их туда мучительски с ними поступать они будут"; вообще, зайсанг и переводчик „что хотели, то все сами же, да зенгорской писарь и писали". Обнаружились поборы Дегариги и офицеров его команды с джунгарцев. Мятлев назначил следственную комиссию по жалобам джунгарцев на их притеснителей. Девятияровский был изобличен во взятках, в подложных переводах и в дурных отзывах о следственной комиссии. Дело о взяточничестве военных чинов рассматривалось в военной коллегии, о Девятияровском— в кид. Чем поплатились офицеры, нам неизвестно, но о Девятияровском кид готова была вынести суровый приговор, если бы джунгарцы не отказались, в конце концов, от своих исков. Поэтому в 1764 году кид присудила переводчика: „за худые его, повидимому, в покупке у зенгорцов калмычат и прочего поступки, также за ослушание команды и напрасное на г.-п. Веймарна нарекание написать в толмачи на месяц, да в том числе на неделю еще посадить на хлеб и на воду". Зайсанг Нуугат тоже подлежал суду, но так как он на обратном пути умер, то дело о нем было прекращено[9].

Угроза Нуугата джунгарским зайсангам, что он их, по приходе на Волгу, „в холопи отдаст", была не пустой фразой, брошенной в пылу гнева,—она отвечала и представлениям Дондук-Даши. Не смотря на то, что в письме канцлера Бестужева-Рюмина от 27 января 1756 года ясно указывались условия приема джунгарцев, 1 августа 1758 года калмыцкий хан делает представление правительству о том, как он намерен поступать с джунгарцами, уже начавшими в ту пору выходить на Волгу партиями. Хан рассуждает, что „зенгорцы перешли оттуда не с прямым намерением, чтоб им вовсе остаться" при Волге, «но чтоб им спасти живот свой. И потому ежели их всех, по приходе, в улусы допустить жить вместе, то они прежних их тамошних жилищ и вод никогда не забудут». В виду этого Дондук-Даши просит разрешения „о раскосова-

[9] АКА, д. 1764 года, № 314, лл. 250—257.

нии их врознь". В ответном письме, от 21 декабря, канцлер М. И. Воронцов напоминает калмыцкому хану, что в распоряжении от 27 января 1756 года по поводу отправки нарочных к сибирской границе „для вызову" в русское подданство джунгарцев было указано „и такое им уверение учинить, что они в улусах калмыцких содержаны будут не инако, (но) как и прочие ее и. в-ства подданные калмыки, и люди их, с ними выходящие, от них отняты не будут". Вследствие такого обещания, „может быть, они сюда и уклониться пред другими местами предпочли". По этому, «ныне их врознь и совершенно без всякого из'ятия раскосовать невозможно, дабы оное обещание в своей силе осталось, и чтоб тем могущих и впредь выходить в подданство ее и. в-ства зенгорцов не отвратить». Нет оснований опасаться, чтобы „те из зенгорцов, которые в улусы калмыцкие уже зашли, когда-либо могли с женами их, и с детьми назад уйтить на прежние их места, которые столь далеко от р. Волги отстоят". С другой стороны, „и то правда, что все зенгорцы обыкновенно своевольны и продерзостны, и потому за ними крепкое смотрение иметь надлежит, дабы от них воровства и других худых поступок не было. Но чем их больше будет в одном месте, тем труднее за ними такое смотрение иметь можно". Чтобы данное джунгарцам обещание сохранило силу, а с другой стороны в заботе об „удобнейшем смотрении" за ними, хан может допустить одно: „зенгорских зайсангов, которых владельцы остались за границею, а они вышли без них, распределить хотя в ведомство и калмыцких владельцов, однакоже не инако, как оставляя при оных зайсангах и людей их, с ними вышедших, дабы они, по силе оного обещания, лишены их не были, а токмо чтоб в обществе многие такие зайсанги кочевать не могли. А которые подлые зенгорцы вышли, или и впредь выходить будут собою, а те зайсанги и владельцы, к которым они, будучи в Зенгории, принадлежали, остались за границею,—оных ничто подлинно не препятствует и врознь по улусам калмыцким разделить". Относительно джунгарских владельцев, вышедших в русское подданство, следует поступать так, „что им не токмо подлые люди, к их владению в Зенгории принадлежавшие, а с ними обще вышедшие, но и те зайсанги, которые им также принадлежавшими почитались,—им и со всеми их людьми оставлены быть имеют". Хан обязан, с самого же начала по приходе

джунгарских владельцев, раз'яснить им, что они обязаны содержать своих подвластных людей „в надлежащем порядке", как обещались при вступлении в русское подданство, да и потом „время-от-времени о том им подтверждать для содержания их в лучшей исправности не меньше будет надобно". Но если кто из владельцев и зайсангов „окажется беспокойным, в чем-либо подозрительным, такого владельца улуса его, а зайсанга аймака и лишить будет можно, разделяя людей его по разным калмыцким улусам, чему они уже сами и причиною будут". В этом случае хан все же должен поступать „с общего согласия с г-м. Спицыным и сюда доносить"[10].

Едва ли не раньше других явилась на Волгу вдова Амурсананя Битея с сыном Пунцуком[11], тремя зайсангами и служителями, всего—10 человек. Битея была дочерью джунгарского хун-тайджи Галдан-Череня. По смерти мужа, она оставалась в Тобольске в нерешительности, что ей делать дальше. От 1 ноября 1757 года последовал указ кид на имя сибирского губернатора Соймонова—предложить Битее и ее сыну Пунцуку креститься в Петербурге. Оба они отвергли предложение. После этого Соймонову было приказано направить Битею с ее сыном и спутниками на Волгу для соединения с калмыками. Соймонов препроводил джунгарцев в Оренбург к Неплюеву, при письме от 23 декабря, а Неплюев отправил их к Спицыну, которому писал: „Хотя я об отправлении их особливого ее и. в-ства указа не имею, однако удерживать их здесь не мог за тем, дабы об них находящиеся здесь азиатских народов люди в сведение не пришли, ибо они как в Сибири, так и здесь содержаны были скрытно". В провожатые Битее Неплюев отрядил сержанта пензенского полка Карпа Полякова, который доставил джунгарцев чрез Самару, Сызрань и Царицын в Енотаевскую крепость 21 февраля 1758 года и сдал Спицыну; 25 февраля Спицын сообщил хану о приезде Битеи[12]. 27 марта Дондук-Даши просит Спицына отпустить Битею с сыном к нему в улус, так как она тревожится слухами, будто ее хотят насильно окрестить[13]. Спицын ожидал указа из кид и пока не

---

[10] АКА, д. 1759 года, № 280, лл. 26—28.

[11] Рожденным от брата Амурсананя, Пши-Данжина, за которым раньше была замужем. АКА, д. 1761 года, № 290, л. 15.

[12] АКА, д. 1758 года, № 267, лл. 188—189; д. 1758 года, № 271, лл. 72 об.—73.

[13] АКА, д. 1758 года, № 267, лл. 318—319.

мог ничего предпринять относительно Битеи. Наконец указ пришел. От 1 июня кид предписывала Спицыну отпустить Битею и ее сына Пунцука к Дондук-Даши и рекомендовать их „в особливое, в рассуждение их природы, призрение“[14]. От того же 1 июня канцлер Воронцов дает знать Спицыну, что в письмах Битеи, какие она посылала из Сибири к двору, „употреблены весьма непристойные слова“, почему эти письма препровождаются к Спицыну и определяется: „призвав ее, нойоншу, к себе, указом ее и. в-ства об'явить, что хотя употребленные от нее, нойонши, в тех письмах при высоч-шем ее и. в-ства имени слова весьма непристойны и с высоч-шим достоинством ее и в-ства не сходствуют, однакоже оные в рассуждении того, что она в том поступила, может быть, по своему незнанию, повелено токмо при ней разодрать и уничтожить, подтвердя ей, чтоб она впредь от того воздержалась“[15]. Оказывается, в просительных письмах Битея назвала Елизавету Петровну „большой своей сестрой“ и даже „приятельницей“[16]. 10 августа Спицын, призвав Битею в лагерь на луговой стороне Волги против ур. Калмыковского, об'явил нойонше чрез переводчика С. Везелева указ и обратил ее внимание на „непристойные слова“ в письмах, „на что она, нойонша, ответствовала со извинением, что то учинено ею, совершенно от незнания ее, почему она впредь тако и поступать не будет“. После этого Спицын разорвал при ней письма и уничтожил их, „при таком ей подтверждении, чтоб она впредь от того воздержалась, с чем оная нойонша от него, г.-м., того дня и возвратилась в свою ставку[17].

Не видно, чтобы Битея, живя в калмыцкой степи, принимала участие в каких-либо серьезных делах и вообще заявила себя чем-нибудь выдающимся. По крайней мере, имя ее редко встречается в наших документах. 5 января 1761 года кид дала знать Спицыну о желательности приезда Битеи к двору; она, если бы захотела, могла взять с собой и сына Пунцука, но дело ставилось так, что Битея должна была сама просить правительство о разрешении представиться. Имелись ли какие-нибудь политические рассчеты на вдову Амурсананя, хотело ли

---

[14] АКА, д. 1758 года, № 274, л. 182.
[15] Там же, л. 182 об.
[16] См. письмо в Приложении 1.
[17] Там же, л. 185 и об.

правительство присутствием ее при дворе доказать китайскому трибуналу факт смерти Амурсананя, которого китайцы продолжали считать живым, или просто Битея понадобилась для участия в придворных забавах,—нам не известно. По почему то кид требовала от Спицына „немедленно“ нойонше „пристойное внушение учинить о нужде отдания ее и. в-ству нижайшего ее поклона при вступлении в здешнее подданство“. Битее вменялось в обязанность привезти к двору „двух мальчиков и столько же девочек зенгорского народа из лучших“; дети должны быть выбраны—«самые природные зенгорцы, не помешанные с другой нацией, и не глупы“. Для них, как и для Битеи с сыном, Спицын имел заказать платье „по их калмыцкому манеру“. 22 мая Спицын пишет в кид об отправке к двору Битеи и ее сына Пунцука; свиту их составляли 10 человек джунгарцев-мужчин и женщин; в переводчики был дан С. Везелев; на дорожные расходы всем им было ассигновано 238 р. с копейками[18]. В свите Битеи находился, под видом служителя, сын джунгарского нойона Сандука, Хулухайчи, посланный отцом с жалобой на калмыцкого наместника Убуши, который отнял у Сандука его кибитки и арестовал его. Сандук отправлял сына тайно, „чтоб никто о нем не уведал, и он потому одержан быть не мог“, но—с ведома Битеи. Кид, указом от 18 августа 1762 года, предписала бригадиру А. Бехтееву, преемнику Спицына, разобрать это дело, отметив, что Пунцук подтвердил нойонство Хулухайчи, но об отнятии наместником кибиток у Сандука отозвался неведением[19]. Пунцук был спрошен по делу названных джунгарских нойонов, потому что Битеи не было уже в живых,—по приезде в Петербург, она заболела и 7 сентября 1761 года умерла; Пунцук же остался в столице, заявив желание креститься[20].

Спустя полгода по приезде Битеи в калмыцкую степь, сюда же приехали джунгарский лама Делек и джунгарский лекарь. Дондук-Даши сам просил Спицына и Тевкелева письмами от 5 марта 1758 года о скорейшей доставке этих джунгарцев в степь, так как прослышал, что Делек—„знатной из духовных“, и, при том, он и лекарь „совершенно пользовать

---

[18] АКА, д. 1761 года, № 290, лл. 15—16.
[19] АКА, д. 1762 года, № 300, л. 147—148.
[20] *В. Н. Витевский*—цит. изд., вып. IV, стр. 750.

могут" в застарелой каменной болезни, которою страдал хан[21]. 11 июня Тевкелев извещал Спицына, что «во удовольствие хана» он приказал выделить из большого коша джунгарских калмыков следующего к Оренбургу с сибирских линий, ламу и лекаря и препроводить их в калмыцкую степь чрез Яицкий городок. Одновременно с ними Тевкелев направлял к Битее 8 человек джунгарцев, подвластных Амурсананю, и 7 человек джунгарцев Аюши, ездившего в Россию посланцом из Джунгарии всего 15 человек[22]. 3 августа Дондук-Даши известил Спицына о приезде к нему ламы и лекаря[23]. Лама выдавал себя за хутухту и своими чародействами произвел такой огромный эффект среди суеверных калмыков, что те стали покланяться ему, как бурхану. Однако, в болезни ни он, ни лекарь хану не помогали. В начале ноября 1759 года Спицын узнал, что Дондук-Даши велел посадить ламу Делека под караул. Зайсанг Бекболот на вопрос Спицына, почему арестован лама, дал уклончивый ответ; пришлось спрашивать самого хана. Тот сообщил письмом от 10 ноября, что лама Делек несет заслуженное наказание за «немалые продерзости», выразившиеся, между прочим, в «повреждениях бурханов», и за «другие противные поступки»[24]. Спицын посоветовал хану основательно разобрать поведение Делека, чтобы не производить смущения среди калмыков, если лама невиновен ни в чем[25]. Хан выпустил Делека на свободу. Но скоропостижная смерть Дондук-Даши 21 января 1761 года [26] опять заставила взяться за Делека, колдовством которого калмыки об'ясняли внезапную смерть хана. 28 марта Спицын получил письмо от Убуши,— ханский сын определенно высказывался: ,,чтоб так нечаянно хан умер, в помышлении не было" ни у кого из калмыков; ,,и мы все в наших книгах усмотрели, что он волшебством духовной персоны умер",—конечно, волшебством Делека. «Ныне нам о нем сумнение произошло и известно учинилось, понеже зенгорские владельцы, и все знатные, и подлые люди об'являли, что они не токмо ныне, но еще во время хунтайджи слышали и видели, что он волшебные дела творил; потом в междоусобие наших улусов вмешался, и с Амурса-

[21] АКА, д. 1758 года. № 267, л. 248.
[22] Там же, л. 797 и об.
[23] Там же, л. 885.
[24] АКА, д. 1759 года, № 279, л. 82 и об.
[25] АКА, д. 1759 года, № 278, л. 377.
[26] *М. Г. Новолетов*—цит. изд., стр. 33.

нанем единодушно находился. И как скоро приехал, и с нами еще не обыкнув, удивительные дела произвел; и еще с прошлого года время от обыкновениев своих изменилось, понеже он нечаянно землю суху чинит, и не во-время гром и радуги производит, еще огню падение чинит». Он не может оставаться среди калмыков,—«все знающие люди говорят», что при Делеке не будет благополучия в калмыцких улусах[27]. 18 июня 1761 года кид, по просьбе Убуши—„отлучить (Делека) в отдаленное место, где б калмык не было“, предписала Спицыну препроводить ламу в Петербург под конвоем, но так, чтобы «в дороге его хотя и стерегли, но при том никакого ему изнурения не делали»[28]. 23 июля Спицын рапортовал в кид об отправке ламы и при нем племянника его, Иши-Дорджи-гелюнга[29]. Опросив Делека, правительство сослало его в Воронеж, «по принятому на него в калмыцком народе подозрению о волшебстве и зломыслию его к сему народу, для спокойствия сего народа». 25 мая 1762 года Делек умер в Воронеже, племянник же его с служителем, за отсутствием „особливого на них подозрения от наместника ханства калмыцкого“, по указу кид от 11 июля того же 1762 года, были отпущены в калмыцкую степь[30].

В то время, когда Делек начал терять кредит у хана Дондук-Даши, в калмыцкую степь уже прикочевали джунгарцы, среди которых наиболее видной фигурой являлся владелец Шеаренг. За ним китайцы числили вероломное убийство предводителя китайского отряда Танкалу и разгром этого отряда при р. Боргойту[31]. Для спасения от мести китайцев, Шеаренгу не оставалось ничего другого, как отдаться русскому покровительству. Он вышел в Семипалатинскую крепость и заявил, что принимает русское подданство. В этом ему не было отказано, и он должен был направляться с подвластными ему джунгарцами на Волгу к калмыкам. На требование китайского трибунала о выдаче Шеаренга, русский сенат ответил 26 января 1759 года и 22 июня 1760 года, что выдача владельца была бы „весьма несходна с тем примером, каков доныне уже показан и наблюдаем был в дозволении прибежища и покровительства

---

[27] АКА, д. 1761 года, № 286, л. 388 и об.
[28] АКА, д. 1761 года, № 290, лл. 88-89.
[29] АКА, д 1761 года, № 287, лл. 91—92.
[30] АКА, д 1762 года, № 300, л. 113.
[31] *Н. Бичурин*—цит. изд., ч. IX, стр. 98—99 и 424.

всем, выходящим под скипетр российский зенгорцам, и что из них поныне никто еще выдан не был в китайскую сторону», тем более, что Шеаренг „хотя и выходец из Зенгории, но яко торгоутовской природы, коей вся нация в российском подданстве, должен быть от россиян принят. А что от них китайские войска побиты, сие неосторожности и слабости начальника войск, давшего себя в обман, приписать должно“[32]. Однако, Шеаренг с неособенной охотой кочевал к Волге. Дорогой он строил планы и соображал, нельзя ли ему устроиться как нибудь иначе и избежать подчинения калмыцкому хану. Замыслы джунгарского владельца на составляли тайны для сибирской и оренбургской администрации, поэтому русские власти приняли на всякий случай свои меры предосторожности, но, впрочем, и сам Шеаренг бессилен был сделать что-нибудь полезное для себя в обстановке, в какую попал. Волей-неволей ему приходилось итти на Волгу, но он попал туда не без неприятностей для себя, даже не без насилий.

24 февраля 1759 года Спицын докладывал в кид, что, по полученным сведениям, Шеаренг, следовавший к Волге с другими джунгарскими владельцами, у которых у всех было 2500 кибиток, решил зазимовать вблизи Яицкого казачьего городка в ур. Цаган-Игаджи[33]. В данном случае имела значение не одна только трудность кочевки зимней порой. 25 марта того же 1759 года А. И. Тевкелев и П. И. Рычков писали из Оренбурга в кид, что, как видно из представлений яицкого войска в оренбургскую канцелярию, Шеаренг не имеет желания соединяться с волжскими калмыками, а больше расположен „кочевать отдельно“. Кроме того, у джунгарского владельца замечается стремление завязать дружбу с киргиз-кайсацким Нурали-ханом. Поэтому Тевкелев и Рычков определили: «в пресечение могущих из того быть впредь затруднений, яицкому войсковому атаману Бородину стараться его, Шеренга, как можно скорее в соединение с волжскими калмыками отправить»[34]. Оказывается, до Шеаренга дошли известия от находившихся уже на Волге джунгарцев, что калмыцкий хан решил раскассировать всех джунгарцев по своим улусам, с лишением владельцев и

---

[32] *Н. Н. Бантыш-Каменский*—цит. изд., стр. 292 и дал.
[33] АКА, д. 1759 года, № 279, л. 19.
[34] АКА, д. 1759 года, № 280, л. 120.

зайсангов всяких прав над подвластными джунгарцами[35]. Такая перспектива совсем не улыбалась Шеаренгу, и он решил войти в переговоры с Нурали-ханом относительно соединения, на что были готовы киргиз-кайсаки. Но какая цель преследовалась при этом Нурали-ханом? По этому вопросу интересные соображения высказывал бригадир кн. Путятин, находившийся при воинской команде в Оренбурге; он доносил в тамошнюю канцелярию, что «тайная пересылка между киргиз-кайсацкими Нурали-ханом и братом ево, Эрали-салтаном с оным нойоном Шереном и другим, при нем же находящимся Урянхаем открылась, из чего, так же и по произнесенным словам от Эрали-салтана: «Для чего за такую безделицу, яко за один пропуск на внутреннюю сторону их скота давать аманатов?!" и что «Кроме Яика –земли много; итак, Яик можно и оставить!» и пр.,—он, кн. Путятин, примечание делает, что означенной Нурали-хан с братьями его в подданнической должности весьма колеблемы показуются, и не пристали ли чьи к ним мысли у китайцев искать протекции и перейти на порожние зенгорские земли, а упоминаемого торгоутского владельца Шерена и калмык, обольстя и приманя к себе, разобрать по рукам и учинить пленниками, а его, Шереня, или за большие подарки, или в знак своего усердия отослать к китайцам»[36]. От 5 мая кид дает указ Тевкелеву и Рычкову позаботиться о скорейшем препровождении Шеаренга на Волгу, «сколько бы ни было противно нойону Шерену и другим, при нем находящимся зенгорским владельцам соединиться с калмыцким волжским народом и тем тамошнему хану подчиниться". По поводу догадки о возможности союза джунгарцев с киргиз-кайсаками кид рассуждает так: 1, „они киргиз-кайсацкое состояние довольно знают и не могут в том им поверить, дабы они их по рукам не разобрали"; 2, нет вообще данных, которые с неопровержимостью доказывали бы „согласие" между джунгарцами и киргиз-кайсаками. Надо обратить внимание на другую сторону дела. Если бы Шеаренгу было позволено и дольше кочевать при р. Яике, то киргиз-кайсаки, „к разбоем и воровству привычные", начнут искать случая забрать джунгарцев к себе силою. Подобное покушение они уже делали, когда джунгарцы двигались из Сибири к Оренбургу. Теперь, если бы киргиз-кайсакам уда-

[35] АКА, д. 1759 года, № 279, л. 33 об.
[36] АКА, д. 1759 года, № 280, л. 120 и об.

лось „в действо произвесть" их злое намерение, то под влиянием страха подвергнуться за это взысканию правительства, они отстали бы „от здешней стороны" и примкнули бы к китайцам: они знают, „что и китайцы им всячески ласкают, и что ныне им, киргиз-кайсакам, довольно порожних мест есть к кочеванию под власть китайскую и в пространстве бывшего зенгорского владения". С другой стороны, имея в виду известное „легкомыслие" как киргиз-кайсаков, так и джунгарцев, нельзя совершенно исключать возможность ухода Шеаренга к киргиз-кайсакам. Хотя „ни малой причины к тому нет", но здесь может сыграть роль нежелание джунгарского нойона подчиниться калмыцкому хану. В целях воспрепятствовать уходу Шеаренга к киргиз-кайсакам, кид советует канцелярии отправить из Оренбурга искусного офицера, который вместе с яицкими казаками сумел бы „неприметным образом" подойти к улусу джунгарского нойона и, если бы улус добровольно не захотел следовать к Волге, то принудил бы его к тому силой, при чем надо „искать случая и самого владельца Шерена взять под караул, и под крепким конвоем отослать в Оренбург, и там его до указа содержать под крепким же караулом, дабы он,—по его проворству, тем довольно уже доказанному, что в состоянии был при всех, чиненных ему от китайского войска препятствиях, в здешнюю сторону и издалека выйти,—в бытность его и в калмыцком в волжском народе не причинил интригами своими каких беспокойств". Одновременно с этим указом, кид давала указ и калмыцкому хану о посылке калмыцкого войска под командой владельца Бамбара, кочевавшего на левом берегу Волги, на встречу джунгарцам[37]. О своих распоряжениях кид ставила в известность и Спицына, которому секретно при этом писала, что Шеаренг, „по всем его поступкам, оказывается сумнительным" и, не желая подчиняться калмыцкому хану, он „старается происками своими и тайною пересылкой с киргиз-кайсацким Нурали-ханом и братьями его приобрести себе дружбу, а может быть и прибежище в киргиз-кайсацкой орде", что „весьма предосудительно" для интересов России, и необходимо поэтому настаивать, чтобы хан в точности исполнил указания канцлера относительно условий приема джунгарцев в калмыцкие кочевья[38].

[37] Там же, лл. 121—123.
[38] Там же, л. 118 и об.

Дондук-Даши выслал на встречу Шеаренга не только Бамбара с 3-х тысячным войском, но и присоединил к нему владельца Эремпеля с 1500 калмыков. От яицкого войска было отряжено 600 казаков, которые проводили джунгарцев до р. Узеня. 27 и 29 апреля яицкое войско рапортовало оренбургской канцелярии, что атаман Бородин получил письмо от калмыцкого хана о безуспешности убеждений Шеаренга итти на Волгу,—нойон не слушал доводов, приводимых ему ханскими посланцами, из чего хан заключил: „видно в сердце у него, как было в Зенгории". Но Эремпель захватил Шеаренга и прислал его к казачьему войску «связанного под караулом, с прошением, чтоб он содержан был до тех пор, пока об нем от хана Дондук-Даши резолюция последует". Казачья старшина хотя и приняла арестованного нойона, но не знала, „в чем у них ссора произошла, и по причине чего он от улусов его отлучен". Сам Шеаренг не признает за собой никакой вины. Оренбургская канцелярия, руководясь письмами Дондук-Даши к Тевкелеву и Рычкову, наводящими на „разные сумнительства" о личности и поступках Шеаренга, а также вообще имея в виду, что джунгарский нойон „не безхитростен", приказала казакам держать его в Яицком городке, впредь до требования ханом, «под кренким присмотром, чтоб он никуда скрыться не мог»,—о чем сообщила Спицыну 6 мая 1759 года[39]. В Яицком городке Шеаренга продержали не долго. 11 мая атаман Бородин пишет Спицыну об отправке нойона к калмыцкому хану, по его требованию; до калмыцких улусов Шеаренга сопровождал войсковой старшина А. Миронов с 15 казаками[40]. 7 июня Спицын рапортовал в кид о привозе владельца к Дондук-Даши 3 июня[41]. Джунгарец присмирел, а явившись к хану, так хорошо сумел рассеять его подозрения, что тот совершенно переменился в отношениях к Шеаренгу. При личном свидании с Спицыным 17 августа того же года хан говорил: „хотя де тех зенгорцов о владельце Шеаренге, яко бы он в худом намерении состоит, ему, хану, об'явлено и было, но токмо ныне, по прибытии ево, Шеаренга, того за ним не оказалось. И он, хан, потому содержит ево во особливой своей к нему приятности, а улусы де их, по приходе сюда, все находятся кочевьем

---

[39] АКА, д. 1759 года, № 276, лл. 774—775.
[40] Там же, л. 795.
[41] АКА, д. 1759 года, № 280, л. 30.

вкупе». Чтобы не произошло каких-нибудь недоразумений, хан распорядился составить реестр, «что у которого именно владельца, сколько числом улусов имеется», и поручил это дело Шеаренгу[42]. К сожалению, нам неизвестны результаты переписи джунгарцев. По промемории оренбургской канцелярии к Спицыну от 14 марта 1759 года, «после отправления сюда нойонши, Амурсананевой жены[43], в соединение к волжским калмыкам отправлено минувшим летом зенгорских калмык же: сперва с ламою Делеком 28, потом июня 28 числа в большом кошу 2403, да с вышеписанным Шеаренгом мужеска 2923, женска 2100, а обоих полов 5023. Да сверх списков, мужеска 746, женска 534, а обоего 1280. А всего всех с ним, Шеаренгом, 6303 человека»[44]. Но, вероятно, это была не точная и, притом, уменьшенная цифра, почему и понадобилось снова пересчитать джунгарцев, по приходе их в калмыцкую степь. Во всяком же случае, трудно допустить, чтобы их было 10 тысяч *кибиток*, как утверждают некоторые авторы[45]. Джунгарцы явились в степь в бедственном состоянии,—они испытывали большую нужду даже в пропитании. Поэтому Спицын посоветовал хану распределить их «для прокормления чрез одну зиму по некоторым улусам до того времени, пока они хотя мало б в исправность притти и потом по прежнему соединены быть могли»[46]. Вероятно, при этом случае у Шеаренга из его 548 кибиток 150 кибиток попало в добычу калмыцких владельцев, и он не мог их выручить до 1765 года[47]. Весною 1760 года правительство, по жалобе Аблай-салтана, заставляет Шеаренга возвратить в Среднюю киргиз-кайсацкую орду 174 лошади, отогнанные им на пути следования от сибирских линий к Оренбургу. Взыскание производилось «во удовольствие» Аблая—«сколько для

---

[42] АКА, д. 1759 года, № 280, л. 30.

[43] При ней и ее сыне было, как сказано выше, 3 зайсанга и 10 служителей, потом присоединилось еще 15 человек.

[44] АКА, д. 1759 года, № 279, л. 28.

[45] *Ф. А. Бюллер*—„Кочующие и оседло-живущие в астраханской губернии инородцы“, в ж. „Отечеств. Записки“ за 1846 г., т. 47, в отд. „Науки и Художества“, стр. 24. Кажется, Бюллер в данном случае зависит от *И. Бичурина*—цит. изд., ч. IX, стр. 99 и 424. *Новолетов*, цит. изд., стр. 4. Г. Е. *Грумм-Гржимайло*, принимая ту же цифру 10 т. семейств, тем не менее отмечает разноречивость сведений о числе вышедших джунгарцев,—цит. изд., стр. 681, примеч. 4. Не прошла ли часть их к бурятам, несмотря на запрещение в вышеприведенной грамоте к Неплюеву от 27 янв. 1756 года?

[46] АКА, д. 1759 года, № 279, л. 34.

[47] АКА, д. 1759 года, № 317, л. 82.

того»,– писала кид Спицыну 11 ноября 1759 года,—«что и в самом деле кража от калмык его у киргиз-кайсак лошадей происходила в бытность их еще на сибирских линиях, не меньше при том (и) в наказание самому нойону Шереню за его противность в неотдаче добровольно оных лошадей по требованию здешних на линиях командиров»[48]. В 1760 году Шеаренг, вместе с другими джунгарскими владельцами: Джанамом, Уранхаем, Лоузан-Джапом, ламою Унзатом и другими, опрашивается в качестве свидетеля по делу джунгарского зайсанга Дондук-Хорохоя Ользюнева, выдачи которого требовал у русского правительства китайский трибунал[49]. В 1761 году Шеаренгу представлялась возможность поездки к двору вместе с нойоншей Битеей. Еще в бытность свою на Яике Шеаренг просил о дозволении явиться в столицу для заявления правительству о своих нуждах. Тогда поездка не была разрешена, теперь Шеаренг не захотел ею воспользоваться. 22 мая Спицын докладывал в кид, что Шеаренг, по смерти хана Дондук Даши, „чрез некоторое время при улусех его быть весьма нужду находит", а с другой стороны, препятствием к поездке служит то, что „по несчастию ево, сделалась ему в носу здешняя болезнь чечуйная», и он должен лечиться[50]. Последующие годы пребывания Шеаренга в калмыцкой степи проходят у него, главным образом, в хлопотах по возвращению кибиток, захваченных у джунгарского нойона, как и у других мелких джунгарских владельцев, калмыцкими владельцами. Шеаренг участвует в военных операциях калмыков на С. Кавказе в 1769 году. Но крупную роль он начинает играть только с того момента, когда руководители калмыцкой политики стали усиленно готовиться к уходу из России. После владельца Цебек-Дорджи, Шеаренг был едва ли не главным вдохновителем похода калмыков на Д. Восток в 1771 году к пределам Джунгарии, дорогу к которой по степям он знал лучше других[51]. Повидимому, в Джунгарии ожидали возвращения Шеаренга[52], но навряд ждали там прихода почти всей массы калмыцкого народа.

---

[48] АКА, д. 1759 года, № 280, л. 183.

[49] См. ниже

[50] АКА, д. 1761 года, № 287, л. 71.

[51] *К. Ф. Голстунский*—„Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПБ. 1880", стр. 131.

[52] „Очерк", стр. 74.

Мы видели, что русское правительство отказало китайцам выдать в их руки Шеаренга. Кроме этого джунгарского нойона, китайский трибунал настаивал на выдаче других лиц, из которых в наших документах сохранилась память о Хошанци и Дондук-Хорохое Ользюневе. Хошанци был «чиновный человек», природный китаец. Оренбургская канцелярия от 29 января 1759 года просила Спицына «старание приложить» к розыскам этого китайца, вышедшего из Джунгарии вместе с Шеаренгом. 15 марта Спицын ответил, что улус Шеаренга еще не пришел на Волгу[53]. Вероятно, Хошанци не оказался среди Шеаренговых калмыков, прикочевавших к Волге в мае 1759 года, и поэтому сведений о поимке китайца в калмыцкой степи нет.

Относительно Дондук-Хорохоя Ользюнева Спицын получил указ кид от 19 апреля 1759 года. Надо было добиться у хана выдачи этого джунгарца, согласно требования китайского трибунала, который представлял русскому сенату, что Дондук-Хорохой «не токмо им, китайцам, изменил, но и отца своего зайсанга Улджея за то, что оной не хотел быть с ним в сообществе, убил». Ользюневу—31 год; он значится в списке джунгарских выходцев, присланном в кид сибирским губернатором Соймоновым, и должен быть среди калмыков Шеаренга. «По здешнему рассуждению»,—сообщала кид Спицыну,—«буде он (Дондук-Хорохой) отца своего умышленным образом убил, всякого наказания достоин, почему и китайцам выдать его ничто не препятствует»[54]. При указе к Спицыну препровождался из кид переводный текст «китайского листа», в котором трибунал писал, что если русское правительство затрудняется выдать Ользюнева, как «подлого человека», то должно само предать его смертной казни[55]. От того же 19 апреля 1759 года последовало письмо канцлера к калмыцкому хану о доставке к Спицыну Ользюнева, „которой для особливой по государственному делу надобности необходимо потребен ныне здесь", но потом «в улусы калмыцкие и обратно отпущен быть имеет»[56]. Хан не противился выдаче джунгарца, и 10 июня Спицын отправил Ользюнева в кид «в заклепанных железах за караулом»[57].

---

[53] АКА, д. 1759 года, № 278, л. 73.
[54] АКА, д. 1759 года, № 280, лл. 111—112.
[55] См. приложение 2.
[56] Там же, л 116.
[57] АКА, д. 1759 года, № 279, л. 43.

На допросе Дондук-Хорохой «в самовольном убийстве отца его не признался, а сказал якобы отца его убили собственные его служители при воспоследовавшем в народе их замешании за то, что он хотел содержать их строго и за вины жестоко наказывал, а его, Хорхой Дондука, оставляя при том случае в живых, принудили дать присягу, что он за кровь отца его мстить им не будет». Таким образом, отрицаясь в убийстве отца и представляя это делом его подвластных, доведенных до крайности жестокостью зайсанга, Ользюнев снимал с убийства политическую окраску, которая должна была особенно интересовать китайцев. Правительство сочло необходимым запросить Шеаренга и других джунгарцев по существу показаний Ользюнева, и 12 ноября канцлер потребовал от хана Дондук-Даши «под присягою спросить» Шеаренга и других джунгарцев, „подлинно ли оной Хорхой Дондук отца своего убил, и умышленно ль, или того отца служители их убили, и за что именно“[58]. Все джунгарцы, допрошенные 3 января 1760 года, и особо допрошенный Спицыным 15 февраля Унзат-лама, согласно показали, что Дондук-Хорохой—не родной сын зайсанга Улджея. На матери Дондук-Хорохоя—пленной бурятке-зайсанг женился тогда, когда она уже была беременной от другого. Впоследствии у него родился от нее тоже сын, но он скоро умер. Улджей и Дондук-Хорохой держали в Джунгарии сторону Дабачи, но после того как Амурсанань пришел с китайским войском и разбил Дабачи, последний был отвезен[59] в Пекин, и туда же были взяты Улджей с Дондук-Хорохоем. Зайсанга и его „сына“ китайское правительство отпустило в Джунгарию, и здесь то между Улджеем и Дондук-Хорохоем произошла ссора. Улджей имел 7 тысяч аймачных кибиток и 1 тысячу кибиток Цоохуров. В отсутствие зайсанга Цоохуры произвели нападение на аймачные кибитки и „несколько добычи получили“ от них. Когда Улджей вернулся к своему аймаку и узнал о нападении на него Цоохуров, то присудил им уплатить штраф в пользу потерпевшего аймака. Штраф был тяжел, и Дондук-Хорохой стал заступаться за Цоохуров; он настаивал, чтобы Улджей „токмо собственное свое получил“. Зайсанг озлобился на Дондук-Хорохоя, „а сверх того и то принял в подозрение,

---

[58] АКА, д. 1759 года, № 280, л. 212.
[59] В клетке; *Н. Бичурин*—цит. изд., стр. 85—86.

что многие говорили, яко он не от него рожден". Дело дошло до оружия. Первое сражение Дондук-Хорохой проиграл и сам „человеках в пяти едва уйтить мог". Но потом с большим количеством Цоохуров он напал на Улджея, разбил его войско и захватил зайсанга в плен. Тут в ссору вступился Унзат-лама,— ему удалось примирить Улджея и Дондук-Хорохоя, но, как оказалось, не надолго. С месяц спустя после примирения,«Дондук-Хорхой в ночное время, взяв с собою несколько людей и пришед в кибитку к тому отцу, ево убил», так рассказывал Унзат, узнавший о происшествии «чрез людей их тою же ночью». А на другой день сам Дондук-Хорохой пришел к ламе и сказал, что «на то убивство привели ево собственные их люди»[60]. По показаниям джунгарцев убийство Улджея не имело политического характера, но убийцей зайсанга они считали Дондук-Хорохоя. Показания джунгарцев были отправлены Спицыным в кид 21 февраля 1761 года[61]. Как взглянуло на них правительство, и чем кончилось дело Ользюнева, по нашим документам не видно.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

1. АКА, д. 1758 года, № 234, лл. 183—184.

Перевод с доношения к ее и. в-ству зенгорской владелицы Битей и бывшего пред сим здесь зенгорского ж посланца Аюши, которое при доношении полковника Лориха из Тары от 18 августа в СПБ в кид получено 22 октября 1757 года.

Ее и. в-ству доношение.

Я, Галдан Черенева дочь Битей, сие моею рукою пишу, что я и сын мой, именуемой Бунцак пришли сюда в той надежде, яко ваше, подобное солнцу, всепресветлейшее величество, а моя большая сестра, по прежним в. в-ства к деду и отцу моему благосклонным указам, меня, яко свою меньшую сестру, во всяком довольстве содержать соизволите, а паче оное состоит в высочайшем в. в-ства соизволении. И для того я, во знак прихода моего сюда, на сем доношении моем (183) подписалась, по уверению находящегося на границе в Ямы-

---

[60] АКА, д. 1761 года, № 281, лл. 68 об., 64, 70—71.
[61] Там же, л. 211.

шевской крепости полковника Томаса Томасовича Девильнева и толмача, капрала Михаила Бутина.

Ее и. в-ству четырех калмыцких народов зенгорского государя Ламы Эрдени Батура хонтайджи посланца Аюши доношение.

Владелица моя, увидя меня, от себя не отпустила. Також и я при оной моей владелице быть желаю. А в прочем о мне состоит в высочайшем в. в-ства соизволении.

Вместо оного, служитель Бимба руку приложил (об.).

Перевод с доношения к ее и. в-ству зюнгорской владелицы Бути, которое при доношении сибирского губернатора Соймонова от 5 ноября в СПБ в кид получено 2 декабря 1757 года.

Ее и. в-ству и подобно солнцу всепресветлейшему в-ству доношение.

Напред сего дед мой хон тайджи с е. в-ством, первым императором жил в миру и в добром согласии, и со обоих сторон отправляли взаимные посольства и купечество. И при том между ими постановлено было, чтоб и от нападения великих и малых неприятелей взаимное защищение чинить. А потом и отец мой, Галдан Черень, почитая отца своего указ, и с в. и. в ством таким же образом поступал и жил в добром согласии. А ныне мои меньшие братья за малолетством их, по возмущению завистливых наших родственников, великое и самовластное (184) свое государство, к крайнему сожалению, разорили. А ныне я, последуя прежнему деда и отца моего постановленному указу и памятуя ваше, подобное солнцу, всепресветлейшее в-ство, яко мою приятельницу и большую сестру, сюда и вышла. И ныне во удовольствие меня, яко свою меньшую сестру, чем всем-ше пожаловать изволите,—оное зависит от вашего, подобного солнцу, всепресветлейшего им-ского в-ства высочайшего соизволения. Однако же при том в. в-ство я всепокорно прошу, дабы я, по желанию моему, содержана была в моем законе и в высочайшей в. в-ства милости. А паче оное состоит в высочайшем в. в-ства соизволении.

При том подписано было тако: *В том подписался служитель Бимба*[62]. *Но оное помарано*, а вместо того подписано тако:

---

[62] *На полях*: Оной Бимба был здесь в приезде при зенгорском посланце Аюше писарем".

Я, Галдан хана дочь Бути сие своею рукою подписала (об).

2. АКА, д. 1759 года, № 280, лл. 113—115.

Экстракт перевода с китайского листа, присланного при репорте сибирского губернатора, т. с. Соймонова от 29 ноября, а в коллегии полученного 24 декабря 1758 года.

Доносили в. г-рю нашему из войск наши генералы, что они от выходящих из Зенгории имеют многие известия о сыне Карацинского джансана Улджея Дондуке, которому малое имя Хорохай, что он с Шереном ушол в Россию, и посему е. в-ство изволил указать следующее.

Сей Улджеев сын Дондук из Зенгории взят был сюда вместе с Давацием[63] в то время, когда Зенгория стала быть завоевана, а отец ево приезжал сюда после ево с прочими таидзиями (113) и джансанами по воле своей, для поклонения. И будучи здесь, весьма жалко просил меня о освобождении сего своего сына. Я, из одного милосердия, приказал сына того отдать ему в руки и позволил с собою назад увесть. Не должен ли был сей Дондок много чувствовать такую мою милость, и сердечно почитать, и любить отца своего за такое об нем попечение? Он после не смотрел на то—предался в компанию бунтовщиков, не пожалел отца—убил за то, что не восхотел с ним быть в сообществе и намерен был сюда ехать. Был он, Дондок, прежде при воре Батур Убаши, а после, когда сей умер (об.), перешол к другому вору, Шерену,—злее сего человека быть не возможно, и ни по каким мнениям толь чрез'естественного беззаконника в свете живого и на четверть часа времени держать не надлежит. Вы имеете от трибунала отписать в российской сенат, чтоб они ево, вместе с Шереном, поскоряе сюда прислали, а когда не заблагорассудят, то бы хотя от себя сказнили, не откладывая ни на малое время.

Мы, вследствие сего е. в-ства святейшего повеления, имеем вам сообщить, что сей Дондок—такой человек, которой пойман войсками нашими и которой тогда ж подлежал смертной казни, но тем соблюл свою голову, что отец ево выпросил у е. в-ства (114),—должен был такую высочайшую милость вечно чувствовать, и отца за такую горячую к себе любовь до смерти почитать,—на эконтру пошол; вместо благодарности, осмелился

---

[63] *На полях*: Имя зенгорского владельца.

против такого государя восстать; вместо почитания, дерзнул такого отца умертвить. А что всякой, восстающей против государя своего холоп есть великой злодейной изменник, и всякой отцеубийца есть беззаконной сын, и уже таким двум великим винам никакой границы (об.) нет,—то, по всем законам, тому человеку, которой таким беззаконником себя окажет, никакого помилования нет, и ни на мал час такого в свете оставить нельзя.

Понеже из вышеписанного известия видно, что сей плут ныне при Шерене у вас в России, сего ради требуем от вас, чтоб ево, по наблюдению доброго с нами согласия, прислали сюда вместе с Шереном. А когда вам отсылать ево яко подлого человека (115) не заблагорассудится, то бы в силу е. в-ства святейшего повеления непременно от себя ево сказнили (об.)

29.VI.27.

VI.

Замьян, Бамбар, Цебек-Дорджи.

1756—1764 годы.

В истории ухода калмыков с Волги в 1771 году чаще других действующих лиц, кроме Шеаренга, фигурируют владельцы: хошоутовский Замьян, табун-отоков Бамбар и багацохуровский Цебек-Дорджи. Бамбар и, в особенности, Цебек-Дорджи были ярыми сторонниками идеи ухода: в ее осуществлении им принадлежит самая активная роль. Напротив, для Замьяна обстоятельства сложились так, что он оказался в числе немногих противников ухода и даже давал информации представителям местной русской администрации о подготовке калмыков к уходу. Между тем, некогда Замьяна и Бамбара соединяла тесная дружба; это было тогда, когда, поссорившись с Дондук-Даши, они действовали согласно против хана, а одно время Замьян даже заводил сношения с киргиз-кайсаками; он как будто желал вступить с ними в союз и откочевать в их степи. Ссора Замьяна с ханом и переговоры с киргиз-кайсаками хронологически совпадают, относясь к 1756 году.

От 13 февраля этого года поручик кн. И. Ураков, находившийся на яицких казачьих форпостах, представлял оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву сведения, полученные от киргиза Малой орды Курмана и татарина—писаря при Айчуваке, салтане той же орды[1], Сеита Касимова, что „Айчувак-салтан в калмыцкой орде в ведомстве владельца Замьяна у знатного зайсанга сосватал за себя дочь, да и от оного де владельца Замьяна присланы были к нему, Айчуваку в табуны (кои ныне, по силе ее и. в-ства из гкид указу, по просьбе Нурали-хана для корму до весны на здешней стороне Яика) посланцы

[1] Айчувак-салтан был сыном Абулхаир-хана от брака его с Пупай. В 1748 году состоял в аманатах в Казани, но при об'явлении ханом Нурали в 1749 году заменен братом Адиль-салтаном. С 1799 года по 1805 год был ханом Малой орды. Некоторые сведения о нем у *В. Н. Витевского*, цит. изд., вып. 4, стр. 681, примеч. е, 715, 759, 766 и дал.

—два зайсанга, коих де он, подаря по одной доброй лошади, обратно отправил, а с ними и от себя из оных табунов для взятья той своей невесты шесть человек киргизцов послал. По привозе же де ее, и тем, сколько с нею провожатых будет, каждому по доброй лошади и по хорошему чапану дать обещал, почему де в тех табунах поныне их и дожидаются. Сверх де того, особливо присланной киргизец Курман ему, Уракову, об'явил, что оное у них и с таким еще договором происходило, чтоб тем калмыкам с ним, Айчуваком, быть за-едино, и на будущую бы весну, как киргиз-кайсаки обратно со внутренней на степную сторону погонят свои табуны, при том бы между оными вышеписанному владельцу Замьяну с улусом своим к ним, киргизцам, уйтить". Неплюев, пересылая 28 февраля эти сведения астраханскому губернатору А. С. Жилину и состоявшему при калмыцких делах Н. Г. Спицыну, сообщал, что „от меня всего того, что к пресечению того их калмыцкого с киргиз-кайсаками плутовства, по состоянию тамошних мест, возможно было учинить, не оставлено", а от Спицына требовал, чтобы тот с своей стороны принял необходимые меры предосторожности, «дабы им, плутам, все могущие быть к тому способы... зарань могли быть отвращены и конечно пресечены»[2]. Спицын поторопился послать в улус Замьяна толмача В. Казачкова на развецку и 30 марта, на шестой день по получении сообщения от Неплюева, докладывал ему о результатах разведки: „Будучи он, Казачков, в том улусе чрез знакомых ему калмык уведомился, что реченной владелец Замьян, по прошению означенного Айчувак-салтана, принужден подарить ему из владения своего одну из подлых своих холопей девку (которой де отец был калмыченин, а мать—кайсачка, взятая ими, калмыками, напред сего от кайсак в плен) по той причине, что и он, Айчувак-салтан, пред тем подарил же ему, Замьяну, в разные времена до 20 хороших кайсацких лошадей, и что ж та девка—за подлинно де не знатного зайсанга, но самого подлого калмыченина дочь, которая ему, Айчуваку-салтану, по одобрению ему чрез калмык и чрез ево кайсак, понравилась токмо одним доброличием. И оная де девка в минувшем феврале месяце от реченного владельца Замьяна токмо с двумя ево

[2] АКА, д. 1756 года, № 257, лл. 96—97, 252 и об. Указ Неплюева яицкому наказному атаману Митрясову и старшине Миронову о мерах предосторожности—лл. 99з—99л.

зайсангами—Дунгою, а другого как зовут, о том он, Казачков, наведаться не мог, и еще с двумя ж калмыками к помянутому Айчуваку-салтану уже и отправлена. Також де и те зайсанги, по отвозе той девки, к нему, владельцу Замьяну, возвратились, коих де он, Айчувак-салтан, за то и подарил лошадьми. А чтоб де оной владелец Замьян положил с ним, Айчуваком-салтаном, договор—быть заодно и имел бы намерение с улусом ево к уходу отсюда к киргиз-кайсаком, о том он, Казачков, ни чрез кого, чрез великие домогательствы, разведать не мог, и о том в том улусе ни от кого ж не слышно, да и по примечанию де ево, Казачкова, будучи в том Замьяновом улусе, к такому ево, Замьяна, с улусными ево людьми в киргиз-кайсаки побегу намерения не предвидится, ибо никакого собрания у них не имеется, також и приуготовления к тому не чинится»; Замьян спокойно кочует на правом берегу Волги в направлении к Енотаевской крепости—местопребыванию Спицына и находится не вдалеке от Дондук-Даши[3]. Вероятно, Казачков не обладал талантами искусного разведчика, потому что в Оренбурге гораздо больше было известно о «девке», какую брал себе в жены Айчувак-салтан, как и о других подробностях его сватовства. 28 марта Неплюев докладывал в кид, что привезенная к Айчуваку калмычка, по имени Намсу, приходится родственницей Замьяну и воспитана им. Ее провожали в Малую орду трое зайсангов и 10 человек калмыков. Одному из провожатых, Лоузану, тоже состоявшему в родстве с Намсу, Замьян приказал остаться при Айчуваке «для того, что ежели та калмычка им, Айчувак-салтаном, за настоящую жену содержана будет, то б владельцу Замьяну с ним, Айчувак-салтаном, и впредь бы непрерывную дружбу иметь, да и впредь бы калмыкам за киргизцов дочерей своих выдавать». Кид обратила внимание на любопытную женитьбу Айчувака, а также на то обстоятельство, что Замьян в это именно самое время стал просить правительство о предоставлении ему команды над улусными войсками, по праву старшего из наличных хошоутовских владельцев, и о выдаче такой грамоты, „чтоб ему никто никакого насилия не учинил“. Связывая все это вместе и присоединяя сюда слухи о намерении Замьяна откочевать к киргиз-кайсакам, сообщенные Неплюевым, кид 20 мая 1757 года

[3] Там же, лл. 98—99.

предписала Спицыну „всего того накрепко предостерегать, дабы калмыцкие владельцы с киргиз-кайсаками не дружились, и калмычек за киргиз-кайсак в замужество не отдавали»[4].

Киргиз-кайсаки строили какие то планы, на что то рассчитывали, домогаясь тесных связей с калмыками. 22 января 1757 года Дондук-Даши извещает Жилина о приезде от Нурали-хана посланца Копек Ага в 8 человеках, „и как в письме от него, Нурали, писано, так и тот посланец на словах об‘явил дружество и мирной союз". Поводом к его приезду послужила необходимость покончить спор о 400 лошадях, отогнанных калмыками у киргиз-кайсаков, но личность посланца внушала подозрения Дондук-Даши: «А понеже оной Копек и в прошлом году от него, Нурали, посланцом был же, но и напред сего у нас бывал, и жил во услужении при хунтайджином сыне Шоне, и нам весьма знаем, а как кайсаки, яко своенравной народ, по своему хотению поступают, так и он напред сего как наше вино и мясо, так и молоко пил и ел без рассуждения, и к тому весьма склонен был, и весьма упивался, а ныне вина не пьет, и имеет воздержность, почему в сомнении быть признавается. К тому ж об‘явил, что до конские табуны наши россиане чрез Яик на сю сторону не перепущали, об‘являя, что имеют о том указ, однако ж де Нурали, собрав войско и приехав, все оные табуны на сию сторону Яика перегнали. Тако и по сему сумнение есть, что чего указом не повелено, то они своевольно учинили, да и по всем обстоятельствам сумнительными их быть я признаваю»[5]. Лично Дондук-Даши склонен был предполагать у киргиз-кайсаков замысел перейти чрез Яик и Волгу на Кубань, куда уже, как говорил ему кубанец Томут, они будто бы отправили от себя и посланцов для переговоров по поводу предоставления им места для будущих кочевий в районе «Шести Вод»[6]. Интересно в этом письме видеть Дондук-Даши озабоченным соблюдением правительственных интересов, но надо об‘яснить, что калмыцкий наместник надеялся в недалеком будущем получить ханское звание и поэтому считал необходимым заявлять себя в глазах начальства особой служебной

[4] АКА, д. 1757 года, № 263, лл. 234—235.
[5] Там же, л. 17 и об.
[6] Там же, л. 16 и об.

ревностью. По той же причине он не обмолвился ни одним словом о каких-либо соглашениях калмыков с киргиз-кайсаками; он не затронул Замьяна, хотя у него началась уже с ним ссора; он знал, что если бы коснулся сношений Замьяна с киргиз-кайсаками, то тем подал бы повод правительству упрекнуть его, как калмыцкого правителя, в слабом надзоре за владельцем, а между тем справиться с ним будущему хану, при поддержке русской власти, в дальнейшем всегда было возможно. То, что Дондук-Даши изложил в письме к Жилину о намерениях киргиз-кайсаков, было сообщено губернатором в кид, откуда 14 мая 1757 года последовала грамота на имя Неплюева и Тевкелева, вменявшая им в обязанность разузнавать о намерениях киргиз-кайсаков, хотя переход их на Кубань кид вообще признавала «не вероятным»[7].

Ссора Дондук-Даши с Замьяном возникла в 1756 году из-за отобрания наместником у хошоутовского владельца улусов, доставшихся ему в приданое от младшей сестры Дондук-Даши, по имени Дон-Араши[8]. Между супругами произошла серьезная размолвка. 27 декабря 1757 года Замьян в письме к Жилину жаловался на жену, что она, „имея любовь с одним холопом-гецюлем, тако поступает", как не следует[9]. Но Дондук-Даши был на стороне сестры и распорядился отнять у Замьяна улусы, полученные им в приданое за Дон-Араши. У владельца осталось только 200 родовых кибиток. С Бамбаром Дондук-Даши поступил так. У Бамбара было две сестры; при выдаче их замуж, одной за владельца Эремпеля, другой—за Тукчи, Бамбар наделил их кибитками, но наместник „отрешил" сестру Бамбара от Эремпеля и предоставил ему возможность жениться на сестре самого наместника, но кибитки прежней жены велел Эремпелю удержать за собой, сын же от брака владельца на сестре Бамбара был «выгнан безо всего». Такая же судьба постигла и другую сестру Бамбара, выданную за Тукчи: «отрешив» ее от мужа и женив Тукчи на своей падчерице, дочери бывшего хана Церен-Дондука,

[7] Там же, лл. 210.

[8] Иначе—Данара. Об'яснение этого имени со стороны филологии см. у *А. М. Позднеева*—„Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. СПБ. 1887" (Записки Русск. Географич. Об-ва по Огд. Этнографии, т. XVI), стр. 419—420.

[9] АКА, д. 1758 года, № 270, лл. 1 и 5.

наместник оставил за Тукчи кибитки прежней его жены. Бамбар считал, что такими приемами Дондук-Даши лишил его с братьями до 1 тысячи кибиток. Среди калмыков даже ходили слухи, будто Хошонай, посланец Дондук-Даши, приводивший в исполнение приказ наместника о кибитках и встретивший было отпор со стороны Бамбара, позволил себе избить владельца. А Дон-Араши 24 августа 1757 года велела своим улусным калмыкам схватить и арестовать Замьяна, когда тот ехал жаловаться на нее к наместнику, что и было приведено в исполнение. Замьян после говорил, что жена хотела тогда убить его, но Дондук-Даши, доверяя больше сестре, отвергал это: „С Замьяном происшедшее приключение, по об'явлению жены его, Дон-Араши, учинено было по ее приказанию не с тем, чтобы его смерти предать, но для того, дабы с ним как она во многих случаях им недовольною находится, судиться и на него нечто доказать“, между прочим, что Замьян собирается креститься,—так об'яснял Дондук-Даши поступок Дон-Араши Спицыну. Заметив однако, что в последнем он не встречает сочувствия, а с другой стороны узнав, что обиды, причиненные ханом, соединили Замьяна и Бамбара в союз против него, Дондук-Даши посылает 17 сентября на имя Елизаветы Петровны «лист» с обвинениями обоих владельцев. Не указывая определенно, в чем заключается их вина, хан пишет, что оба они «от зависти» озлобились на него и намереваются «некоторой вред приключить» как лично ему, хану, так и всему калмыцкому народу. В качестве обличающих документов хан прилагает к своему „листу“ два письма Бамбара: одно к Замьяну, другое—к нему, хану. В письме к Замьяну, указывая, что хан осердился на него, Бамбара, «по причине киргиз-кайсацких лошадей» и из-за Эремпеля, на котором Бамбар „имеет иск и суда требует“, владелец выражает недоумение, «кому о сем об'явить: верхнему или нижнему». Последняя фраза представляется хану подозрительной: не содержится ли в ней намека на «какой-либо тайной заговор»,—задается вопросом Дондук-Даши. А в письме к хану Бамбар выражает обиду за то, что в одном письме хана, которое читал Бамбару Замьян, сказано, будто табун-отоки—улус Бамбара—пришли в состояние готовности поднять оружие против хана, чего на самом деле нет.

Спицын, вступившийся в ссору хана с владельцами, по первым впечатлениям от своих увещаний, обращенных к той и другой стороне, решил было, что ссора близится к концу, и в последних числах сентября доложил об этом в кид. Он писал, что Замьян помирился с женой, взял ее по прежнему к себе и написал извинительное письмо хану. Такое же письмо послал хану и Бамбар. Поэтому, полагал Спицын, „никакой дальнейшей противности в рассуждении его, хана, также сумнения, чтоб они из протекции ее и. в-ства за границу бежать хотели не предвидится". Но Спицын поторопился своим докладом; 15 декабря ему пришлось писать в кид уже другое. Не смотря на состоявшееся примирение, хан продолжает писать «скрытую злобу» против Замьяна,—сообщал Спицын; хан оставил Замьяну только его собственные улусы, а Дон-Араши отпустил „в те улусы, кои ему, Замьяну, достались по приданству той его жены и по наследству от хошоутов"; кроме того, тем, кто хотел убить Замьяна, это «причтено в заслугу» ханом. 9 апреля 1758 года Спицын пишет в кид о жалобе Бамбара на хана. По своей злобе, хан стремится отделить от Бамбара его братьев Ончика и Ондона; он заставляет их кочевать при себе, „обещая им за то особливую милость и награждение". Бамбар, оказавшийся в крайне стеснительном материальном положении вследствие потери большого числа кибиток, готов перейти в русскую веру, если этим будет гарантирован возврат к прежнему его благосостоянию. В докладе от 9 сентября Спицын сознается в безуспешности попыток добиться от хана удовлетворения Замьяна. Хан настроен по отношению к нему крайне враждебно. Он передал Спицыну письма Замьяна к Нурали-хану, оказавшиеся на самом деле «подставными», сфабрикованными знатным ханским зайсангом Абу-Нимса при участии зайсанга Даши-Дондука. В этих письмах нет ничего верного,—говорит Спицын; своим происхождением они обязаны „злобе и проискам" Самтан гецюля, того самого, который вместе с Дунгой и прочими должен был убить Замьяна, по приказанию его жены. Он „и по-ныне при ней, Дон-Араше, в кредите находится". Этот «плут» посылался ханом к двору; по возвращении из Петербурга, он разгласил по степи, что Замьян хочет креститься, чем еще больше озлобил хана против владельца,—теперь хан „и наипаче ему мстит".

По всему заметно, что главным оружием, направленным против Замьяна и Бамбара, для хана служило обвинение обоих владельцев в готовности покинуть степь. Замьян писал канцлеру, что хан подозревает, „яко бы он, с Бамбаром соединясь, оба с улусами своими хотели отойти в Оренбург, или в Яицкой казачей городок“. Подозрение имело своим основанием сношения Замьяна с киргиз-кайсаками известные и правительству. Но действия хана были направлены к тому, чтобы если нельзя совершенно лишить обоих владельцев их улусов, то, по крайней мере, отнять у них значительную часть кибиток; это послужило бы к усилению власти хана и отвечало бы давнишней мечте хана—свести к нулю значение крупных улусных владельцев. Еще в 1744 году дербетовский владелец Лабан-Дондук высказывал Татищеву опасения за будущность своего улуса, имея пред глазами пример владельцев хошоутовского улуса: „Напред сего те хошутовы владельцы имели собственные свои немалые улусы и торгоутским как хану, так и главным владельцам подвластны не бывали, но токмо по свойству с ними обще кочевали, которые все от торгоутов разорены и приведены в бессилие и убожество, и ныне состоят под властию торгоутов»[10]. Дербетовский улус, благодаря ряду причин, обладал большею стойкостью, и хану приходилось серьезно считаться с ним, прочие же улусы, сколько бы они ни отстаивали свои права и свое значение, не могли играть никакой серьезной роли в калмыцкой жизни, так как ханская власть, по мере ее усиления, подчиняла их себе. Ни Замьян, ни Бамбар не могли ничего достигнуть в борьбе с Дондук-Даши, а на долю Цебек-Дорджи, выступившего на историческую арену с 1761 года, остались одни только интриги против сына Дондук-Даши, слабого и неопытного наместника калмыцкого ханства. Замьян, с огорчением писавший 27 декабря 1757 года Жилину по поводу обезличения владельцев ханом, его произвола и всяческих стеснений: «ныне как я, так и подобные мне люди ни в одном козленке и полушки воли не имеем»[11], скоро переменил фронт, стал искать успехов в качестве прислужника русского правительства и достиг не малых выгод себе в дальнейшем, хотя для этого ему и пришлось отколоться от обще-

---

[10] АКА, д. 1744 года, № 166; см. „Журнал разговорам разным, содержащийся по иностр. экспедиции“, л. 21.

[11] АКА, д. 1758 года, № 270, л. 1 об.

калмыцкой жизни. Бамбар не был способен на то, что мог позволить себе Замьян,—этот, по современной ему правительственной характеристике, пронырливый человек, известный своим «беспокойством» и безмерным честолюбием[12]. Бамбар, помня настроение своего отца Лубжи[13], пошел в 1771 году вместе с прочими калмыками туда, куда повлекла их сила вещей и обстоятельств.

Правительство повидимому не придавало особого значения столкновениям между калмыцким ханом и владельцами; оно расценивало их больше как дрязги домашнего характера, не требовавшие немедленного вмешательства высшей власти. Только спустя два года по получении „листа" Дондук-Даши от 17 сентября 1757 года, когда по делу накопилось уже много материала в виде докладов Спицына и Жилина, а также писем Замьяна, канцлер 30 сентября 1759 года пишет длинное письмо Дондук-Даши, в котором проводит мысль, что хану нечего опасаться Замьяна и Бамбара, так как в крайнем случае он всегда может найти вооруженную помощь со стороны драгунской роты и казаков, дело же Замьяна и Бамбара таково, что требует разрешения „по надлежащему правосудию", к которому канцлер призывает хана и его сотрудников-калмыцких судей. Бамбару, по мнению канцлера, достаточно сделать только выговор за непочтительность к хану, так как он—„один из старших калмыцких владельцев" и родственник хана, у которого к тому же просил извинения, а виновных в насилии над Замьяном «за такой разбой и злодейство» следует примерно наказать; нельзя оставить без «возмездия» и жену Замьяна за ее непорядочный поступок с мужем. Вразумительные письма были адресованы канцлером к владельцам Замьяну и Бамбару[14]. Но надобность в увещательных письмах уже миновала. Между ханом и владельцами состоялось примирение. Спицын считал его результатом своего воздействия на враждовавшие стороны; 30 марта 1760 года он писал Жилину: «хан с теми владельцами, чрез мои увещавания и посредство, пришел в прежнее согласие», а по указу от 5 апреля того же года возвратил письма канцлера в кид[15]. Но относительно Замьяна надо ска-

---

[12] Так характеризуется Замьян в рескрипте Бекетову от 3 августа 1770 года; АКА, д. 1771 года, № 360, л. 24.

[13] „Этюды", ч. 1, стр. 106—107.

[14] АКА, д. 1758 года, № 268, лл. 109—124.

[15] АКА, д. 1759 года, № 277, л. 283.

зать, что примирению его с Дондук-Даши едва ли не больше способствовали смерть Дон-Араши и женитьба в 1759 году, с письменного разрешения хана[16], на вдове джунгарского владельца Дежида, Ользе-Орошиху, доставившей Замьяну возможность, после некоторых хлопот, присоединить к своим кибиткам до 800 кибиток хойтов, бывших подвластными ее первому мужу. Вышедший из Джунгарии вместе с другими джунгарцами, Дежид направился к Волге. В г. Тюмени у него родился сын, названный по месту рождения Тюменем. В калмыцкой степи улус Дежида, по подобно улусам других джунгарских владельцев[17], был раскассирован между торгутами. Скоро Дежид умер, и когда Замьян женился на Ользе-Орошиху, предварительно потребовавшей от него усыновления Тюменя, то столько же она, сколько и новый ее муж были заинтересованы признанием за ними прав на принадлежавшие Дежиду кибитки хойтов. Свидетельские показания природных джунгарцев: ламы Даши, бывшего бакшей Унпюсюновой кюре в Джунгарии, и ламы Унзата, состоявшего у джунгарского хун-тайджи Галдан-Череня «при словесных приказах исполнителем», относятся к концу ноября 1764 года; оба они подтвердили факт владения Дежидом кибиток в числе 800, а Даши по поводу неправильного раскассированья кибиток хойтов между торгоутскими владельцами упомянул: «я в приезд свой бригадиру (Бехтееву) представлял, чего для точно природных зенгорцов, которые в подданство в. г-ни пришли, раскосовали? Хотя оное мое представление за справедливо (Бехтеев) и принимал, однако наконец я приметил, что правость богатством прочих людей преодолена, почему и оставил[18]», дело без дальнейшего движения в ту пору, т. е приблизительно во второй половине 1761 года, когда после Спицына в его

---

[16] Письмо Дондук-Даши к Замьяну по поводу намерения владельца жениться на Ользе-Орошиху, датируемое октябрем 1759 года, приводится в д. АКА за 1828 год, № 1183, лл. 54—54.

[17] Можно указать, напр., на Джиргала и Джирина, приезжавших с Замьяном в сентябре 1763 года к астраханскому губернатору Бекетову с жалобой на захват их кибиток торгоутскими владельцами и письменно предлагавших губернатору 1 тысячу рублей, денег и 8 пар калмычат, если он заставит торгутов возвратить джунгарским владельцам их кибитки. Так как Джиргал и Джирин делали такое предложение Бекетову по совету их „свойственника“ по Ользе-Орошиху, Замьяна, то ему и пришлось получить строгий выговор от губернатора. АКА, д. 1763 года, № 309, лл. 193 об.—194. У Шеаренга тоже, как мы видели,—см. выше, стр. 187, была захвачена торгутами часть кибиток.

[18] АКА, д. 1765 года, № 318, лл. 8 и 14.

должность вступил А. Бехтеев[19]. Права Замьяна, Ользе-Орошиху и Тюменя на хойтский улус были признаны не позже начала 1765 года, и в Замьяновском улусе, куда к хошоутам были присоединены хойты, стало насчитываться свыше 1 тысячи кибиток. Что касается владельца Бамбара, то действительно на него Спицын мог оказать должное воздействие довольно легко. Владелец не прочь был выпить и в состоянии опьянения допускал опасные промахи. Однажды, изрядно угостившись у Спицына, он явился к Дондук-Даши и заявил калмыцкому правителю, что Спицын обижен доверчивостью его к клеветникам, старающимся уронить Спицына в глазах наместника и поссорить их друг с другом. Дондук-Даши письмом от 6 февраля 1757 года потребовал от Спицына назвать клеветника по имени. Спицын 18 февраля ответил, что сообщение Бамбара-ложное: «никому того ничего говорено не было... Оной Бамбар как у меня был, то был весьма шумен[20] и, может быть, будучи он в таком образе, вздумалось ему от себя затеять, а я ему при от'езде только говорил, чтоб он в. вп-нию поклон мой засвидетельствовал.[21]». Так как на лицо имелся свидетель, бодокчей наместника Басан Мантыков, переводивший разговоры Спицына с Бамбаром, то последний оказывался в некрасивом положении сплетника. Такого неосмотрительного человека Спицыну, как оффициальному лицу, удобно было взять в руки, при случае припугнуть ответственностью за клевету, или за что-нибудь другое и заставить сделать, что нужно.

Цебек-Дорджи приходился внуком хану Дондук-Омбо. Он родился от Галдан-Нормо, окончившего жизнь в ссылке в Казани. Так как Дондук-Омбо считался владельцем багацохуровского улуса, то по смерти хана его улус должен был перейти по наследству к потомкам Дондук-Омбо; ими были его дети от Джан: Рандул, Додби, Асарай и Джубасар и дети Галдан-Нормо от Никбы: Цебек-Дорджи, Кирип и Аксахал. Зимою 1742 года Джан с ее детьми была взята в Москву, и в том же году Дондук-Даши, приезжавший сюда для поздравления Елизаветы Петровны по случаю ее коронации, возбудил пред правитель-

---

[19] Указ о замене Спицына Бехтеевым был дан 20 июля 1761 года; АКА, д. 1761 года, № 294, лл. 1—3. Бехтеев уволен от службы по указу 4 октября 1765 года; АКА, д. 1765 года, № 320, лл. 379—380.

[20] Сначала было написано: „будучи у меня в гостях, сделался уже пьяной“.

[21] АКА, д. 1757 года, № 260, лл. 43 об.—44, 49 и об.

ством вопрос о положении багацохуровского улуса, насчитывавшего у себя 2420 кибиток. Наместник указывал, что «хана Дондук-Омбы собственной улус Багацохур с владельцы своими напред сего улусы калмыцкие многократно в смятение приводил, а ныне уже и все их улусы привели в крайнее разорение, и от того сами весьма обогатились, и усилились, и ружьем удовольствовались, и в таком состоянии находятся, что хотя и Дондук-Омбы нет, но и зайсанги его без всякого труда могут улусы их паки привесть в междоусобие, и буде того не предварить, и их разделением не обессилить, то все улусные их люди имеют опасение, что оные и ныне у них могут вновь междоусобные ссоры действительно произвесть». Дондук-Даши предлагал выделить часть улуса в пользу детей Галдан-Нормо, ту же часть, которая должна была принадлежать детям Дондук-Омбо от Джан, наместник просил временно передать ему с правом пользоваться податью с кибиток и вообще « с ними поступать так, как с собственными его улусными людьми». Предложение наместника было принято, и просьба его была удовлетворена указом кид от 31 августа того же 1742 года, посланным на имя астраханского губернатора В. Н. Татищева. Однако, последний, посоветовавшись с царицынским комендантом П. Ф. Кольцовым, нашел неудобным исполнить указ в точности. 25 сентября и 17 октября Татищев и Кольцов представляли правительству, «что Галдан-Нормину жену, владелицу Никбу с детьми и со всеми багацохуровыми улусы ввели они в линию за тем, что их кроме оного безопасно содержать никак не возможно, и что положили они ей, владелице Никбе, в половину дать улус, именуемой Барон, а на другую половину под именем детей Дондук-Омбиных оставить улусы Зюн и Запсар и до указу владеть ей, Никбе, всеми обще». При этом сообщалось о переводе дербетовского улуса на донские кочевья, так как воровство дербетовцев „русским не мало разорения приключило». Предоставить наместнику половину багацохуровского улуса Татищев и Кольцов считали не полезным делом; они полагали, что «тем он о исправлении разоренных прилежать не будет“, при чем «ему от т. с. Татищева многократно рассуждением представливано, чтоб он, оставя суеверство, обманов поповских не слушал и раздаваемое им многое богатство употребил на вспоможение бедным“[22]. К наставлениям губернатора Дондук-

[22] Ср. *Н. А. Попов*, цит. изд., стр. 314.

Даши отнесся „с противностью", но Татищев был твердо убежден, „что ежели владелица Никба со всеми багацохуры и Лабан-Дондук с дербетями будут особо кочевать, то к содержанию в совершенном страхе и покорности оного Дондук-Даши может не меньше служить, как бы его дети в аманатах были, в противном же случае, ежели оные в полную власть ему отдадутся, весьма опасно смятения, понеже вкоренившаяся в них злоба разве смертью всех пресечется",—рассуждал Татищев. Однако, проект его не был принят. „По довольному в коллегии рассуждению, и по совету с бывшим не малое время в калмыцких улусах д. т. с. Бахметевым, посланным от 11 ноября 1742 ж года к т. с. Татищеву указом то его и бригадира Кольцова представление не аппробовано и в рассуждении того, что напред сего от учиненного губернатором Волынским тому народу на двое разделения были беспокойства и происходили российским войскам многие затруднения, предписано ему калмыцкие улусы содержать в соединении и под единым управлением, и для того о даче из того багацохурова улуса Дондук-Омбиной невестке с детьми по калмыцким обыкновениям принадлежащей части и о поручении оставших за тем до указу ему, наместнику ханства, подтвержден выписанной от 31 августа указ". Татищев должен был делить багацохуровский улус, и, по разделу, на долю трех сыновей Галдан-Нормо пришлось 604 кибитки, на долю же четырех сыновей Джан—1816 кибиток. Эти последние были переданы „впредь до указу" наместнику Дондук-Даши „со взятьем у него в том надлежащего реверса, и оным он обязался поступать с ними во всем так, как с собственными его улусными людьми, а когда оные указом ее. и. в—ства востребуются, то он по тому и учинить непременно должен"[23]. Дондук-Даши владел багацохуровскими кибитками до самой своей смерти; дети Джан, получившие после крещения в 1744 году, по указу 6 июля 1745 года, право именоваться князьями, сама она княгиней и дочери ее княжнами Дондуковыми[24], ничем не пользовались от этих кибиток, так как получали особое жалованье от казны.

Смерть Дондук-Даши поднимает на ноги Цебек-Дорджи, а затем и Дондуковых. Цебек-Дорджи, вместо того, чтобы

[23] АКА, д. 1762 года, № 301, лл. 83—86 об.
[24] Там же, лл. 91 об.—92 об.

явиться по приглашению Спицына на собрание владельцев в урочище Бугуту близ р. Кумы, где умер калмыцкий хан, бежит из своего улуса с братом Аксахалом и 65 калмыками на Дон в Черкасск. Спицын имел сведения, что владелец поступил так в виду известия, «яко бы следует для поимки его российское и калмыцкое войско». Действительно, войска были в сборе. Кроме драгунской роты, Спицын потребовал из Астрахани и Кизляра подкрепление в числе 550 человек солдат. Но русские войска были приготовлены не для поимки багацохуровского владельца, а потому, что ожидалось нападение торгутов на дербетовцев, и надо было предотвратить возможность калмыцкого междоусобия. С другой стороны, калмыки вооружились в виду слухов о подготовляющемся нападении на них киргиз-кайсаков. Сам Убуши, сын Дондук-Даши, принявший правление над калмыками, был настроен по отношению к Цебек-Дорджи совсем не враждебно. Напротив, он отправил к владельцу двух своих зайсангов, Дорджи-гецюля и Балдана, „для отвращения того его сумнения“. Зайсанги уже не застали Цебек-Дорджи в улусе. Безрезультатной оказалась и посылка Спицыным нарочного с письмом к владельцу[25]. Цебек-Дорджи мчался к старинному приятелю Дондук-Омбо, донскому войсковому атаману Ст. Д. Ефремову. Но в Черкасске он его не нашел,—атаман выехал в Петербург, на Дону же остался наказный атаман Ив. Мок. Иловайский, к которому и обратился наш владелец с просьбой принять участие в его судьбе и спасти от угрожающей опасности быть убитым зайсангами умершего хана, «по склонности их к оставшему по нем, хане, сыну его Убаше..., дабы от него никакого о прежних его наследственных его багацохуровых, а сверх того и других торгоутовых улусах претензии и помешательства происходить не могло, и что для того собраны были и войски калмыцкие»[26]. Встретив у Иловайского ласковый прием, Цебек-Дорджи попросил его переслать письмо к Дондуковым, в чем тот не отказал, но направил письмо в Петербург не по прямому назначению, а на имя Ефремова, который 19 февраля представил его в кид при свом доношении.

---

[25] АКА, д. 1761 года, № 291, л. 161 и об,

[26] АКА, д. 1762 года, № 301, л. 96.

Вот это письмо: «Джидже[27], Додбе[28] и Асараю[29] Цебек-Дорджино письмо вручить о следующем. Дондук-Даши генваря месяца 21 числа скончался. А между тем чрез хоб[30] получил я известие, что оставшиеся после его знатные люди хотят меня поймать и умертвить, почему я того ж генваря 28 числа ночью тайным образом ушол и, чрез четыре дни и четыре ночи бежав с меньшим братом моим Аксагалом, благополучно приехал в Черкасской. А Киирап[31] был в походе, и мы уповаем, что ему, по от'езде нашем оттуда, никакого вреда не учинили. Что же принадлежит до того, что вышеозначенные знатные люди намерены были меня умертвить, как о том мне один мой приятель и знатной человек об'явил, то оное состоит в том, что они Убашу[32] намерены учинить владетелем и жить с покоем. Но понеже у них окроме меня с двумя моими братьями, також и окроме вас, Додби с матерью вашею и с братом, иных неприятелей нет, а из нас Додби с матерью и с братом у г-ни в милости находится, а я с двумя братьями, будучи в службе государыниной, никакой погрешности не учинил и потому еще могу и милость получить. Что же касается до чести и достоинства нашего, то и мы—такие же Аюки хана внучата, как и Убаша. И ежели мы о всем том будем писать к г-не и, увидясь с родственниками нашими, удостоимся г-ной милости, то мы можем получить наследные наши багацохуровы улусы, а сверх того и оставшихся ханских подданных улусных людей разделим по себе. И для того они и намерены были за то меня умертвить. Однако же я, по милости богов, от того спасся и благополучно сюда приехал. Я о здоровьи всех вас получил известие от приехавшего сюда в Черкасской курьером одного поручика и весьма порадовался. А ныне мне каким образом вспомоществовать будете, оное состоит в вашем рассуждении.

Я здесь о таком мне приключении наказному войсковому атаману Ивану Мокеевичу об'явил, и он обо мне весьма старается, и обещал моего посланца с письмом отправить к Степану Даниловичу, с которым посланцом и мы намерены к г-не

---

[27] *На полях:* „княгине Вере Дондуковой".
[28] *На полях:* „князю Алексею Дондукову".
[29] *На полях:* „князю Ионе Дондукову".
[30] *На полях:* „на калмыцком языке *хоб* называется ябедник или переносчик вестей".
[31] *На полях:* „Цебек-Дорджин брат".
[32] *На полях:* „сын бывшего хана Дондук-Даши".

отправить доношение, також и к Степану Даниловичу писать будем, возобновляя с ним от отца и деда моего беспорочную и древнюю дружбу, и при том его просить, дабы он в сем нашем деле по крайней возможности постарался и учинил вспомоществование. А мы к нему обо всем весьма пространно писать будем. Из чего и вы усмотря и посоветовав с ним, можете мне сыскать полезной способ. А ежели отсюда наш посланец и письма отправлением замедлятся, то прошу меня взять туда, или подать мне наставление, каким образом мне в том лучше поступать, и с тем при письме вашем прислать ко мне нарочного своего человека, ибо ныне у нас окроме сего, иного дела важнее нет. И для того, при припадении вашем к стопам им—ским, каким образом сие дело ко окончанию приведете, оное состоит в вашем рассуждении.

А мы, служа г—не, учинили награждения достойные дела следующие: 1. В 1701 году, во время бывшего калмыцкого междоусобия, когда Чакдоржап и Санжип, получа правление над торгоутами и забрав с собою все торгоутские улусы, покочевали к зенгорцам, и тогда х. Аюка находился в Яицком казачьем городке, а дед наш Гунжип, будучи в г. Саратове, все кочующие в зенгорскую сторону улусы возвратил к Волге и учинил их подданными г—рю. 2. Потом, в 1731 году, когда у Дондук-Омбы с братьями его произошла междоусобная ссора, и тогда помянутой Дондук-Омбо, услыша о походе на него знатного числа донского войска, хотя и отошол было в крымскую сторону, однако он же, дед мой, по указу склонился и привел все торгоутские улусы к Волге и учинил г—ными подданными. А потом он, Дондук-Омбо, и ханское достоинство получил. Когда же у россиян с турками учинилась война, и указом велено было Кубань разорять, и тогда дед и отец мои, во исполнение оного указа, по крайней своей силе и возможности, в том старание свое прилагали. Також на Крым и на прочие татарские жилища многократные нападения чинили, и их разоряли, и Кубань опустошали. И так они, служа г—не без всякого порока, умерли. 3. Потом, в 1742 году, когда сей владелец[33] вас обманул и привел в великую робость и тем выгнал вас в Черкесы, и тогда я с двумя моими братьями о том представлял т. с—ку, також и г—не доносил. И за то получил я

[33] *На полях*: „хан Дондук-Даши".

из наследных улусов маленькую часть. 4. Потом, в 1745 году, когда выгнанной из улусов в Крым Бодонг оттуда возвратился, то Дондук-Даши со всеми торгоутами намерен был отойти на Кубань, о чем я уведав, об'явил о том г—лу Спицыну и т. с—ку и астр—му г—ру, також и г—не доносил, и тем я намерение принявшие ко уходу на Кубань улусы остановил при Волге и учинил их г—ниными подданными, за что оной Дондук-Даши, на нас возымея злобу, руководителя моего и дядьку чрез моего ж человека убил до смерти, а мне г—ня, по случаю такого моего доношения, всем—ше соизволила повелеть и впредь такие их поступки присматривать и доносить. И при том соизволила повелеть—определить мне жалованье по сту рублев на год. А как в нынешнем году помянутой Дондук-Даши, оставя позади себя 10 тысячь человек войска, с улусами своими скоро покочевал, то я посему с моей стороны, приняв подозрение, с улусом моим кочевал позади. А между тем он, Дондук-Даши, скончался. Сие писано 3 февраля 1761 года»[34].

Таким образом, Цебек-Дорджи ставит пред потомками Дондук-Омбо ряд задач: они должны были совместными усилиями возвратить в свое владение весь багацохуровский улус, добиться присоединения к себе «ханских подданных людей», чем само собою предполагался и переход ханской власти снова в их род. Права на ханство в представлении Цебек-Дорджи обусловливались не только происхождением от Аюки и заслугами предков Гунжепа и Дондук-Омбо, но еще тем, что Цебек-Дорджи способствовал разоблачению замыслов Дондук-Даши уйти на Кубань, семье же Дондуковых пришлось пострадать от происков бывшего хана. Кто должен быть калмыцким ханом, и при каких обстоятельствах имел совершиться переход ханской власти к потомкам Дондук-Омбо, об этом Цебек-Дорджи умалчивал в письме к Дондуковым. Но в июле 1761 года кид располагала сведениями на этот счет; в кид «чрез посыланного из Кизляра в Кабарду получено (было) и такое известие, что оной владелец Цебек-Дорджи вознамерился с подвластными своими уклониться на Кубань по такой причине, что надлежало было ему после хана Дондук-Даши вступить по наследству в ханское правление, а не сыну оного хана Убаше, которой будучи весьма его моложе, будет им, старшим, коман-

---

[34] АКА, д. 1761 года, № 290, лл. 41—44 об.

довать; а как напред сего и дед его, Дондук-Омбо, от российской стороны уклоняясь, отходил с подвластными своими калмыками на Кубань, и тогда обратно вызвали его оттуда с приласканием и поручили ему над младшими старшинство, то и его, Цебек-Дорджу, по примеру того вызывать принуждены будут»[35]. Словом, у Цебек-Дорджи намечался тот же способ действий, какой в свое время употреблял Дондук-Омбо. Из дальнейшего мы увидим, что к Цебек-Дорджи присоединяется на Дону значительная группа калмыков с их владельцами, и вместе с ними багацохуровский владелец, пожалуй, мог бы повторить маневр своего деда, если бы другие обстоятельства способствовали этому. Но этого то последнего и не оказывалось на лицо, вследствие чего, сделав первые шаги в данном направлении, Цебек-Дорджи имел благоразумие во-время остановиться от дальнейших шагов, которые были бы для него роковыми. Главное, он не был единственным владельцем багацохуров: из улуса ему принадлежала только четвертая часть кибиток, при том не полностью, а вместе с Кирипом и Аксахалом. На три четверти улуса имели заявить претензии Дондуковы, и для Цебек-Дорджи предстояла задача склонить их на свою сторону. Задача была трудная, если принять во внимание властолюбие матери Дондуковых— княгини Веры, бывшей Джан—кабардинки.

Не ограничившись письмом, Цебек-Дорджи отправляет к Дондуковым посланца Джимбо-Дензена. Он делает это без ведома начальства, чем обращает на себя еще более подозрительное внимание кид. Все же кид указом от 6 апреля разрешает Иловайскому снарядить Цебек-Дорджи для поездки, по просьбе владельца, в Петербург с свитой в 10 человек калмыков[36]. Выехав из Черкасска, Цебек-Дорджи повстречался на р. Хопре с Ефремовым, возвращавшимся на Дон из Петербурга, и раздумал ехать в столицу. Он повернул назад и вслед за Ефремовым опять приехал в Черкасск, откуда на некоторое время выезжал в калмыцкую степь. Действия владельца об'яснялись здесь приказаниями Ефремова, и в этом смысле Спицын 23 июля написал доклад в кид, при чем доводил до ее сведения, что донской атаман уклоняется от ответов на запросы о Цебек-Дорджи. Наместник Убуши с своей стороны доносил в

[35] АКА, д. 1762 года, № 301, лл. 96 об.—97.
[36] АКА, д. 1761 года, № 290, лл. 73—76.

на него, Ефремова», на письма же Спицына, обещавшего владельцу «все дела его поправить», прямо отвечал, что в отношении к нему «имеет он опасение»[39].

В Петербурге Цебек-Дорджи нашел холодный прием. Никаких выгод для себя он не получил, особенно же неприятно было ему узнать, что Вера Дондукова и сын ее Алексей получают разрешение вернуться в калмыцкую степь и вступают во владение принадлежащими им кибитками багацохуровских калмыков[40]. Этим не улучшалось положение Цебек-Дорджи,—он по прежнему оставался небогатым владельцем. Первые неудачи, однако, не сломили его. У него имелись приверженцы: 29 января 1763 года Замьян передавал по секрету губернатору В. В. Неронову: «слышно, что Эремпель и Сампиль-гелюнг Цебеку обязали себя присягами, чтоб признавать его за начальника; и так Эремпель и Сампиль-гелюнг советуют, чтоб все калмыцкие улусы захватить и отойти к Шести Водам к кубанской стороне, где нынешнее лето им быть, на что Цебек им ответствовал, что калмыцкие улусы и сами собою уже в замешательство приходят, и в таком уже де нам случае на себя и нарекание принимать не для чего»[41]. Отказавшись от открытого выступления, Цебек-Дорджи предпочел выжидать естественного развития событий в калмыцкой жизни и действовать против наместника Убуши посредством интриг, при участии Веры и Алексея Дондуковых. В чем состояли эти интриги, оказавшие свое влияние на событие 1771 года, об этом уместнее будет рассказать при изложении ближайших обстоятельств и причин ухода калмыков[42]. Тогда в полный рост станут пред нами калмыцкие деятели своего времени, каждый с индивидуальными чертами в характере, взглядах, настроении и приемах действий; для нас пока достаточно было предварительно познакомиться с некоторыми из этих деятелей.

22. VII. 27.

---

[39] АКА, д. 1762 года, № 301, л. 96 об.
[40] Это было в 1762 году; см. „Очерк“, стр. 61 и дал.
[41] АКА, д. 1763 года, № 309, л. 181 и об.
[42] Некоторые факты отмечены в IX и X главах „Очерка“, стр. 60—83.

VII.

Дополнения к I части „Этюдов“.

К стр. 13:

Реабилитируясь пред правительством, калмыцкий наместник Дондук-Даши 1 июня 1745 года, между прочим, пишет, что в 1701 году, когда торгуты возмутились поступком хана Аюки в отношении к сыну Чакдоржапу, покинули хана и ушли за Яик, то только благодаря убеждениям Чакдоржапа, они удержались от дальнейшего движения к Джунгарии, куда их влек Санжип; не будь Чакдоржапа,—говорит Дондук-Даши,—«волжских и яицких торгутов и имени уже не было» бы на Волге,—остались бы одни дербеты, не приставшие тогда к торгутам и откочевавшие на Дон[1].

К стр. 88:

Из рапорта кап. Худошина от 27 марта 1735 года из Борисоглебска Беклемишеву видно, что под караулом сидело трое калмыков; один из них, Цой-Телей в ночь на 8 марта того же года покончил с собой—удушился в постели гайтаном, предварительно выслав из „клети“ часового под предлогом, что тот мешает ему спать[2].

К стр. 97:

18 июля 1735 года Беклемишев получил в Царицыне письмо от Дарма-Балы, Церен-Дондука и Шакур-ламы о необходимости прилично встретить „зоучинов“, о приезде которых в Саратов у калмыков имеется „известие более десяти суток“[3].

---

[1] АКА, д. 1746 года, № 188, л. 79 об.; ср. *архим. Гурий*—„Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Т. 1. Калмыки. Казань. 1915“, стр. 190, примеч. 1, где приводится выдержка из „Описания калм. народов“ В. М. Бакунина. Наличные данные не позволяют принять догадку *И. Бичурина*,—цит. изд., ч. IX, стр. 317,—будто Санжип отводил к Цеван-Рабтану „военное вспоможение, собранное из разных улусов“, с согласия Аюки, под влиянием убеждений Дарма-Балы в необходимости сделать это для пользы всех ойратов.

[2] АКА, д. 1735 года, № 71, л. 52 и об.

[3] Там же, л. 120.

К стр. 98:

Вручение Церен-Дондуку далай-ламинских грамоты и знамени, происходившее 10 сентября 1735 года, калмыки рассматривали, как акт провозглашения его в подлинно ханском звании. На торжестве присутствовали и представители русской администрации, а после ими была составлена «Записка бывшей у хана Черень-Дондука церемонии, как данной ему от далай-ламы ханской чин от Шакур-ламы в народ публикован", из 16 пунктов[4]. Из „зоучинов" первую роль на церемонии играл Батур-Омбо, ставший тогда уже гелюнгом. Намки-геленя на торжестве не было. О нем „Записка" упоминает только в связи с речью о знаменах: одном—„тук", присланном Церен-Дондуку „во знак ханства от далай-ламы", и другом, данном „от бурхана Чойчинга" собственно Намки-геленю.

Накануне торжества, 9 сентября Церен-Дондук прислал Беклемишеву в Царицын письмо: «вина, водки, ренского, вишневки, меду и чихирю, також рыбы, дынь и арбузов нам весьма надобно..., чего, как наибольше отыскав, пришлите"[5].

К стр. 100.

В „листе" к Анне Ивановне от 16 ноября 1733 года Дарма-Бала жалуется: «моих собственных улусов половину, и другие вещи: злато и сребро, корольки и жемчуг, и прочей весь мой багаж без остатку взял Дондук-Омбо", при нападении на улус ханши в начале ноября того же 1733 года[6].

К статье: „Джунгарец Лоузанг-Шуну в калмыцкой степи", стр. 201—237:

Студент Института Живых Восточных Языков, Дорджи Онкоров 30. VI—27 сообщил мне текст песни о Лоузанг-Шуну, распространенной среди приволжских калмыков, и перевод ее, в котором, кроме Д. Онкорова, принимали участие Бадма Г. Майоров и Лиджи Н. Нормаев:

---

[4] Описание церемонии у *архим.Гурия*—цит. изд., примеч. на стр. 203—205, без указания источника, откуда оно заимствовано, в общем не расходится с данными „Записки" в д. АКА за 1735 год, № 71, лл. 181—182.

[5] Там же, л. 180.

[6] АКА, д. 1734 года, № 61, л. 54 об.

Цастин цаган уулд
Цагахн арслн наадна̌;
Цагни болсн Лузн-Шана
Заята нагцнран темцна̌.
Буугин сумн борта била̌,
Буугад кӱла̌м зӱркта̌ била̌;
Буйни кӱцсн Лузн-Шана
Заята нагцнран темцв.
Заагин зандн бишмӱдта̌ била̌,
Заглма шӱӱрм борта била̌;
Заянь болсн Лузн-Шана
Заята нагцнран темцв.

В переводе:

На белоснежной горе
Белый лев играет;
Лузн-Шана, обреченный на гибель,
Направился к своим нагцанар.[7]
Серый конь у него—как пуля,
Сердце непоколебимое: готов слезть с коня и ждать своего противника;
Лузн-Шана, воплощение добра,
Направился к своим нагцнар.
Бешмета окраска—что цвет зандана[8],
Конь такой быстрый, что догонит сокола;
Лузн-Шана, судьбой решонный,
Направился к своим нагцнар.

Кроме того, Д. М. Онкоров передавал о слышанной им от калмыков легенде, будто Лоузанг-Шуну родился от черкеса и калмычки, попавшей к черкесам в плен; черкесы хотели его убить, и ему пришлось, спасая жизнь, бежать в калмыцкую степь к родственникам по матери.

Бегство Лоузанга-Шуну в калмыцкую степь, где у него были родственники, и именно—по матери, составляет бесспорно историческое зерно в песне и в легенде. Но их герой бежал в степь не с снежных гор Кавказа и не от черкесов, а из Джунгарии, от своего отца, джунгарского хун-тайджи Це-

[7] Так калмыки называют родственников по матери.
[8] Зандан—по „Калм.-русск. словарю *А. М. Позднеева*, (СПБ, 1911), — дерево сандал.

ван-Рабтана, намеревавшегося его убить по проискам Галдан-Череня, брата Лоузанга-Шуну. Его матерью была Сетер-Джан, дочь калмыцкого хана Аюки. Легенда указывает на черкесскую кровь Лоузанга-Шуну; это возможно допустить, считая, что такою кровью он мог быть обязан предкам по матери. Аюка имел несколько жен. Одна из них была черкешенка и мусульманка из княжеского рода, по имени Обюхана. Она фигурирует в документах АКА 1714 и 1719 годов. В 1714 году Обюхана была уже старухой. Смерть сына, неизвестного нам точно по имени[9], сильно повлияла на нее: она затосковала, стала думать о собственной смерти и „о расставании у хана прошалась" Аюка, „по ее вере, ради смертного часа, в свою веру отпустил с честию, Обюхану. Переезд в Астрахань, в среду мусульман, не успокоил ее. Здесь, м. пр. Обюхану обидел персидский („кизилбашский") посол, отняв у нее ясыря. Обюхана пожаловалась на посла астраханскому обер-коменданту М. И. Чирикову, но тот обозвал ее „безумной бабой" и, не став сам разбирать ее дело, передал его дворянину Борису Кереитову, судье татарских дел, чем Обюхана осталась недовольна. За нее вступился кочевавший вблизи Астрахани сын Аюки Чакдоржап и в защиту мачехи написал несколько писем Чирикову, из которых мы и извлекаем вышеприведенные сведения о разведенной жене калмыцкого хана[10]. 29 декабря 1719 года сам Аюка, проявляя заботливость о бывшей жене, напоминает астраханскому „боярину"[11] о необходимости выдать жалованье, „повсягодно" назначавшееся Обюхане от казны[12]. Не была ли Обюхана матерью Сетер-Джап, ставшей женой хун-тайджи Цеван-Рабтана около 1698—1699 года, и не от Обюханы ли, как бабки по матери, Лоузанг-Шуну унаследовал черкесскую кровь, на которую указывает калмыцкая ле-

---

[9] Во всяком случае, это был один из двух сыновей Аюки, которые умерли в промежуток времени от 1701 по 1714 год: Гунжеп, или Гунделек. В „Выписке о калмыцких ханах", составленной в кид в июле 1762 года,—эта „Выписка" цитировалась у нас выше,—после краткого рассказа о событиях 1701 года читаются следующие строки: „Вскоре после того четвертый Аюкин сын Гунжеп умер, оставя двух сынов своих: Дондук-Омбу и Бокшургу, а по нескольких летех умер и пятой Аюкин сын Гунделек"; далее сообщается об об'явлении Аюкой Чакдоржапа в 1713 году своим наследником; АКА, д. 1762 года, № 301, л. 76 об. Так как смерть Гунделека более близка к времени развода Аюки с Обюханой, то сыном ее приходится, повидимому, считать Гунделека.

[10] АКА, д. 1714 года, № 2, лл. 53, 17, 37, 44 и об.

[11] Это был, вероятно, И. В. Кикин, ближайший помощник губернатора А. П. Волынского, правивший в его отсутствие делами губернии.

[12] АКА, д. 1719 года, № 7, л. 100.

генда? Что касается белоснежной горы и белого льва в песне о джунгарце, то рискованно было бы видеть здесь намек на кавказскую обстановку, в которой будто бы, по представлению легенды, Лоузанга-Шуну застиг роковой час. Реализма здесь нет, как не видно и вообще органической связи между первыми двумя стихами песни и дальнейшим ее содержанием. В параллель белому льву на белоснежной горе можно поставить символического белого же льва на вершине снежной горы, фигурирующего в приписке к письму 1662 года хошутовского Аблай-тайши, опубликованной Вл. Л. Котвичем[13]. Это дает основание рассматривать образы в калмыцкой песне, как символы, выражающие намерение ее составителя поставить счастливый исход рокового события в жизни героя в связь с тем обстоятельством, что событие протекло под знаком диковинного зверя, обитающего в необычной для льва внешней среде[14]. Интересно, наконец, отметить, что *Лоузанг-Шуну, явившись* в калмыцкую степь, особенно ласковый прием нашел себе в семье владельца Дондук-Омбо, женатого на кабардинке Джан, однозаконной с Обюханой мусульманке, и взял замуж их дочь, Черен-Балзан.

К стр. 250:

При об'яснениях с Лангом, Джамбо-Джамсо, желая задобрить иркутского в.-губернатора, преподнес ему „хорошим убором оправленную" турецкую пищаль и золотые часы, предназначавшиеся Дондук-Омбо в подарок далай-ламе. Дундук-Даши возбудил дело об этих „подарках". 9 декабря 1749 года подполковник кизлярский нерегулярной команды Раслан-бек Шейдяков подал канцлеру Бестужеву-Рюмину письмо Дондук-Даши от 26 октября того же года, с изложением обстоятельств, при каких пищаль и часы попали к Лангу, и с просьбою „отыскать" эти вещи, а если можно, то отдать ему, намест-

---

[13] Цит. изд., стр. 1202.

[14] Не следует ли, точно так же, искать соотношения между символическим белым львом песни и хурульными изображениями львов, напр., в Тюменевке на левом берегу Волги в 60 верстах выше Астрахани,—там мы видим рисунки их внизу перегородки, отделяющей среднюю часть хурула от святилища, по сторонам входа в последнее; *В. В Суслов*—„Очерки по истории древне-русского зодчества. СПБ. 1889", стр. 58, табл. 6, рис. 1—3. Подобные же изображения львов, в разных красках, можно встретить на стенах и некоторых других хурулов; бывают они и на хурульной утвари, а статуи львов иногда украшают вход в хурул.

нику на том же основании, на каком отданы ему все вообще подарки Дондук-Омбо, предназначавшиеся для, далай-ламы. 31 декабря 1750 года кид написала Лангу, что „ежели сие в самом деле так было, как наместник ханства пишет, то вы, по получении сего, имеете оные часы и пищаль для отправления к наместнику ханства прислать сюда, в коллегию, не умедля, а буде иначе, то ожидается от вас на сие ответа“. 23 января 1751 года канцлер сообщает Дондук-Даши о запросе относительно ружья и часов, посланном к Лангу[15]. 12 марта 1752 года кид дает знать Спицину, что от Ланга получены донесения от 5 августа и от 13 ноября, „которыми он представляет, что помянутые ружье и часы посланцом Джимбою-Джамсою ему, Лангу, подарены добровольно, без всякого принуждения, и при оных часы и ружье прислал сюда. И хотя те часы, повидимому, не только небольшой цены, но и в употребление непрочны, однакож оные здесь починены и посылаются обще с ружьем к вам при сем указе, а вы имеете их к нему, наместнику, от себя отослать“. Обе вещи Спицын передал Дондук-Даши 2 мая 1752 года.[16]

30. VI. 27.

[15] АКА, д. 1750 года, № 220, лл. 81 и 88 об.—89.
[16] АКА, д. 1751 года, № 233, л. 64 и об.

I. Указатель собственных имен.

II. Указатель географических названий.